

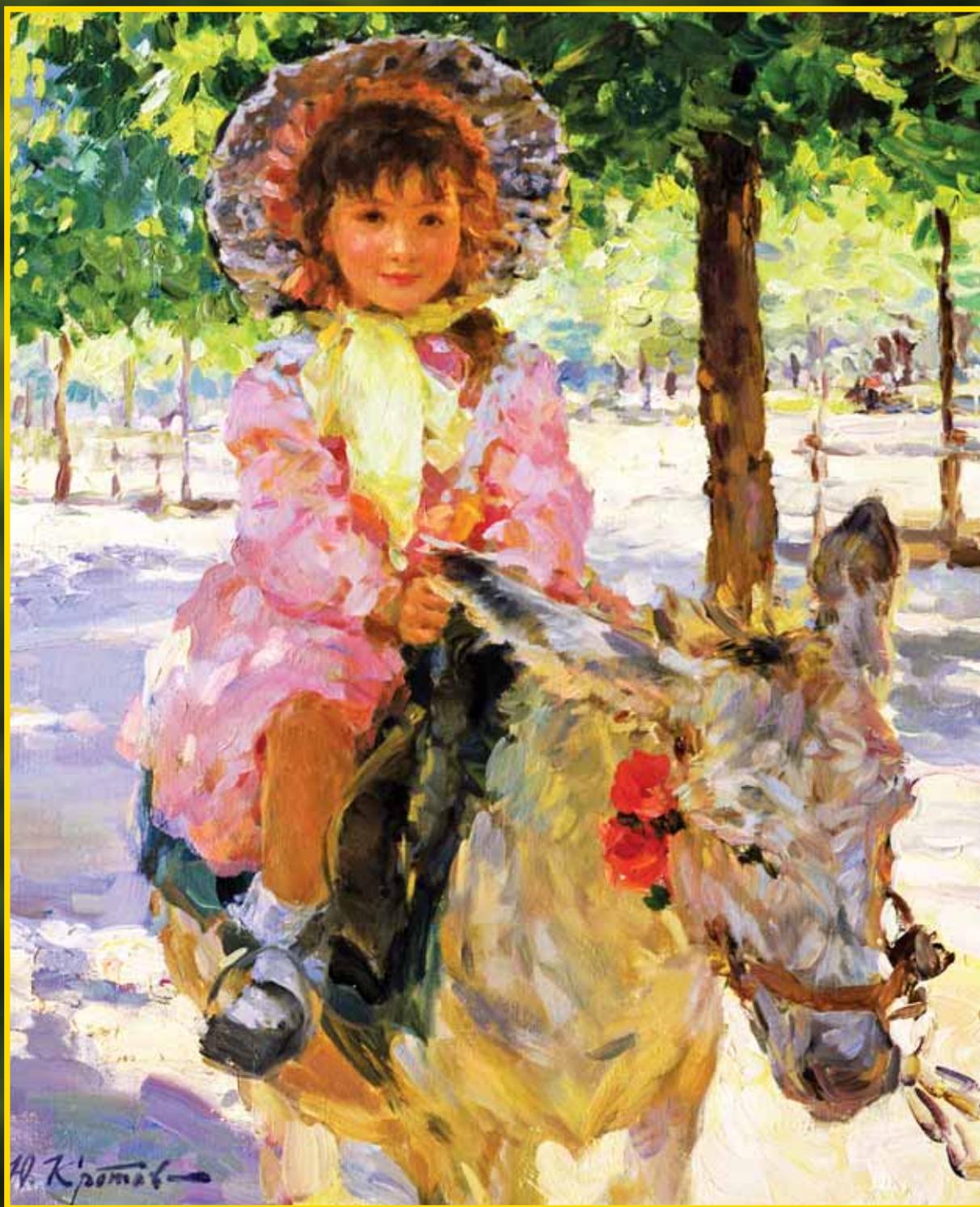
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

Виктор Ом. Портрет Т. Зульфикарова.
Читайте на странице 104.

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Одиночество и свобода Владимира Набокова 4
--------------------	---

Житейские истории

<i>Ольга Степнова</i>	Взятка 28
-----------------------	------------------------

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Род Бестужевых-Рюминых 38
--------------------------------	--

Рассказ

<i>Евгений Рудашевский</i>	Нерпёнок Тюлька 54
	Приблуда 57

Замечательные современники

<i>Ольга Михайлова</i>	Фантастика Хелью Ребане 62
<i>Елена Воробьева</i>	Дмитрий Вдовин: «Сегодня театрам нужны молодые певцы» 80
<i>Виктор Ом</i>	Мой Зульфикаров 100

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Сюзанна Валадон. Любовь, которая всегда была с ней66
---------------------	---

Минувшее

<i>Алла Зубкова</i>	Подруга Великого Петра 88
---------------------	--

Поэзия

<i>Валерий Митрохин</i>	Стихи 107
-------------------------	------------------------

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 112
------------------------	-----------------------------------

Детектив

<i>Р. Остин Фримен</i>	Красный отпечаток большого пальца 130
------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Юрий Кротов «Девочка на ослике»
(Из собрания И. Переверзина)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

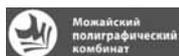
Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8000

Зак. № 3271

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.07.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Ими восхищались, их боялись, перед ними заискивали. Об их силе и храбрости в гвардии ходили легенды. В бою и кутежах им не было равных. Они явились порождением блестящего и авантюрного 18-го века. «Екатерининскими орлами».

Георгий **Кричевский** «Братья Орловы»

«Именно благодаря этому человеку царскосельская Николаевская гимназия заняла особое место среди учебных заведений России. И точно так же, как о царскосельском лицее принято говорить как о «Пушкинском», эту гимназию с полным правом можно назвать «Анненской». Иннокентий Федорович Анненский действительно обладал талантом выдающегося педагога и деятеля отечественного просвещения. Однако при этом он был также замечательным поэтом, одним из зачинателей символизма, а еще — драматургом, филологом-эллинистом и литературным критиком нового направления.

Юрий **Осипов** «Тихие песни Иннокентия Анненского»

«Имя Дмитрия Ивановича Менделеева современная молодежь знает, хотя и не всегда понимает, чем конкретно он знаменит. Периодическая система элементов — да кто же ее через два года после окончания школы вспомнит? Водку, говорят, изобрел — это интересно. Да, еще семнадцатый ребенок в семье — ну, это для любителей исторических курьезов. К сожалению, и при жизни Менделеев был больше известен за границей и не слишком популярен в России, хотя внес неоценимый вклад в российскую науку.

Светлана **Бестужева-Лада** «Русский феномен»

«Когда Станиславского не стало, Немирович на похоронах, стоя у его могилы, сказал: «Здесь начинается бессмертие». И он был прав. Именно бессмертие — театра, актерского мастерства — начал человек, рожденный купцом Алексеевым, но волею судьбы и своей собственной волей ставший тем, кого сегодня знают во всем мире как великого Станиславского.

Евгения **Гордиенко** «Театр одного режиссера»

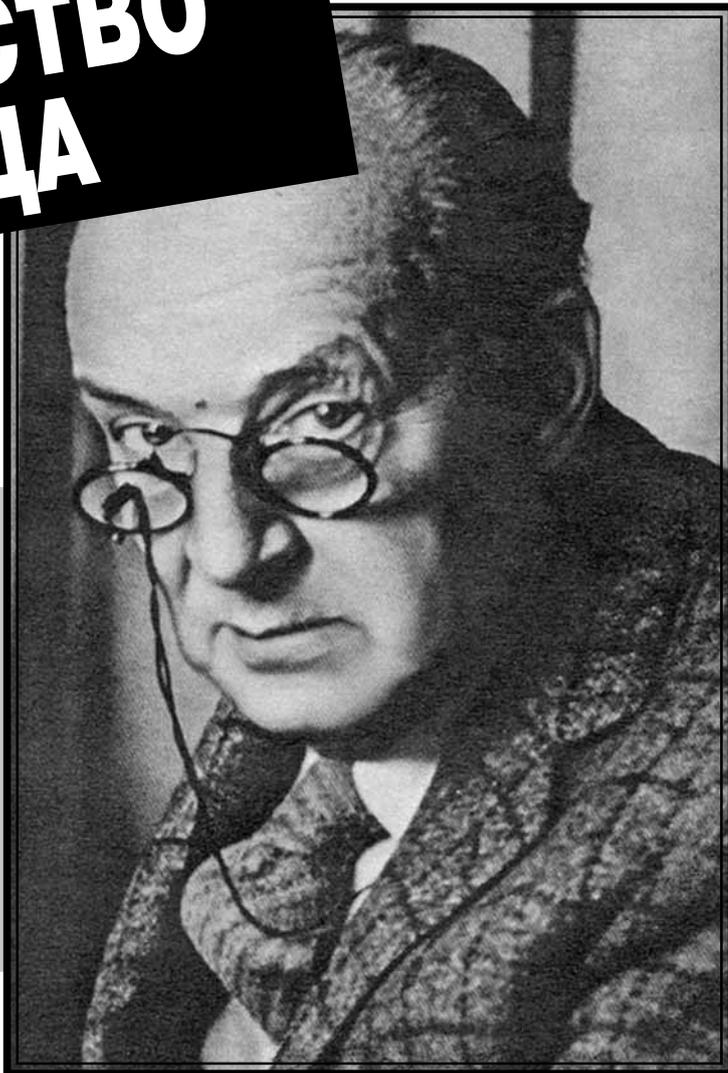
«Окончание детектива Р. Остина **Фримена** «Красный отпечаток большого пальца».

Юрий Осипов

ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю...

В. Набоков

НВладимира Набокова

Существуют два Набокова.

Первый — потомственный дворянин, можно сказать, аристократ, сын одного из лидеров кадетской партии. В девятнадцатом году последним пароходом из Крыма он с родителями покинул Россию, окончил Кембридж, жил в Германии, Франции и под символическим псевдонимом «Сирин» (райская птица русского лубка) в 20-х-30-х годах опубликовал в эмигрантских изданиях на русском языке

романы, повести, сборники стихов и рассказов. Посвященная первой половине жизни пронзительная биографическая книга «Другие берега» была последней написанной по-русски уже за океаном.

Второй Набоков, переехав с женой накануне войны в США, под собственным именем создал на английском (и сделал затем его русский перевод) сенсационный, дважды экранизированный роман «Лолита», а следом за ним — другие произведения, которые принесли ему громкий успех, материальное благополучие и сделали классиком современной литературы. На русском он не писал больше никогда. И, тем не менее, его англоязычные произведения — и «Пнин», и «Бледный огонь», и «Взгляни на Арлекинов!», и, в особенности, последний роман «Ада» — так или иначе связаны с утраченной родиной, с Россией.

Он всю жизнь был ни на кого не похож. В эмиграции его книги обескураживали внешней оторванностью от национальных литературных традиций и навлекали обвинения в «нерусскости». Благодаря шокировавшей и покорившей всех «Лолите» он в одночасье превратился из безвестного преподавателя провинциального колледжа в литературную знаменитость и продолжал ею оставаться.

Набоков любил подчеркивать, что родился «в один день с Шекспиром и через сто лет после Пушкина», обозначая тем самым свою высокую принадлежность к обоим великим литературам. При этом пояснял: «Моя голова говорит по-английски, сердце — по-русски, а ухо — по-французски».

Как явление литературы Набоков неповторим. Как многогранная человеческая личность — абсолютно уникален. Он преподавал русскую и французскую литературу в престижных университетах Соединенных Штатов, снабдив пушкинский роман в стихах двухтомным комментарием, перевел прозой на английский язык «Евгения Онегина», а на русский — «Алису в Стране чудес», составил сборники шахматных задач, выступил автором фундаментальных работ о редких видах чешуекрылых. Был прекрасным спортсменом и отважным путешественником.

Бабочки и шахматы стали символами набоковского творчества. Его русская и английская половины симметричны друг другу, подобно двум крылышкам бабочки с их прихотливым узором. Слово клетки на шахматной доске, располагаются восемь русских и восемь английских романов писателя (по иронии судьбы, как бы не желая нарушать симметрию, дописать девятый роман на русском, «Solusrex», ему помешала война, а девятый на английском — «Оригинал Лауры» — смерть).

Примечательно, что, не нуждаясь в средствах, Набоков на склоне лет переехал с женой в Швейцарию и до последнего дня продолжал жить в старинном отеле курортного городка Монтре, снимая просторные апартаменты (теперь на их двери красуется мемориальная доска, а перед входом в отель установлен памятник писателю). Монтре еще в студенческие годы поразил его «совершенно русским запахом еловой глуши». Свой дом он не заводил по определению: дом остался в России.

Справа:
*Будущий
писатель
Владимир
Набоков
(справа)
с матерью,
братом и
сестрами*

*Родители
В.В. Набокова*

«Колыбель качается над бездной». Этой сногшибательной фразой начинаются «Другие берега». Память о наполненных красками и звуками окружающей природы безмятежных годах в родовом имении Выра под Гатчиной окрашивает лучшие произведения Набокова.

Мощная фигура отца, Владимира Дмитриевича Набокова, блестящего юриста и политика, сына министра юстиции в правительстве Александра II и Александра III, благород-

ного и смелого человека, всплывает на страницах самого исповедального набоковского романа «Дар». Облик и черты характера матери писателя, Елены Ивановны (урожденной Рукавишниковой), дочери богатейшего золотопромышленника, мы узнаем в матери главного героя романа «Подвиг».

Родился Владимир Набоков 10 апреля 1899 года в частном доме Набоковых на Большой Морской. Читать по-английски научился рань-

ше, чем по-русски. Отец писателя был англоманом и воспитывал трех сыновей и двух дочерей в английском духе. Дети также обучались с раннего детства французскому языку и блестяще владели им.

Первые потрясения нового века — трагическая русско-японская война и кровавая революция 1905 года — прошли мимо юного Володи стороной. Учиться он начал в знаменитом Тенишевском училище северной столицы, на какой-то незначи-

тельный отрезок времени разминувшись там с Осипом Мандельштамом. Литература и энтомология становятся вскоре главными увлечениями будущего писателя. «Мои наслаждения, — скажет он значительно позже, — самые острые из ведомых человеку: писательство и ловля бабочек». В числе его увлечений были еще футбол, бокс и теннис, пригрозивший ему в эмиграции — уроками тенниса он одно время зарабатывал на жизнь.

Мог ли сверхчувствительный (по воспоминаниям современников) юноша вообразить себе подобную участь, получив осенью 16-го года в наследство от дяди со стороны матери огромное имение Рождественно и миллионное наследство. Перед самой войной ученик Тенишевского училища издал на личные средства первый поэтический сборник. Возможно, главным побудительным стимулом к поэтическому творчеству стала первая любовь. Избранницу Володи звали Вера Шульгина, и познакомились они летом 1915 года. Родители девушки снимали дачу рядом с имением Набоковых. Это бы-

ше от петроградской смуты в Крым, а позднее и сам, чудом избежав ареста, присоединился к ней. Там он вошел министром юстиции в состав Временного правительства оплота белых.

А Владимир тем временем продолжал писать стихи и охотиться за бабочками, познакомился с Максимилианом Волошиным и Андреем Белым. Однажды его чуть было не арестовал бдительный часовой, решив, что он подает сачком сигналы английским военным судам на рейде. Дружба с поэтами и любовные увлечения продолжались недолго. Весной 1919 года красные ворва-

Литература и энтомология становятся главными увлечениями будущего писателя еще с того времени, как он учился в знаменитом Тенишевском училище северной столицы. В числе его увлечений были еще футбол, бокс и теннис, пригодившийся ему в эмиграции — уроками тенниса он одно время зарабатывал на жизнь

ло удивительное лето, открывшее юноше мир новых чувств, «тайнства страсти». Любовные свидания и эмоции того памятного лета Набоков опишет в своем первом романе «Машенька», а спустя много лет — в воспоминаниях, выведя в них Веру под именем Тамара.

Училище Володя успел окончить незадолго до Октябрьской революции, которая лишила Набоковых всего. Осенью 17-го года Владимир Дмитриевич отправил семью подаль-

лись в Крым, и под грохот артобстрелов Набоковы на маленьком греческом пароходе под выразительным названием «Надежда» отплыли из Севастополя на чужбину. Без надежды на возвращение.

Константинополь-Париж-Лондон. Таков был маршрут семьи Набоковых, прежде чем она осела в Берлине. Семейные драгоценности удалось вывезти с собой, и на вырученные за них деньги старших

сыновей, Владимира и Сергея, отправили учиться в Кембридж. Там писателем овладели первые приступы ностальгии, не отпускаявшей его до конца жизни. «Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих попыток удержать Россию», — вспоминал он. Несмотря ни на что, родина, казалось ему, не была утрачена навсегда. Осознание окончательного разрыва со сталинской Россией придет к Набокову позднее, и рус-

ский язык, язык Пушкина, Гоголя, Толстого, останется для него единственным, неотъемлемым достоянием утраченной Отчизны.

Правда, это будет ЕГО особый, «набоковский» язык. И добровольная отчужденность, одиночество творца внутри созданного им совершенного литературного средства выражения даст ему неслыханную свободу. Он старался воскресить и удержать в памяти все мельчайшие подробности своего русского бытия. Нашел

однажды на лотке букиниста Толковый словарь Даля, который сделался его верным спутником на долгие годы. Именно там, в Кембридже, Набоков всерьез взялся за изучение русской литературы. Одним из творческих итогов его университетских лет стала «Студенческая поэма», написанная перевернутой онегинской строфой.

Примечательно, что первая опубликованная научная работа В. Набокова называлась «Несколько замечаний о крымских чешуекрылых» и была написана еще в России. Она появилась в начале 1921 года. А вскоре эмигрантская газета «Руль», в числе учредителей и редакторов которой выступал отец писателя, поместила дебютный набоковский рассказ «Нежить». Автор подписался: «В. Сирин», дабы его не путали с отцом, поме-

щавшим в газете свои статьи. Так произошло рождение нового прозаика (стихи Набокова уже печатались в разных эмигрантских изданиях). Под этим псевдонимом ему суждено было прославиться в кругах русского зарубежья.

За удачным литературным дебютом последовало горестное событие. В марте 1922 года в зале Берлинской филармонии на лекции бывшего министра Временного правительства П. Милюкова напарником стрелявшего в него черносотенца был убит отец писателя, пытавшийся заслонить от пули соратника по кадетской партии.

Между уроками тенниса и английского языка, которые Владимир давал бюргерским отпрыскам и детям русских толстосумов, привольно обосновавшимся в германской столице, он писал рассказы, а в 1926 году закончил роман «Машенька», посвятив его отцу. Печатавшиеся в организованных русскими эмигрантами берлинских газетах и журналах, а также в парижском журнале «Современные записки» эти литературные шедевры не имели вплоть до 80-х годов легального доступа на родину писателя.

В отличие, скажем, от Бунина, Куприна, И. Шмелева, Б. Зайцева и других известных писателей-эмигрантов, Россия у Набокова совершенно иная — это образ утраченного детства, а вместе с ним — гармонии и чистоты. Это, как сказано в «Машеньке», «знак, вопрос, брошен-

ный в небо и получающий вдруг самоцветный, восхитительный ответ». В эту страну детства он неудержимо хотел вернуться, понимая обреченность и несбыточность своей мечты. «Бывают ночи: только лягу, \ \ в Россию поплывет кровать; \ \ и вот ведут меня к оврагу, \ \ ведут к оврагу убивать».

Отвлеченные сюжеты, нереальные ситуации, скопище чудаков и поразному «вывихнутых» персонажей, «обезжизненность» их чувств и поступков, умозрительность образов, искусственность композиции — в чем только ни обвиняли Набокова писавшие и пишущие о нем. Но даже его самый тенденциозный многолетний эмигрантский критик Г. Адамович признавал как данность исклю-

чительный литературный талант прозаика и называл Набокова «большим русским писателем, который не в ладах с русской литературой».

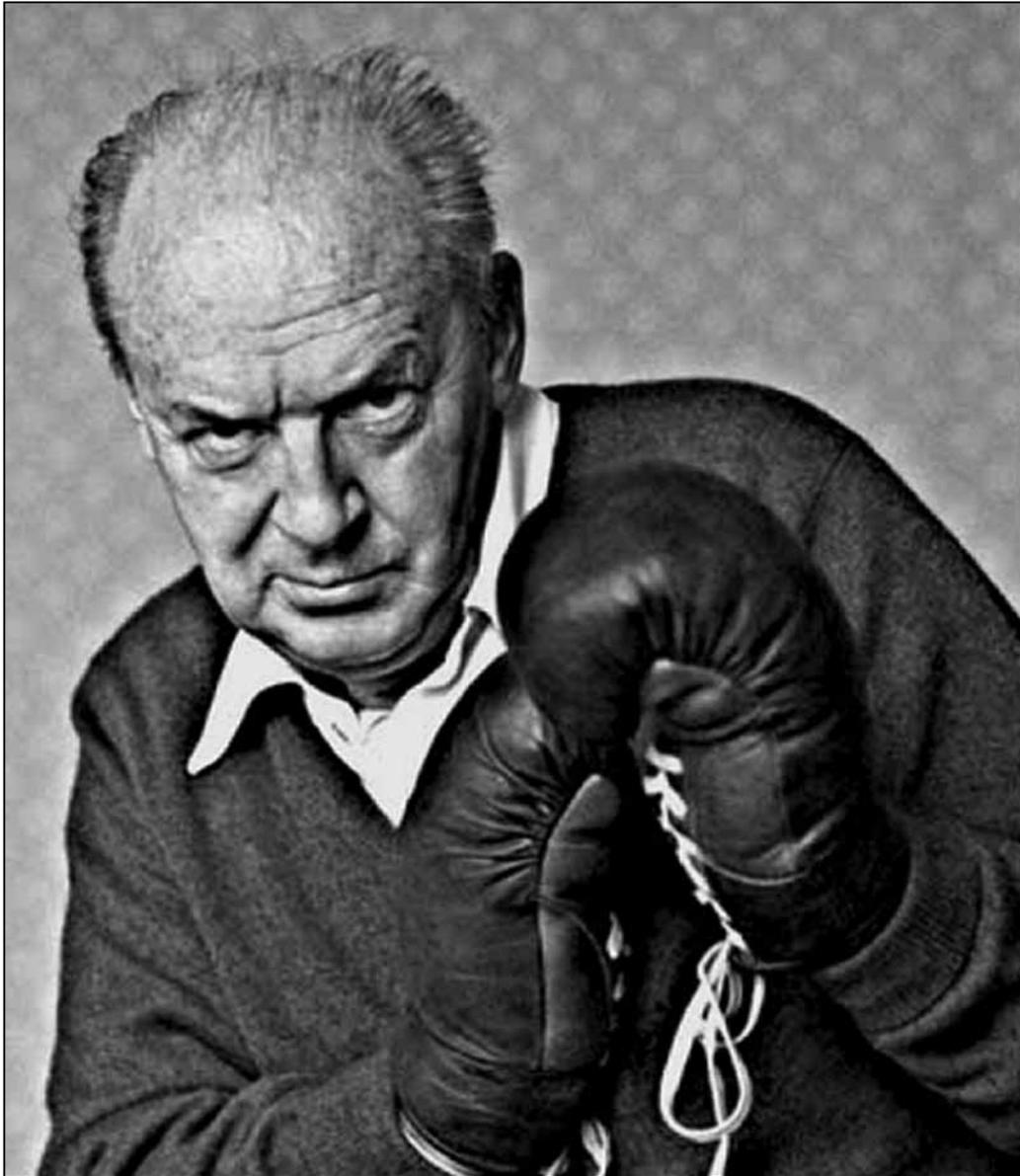
Думается, все же Набоков был «не в ладах» с миром, неотвратимо сползавшим к катастрофе, а не с русской литературой, о которой писал: «Пушкин, Гоголь, Толстой и Чехов встали по углам моей комнаты».

Личная жизнь молодого Набокова изобиловала любовными переживаниями. Начались они со знакомства в июне 1921 года с дочерью русских эмигрантов Светланой Зиверт. Она стала его возлюбленной, а затем невестой и героиней многих лирических стихотворений того периода. Встречались не часто, Вла-

Слева: *Вера Слоним*

С женой Верой и сыном Дмитрием

дмир, на пару с отцом, засел за перевод книги Р. Роллана «Кола Брюньон», название которой адаптировал на русский язык как «Николка Персик». За ним последовали переводы «Алисы (у Набокова — Ани) в Стране чудес», произведений Рембо, Ронсара, Теннисона, Байрона, Китса, Бодлера, Верлена, Шекспира, Гете и других корифеев европейской литературы. При этом еще он упорно работал над своими собственными произведениями.

Утрата горячо любимого отца сильно повлияла на душевное состояние Набокова. Год омрачился также расставанием со Светланой Зиверт, на чем настояли ее родители. К тому моменту Владимир завершил обучение в Кембридже и переселился в Берлин, своеобразную «столицу» русской эмиграции. Елена Ивановна с остальными детьми уехала в Прагу. Начинающий писатель оказался предоставлен сам себе. Постоянной прилично оплачива-

емой работы он не имел и не соби-рался искать, а потому Зиверты ре-шили, что этот рафинированный сноб едва ли сможет обеспечить до-стойное существование их дочери.

Горечь расставания едва ли мог компенсировать молодому человеку выход сразу двух его стихотворных сборников — «Гроздь» и «Горний путь», еще во многом подражатель-ных, но уже звучащих набоковским голосом. В подготовке этих сборни-ков к печати участвовал известный поэт Саша Черный, которого Набо-ков в некотором смысле признавал своим учителем. И вот тут-то судьба преподнесла ему бесценный пода-рок. На костюмированном балу он

сложения. Платили мало, но гоно-рары за стихи и рассказы были еще меньше. Выручали переводы.

Постепенно приходило призна-ние. Роман «Король, дама, валет» (1928), не укладывающийся ни в ка-кие традиционные рамки и букваль-но ослепляющий языком и стилем, принес долгожданный коммерче-ский успех, самый большой за весь европейский период жизни Набоко-ва. Полученный гонорар позволил супругам отправиться в Восточные Пиренеи, где за ловлей бабочек пи-сатель начал вынашивать замысел романа о гениальном русском шах-матисте. В результате родилась «За-щита Лужина» (1929), написанная по

В

есной 1919 года красные ворвались в Крым, и под грохот артобстрелов Набоковы на маленьком греческом парохо-де под выразительным названием «Надежда» отплыли из Севастополя на чужбину. Без надежды на возвращение

встретил Веру Слоним. Ей суждено было стать его женой, матерью его сына, его музой, секретарем, пер-вым читателем, поверенной и душе-приказчиком, словом, его вторым «Я». Они поженились в апреле 1925 года и прожили рука об руку счаст-ливую безоблачную жизнь.

Женившись, Владимир Владими-рович принялся зарабатывать на жизнь систематическими уроками английского и французского язы-ков, тенниса, бокса и даже стихо-

законам шахматной партии. Главный герой Лужин мало что понимает в жизни, покорно отдается в руки предприимчивой молодой женщине, полюбившей его, и, разрабатывая защиту против опасного соперника, на пике турнира впадает в умопо-мрачение. Когда же врачи на время запрещают ему играть, жизнь его трагически пустеет, и, чтобы защи-титься от смутных шахматных ком-бинаций, которые в его больном во-ображении подстраивает ему жизнь,

он накануне свадьбы выбрасывается на глазах невесты с балкона.

Роман продемонстрировал рост писательского мастерства автора, ставящего перед собой все более сложные задачи. «Защита Лужина» была напечатана в ведущем эмигрантском журнале «Современные записки», где печатались Куприн и Бунин. Бесспорный успех романа превра-

тил Сирина из «многообещающего молодого автора» в «оправдание эмиграции». Даже Бунин, который, в общем-то, Набокова недолюбливал, признался, прочитав роман: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня».

Они встретились по приглашению Бунина в изысканном парижском

ресторане, и Иван Александрович, с присущим ему сарказмом писал в «Других берегах» Набоков, «был удивлен моим равнодушием к омару и нежеланием распахнуть душу». Непревзойденный новеллист, Бунин одним из немногих по достоинству оценил набоковские рассказы, продолжавшие выходить сборник за сборником. И сегодня «Возвращение Чорба», «Пильграм», «Облако, озеро, башня», «Весна в Фиальте» представляются совершенными образцами малой формы, которые вдохновляли поколения отечественных новеллистов.

Но все же центральное место в творчестве писателя занимают крупные вещи. В 1930 году в «Современных записках» вышла повесть «Соглядатай». В ней использованы характерные приемы, ставшие фирменными знаками набоковского стиля: смешение объекта и субъекта повествования, зеркальные отражения реалий, появление двойников и потусторонних явлений, размытость границ действительности, многоплановость проблематики, вариативность окончательных решений, ядовитая ирония и отстраненный скептицизм. Через тридцать с лишним

лет писатель отмечал «Соглядатая» как важную веху на своем творческом пути.

Следующий год — год «Подвига», вершинного романа Сирина, щемяще лиричного, личностного, целиком сотканного из грусти и тепла. Куда более умозрительна «Камера обскура», вышедшая в 1932 году. В 38-м Набоков значительно переработал этот роман, переведя его на английский и назвав «Смех в темноте», очевидно, с прицелом на киносценарий. Но роман пародировал

дится переписывать и переделывать — есть рассказы, над которыми я работал по два месяца... Иногда приходится переделывать и переписывать каждое слово».

Отшельнический образ жизни писателю все же удавалось в те годы нарушать не только для ловли бабочек. Он выбирался к матери в Прагу и во время одной из этих поездок провел целый день с Мариной Цветаевой, упоминая о возникшей между ними личной привязанности. Слу-

Судьба, наконец, преподнесла Набокову бесценный подарок. Однажды, живя в Берлине, на костюмированном балу он познакомился с Верой Слоним. Ей суждено было стать его женой, матерью его сына, его музой, секретарем, первым читателем, поверенной и душеприказчиком, словом, его вторым «Я». Они поженились в 1925 году и прожили рука об руку счастливую безоблачную жизнь

голливудские штампы, был лишен «хэппи-энда» и киношников не заинтересовал.

В конце того же 32-го года, дав первое в жизни интервью после успешных публичных лекций в Париже, Владимир Владимирович поделился секретами своей писательской техники: «В том, что я пишу, главную роль играет настроение... замысел романа возникает неожиданно... остается только проявить зафиксированную где-то в глубине пластинку... Иногда пишу запоем по 12 часов подряд... А иногда прихо-

двались тогда у Владимира Владимировича мимолетные любовные приключения, на которые Вера, вероятно, смотрела сквозь пальцы и которые закончились с рождением у них в 1934 году сына Дмитрия. В том же году в «Современных записках» увидел свет этапный роман Набокова «Отчаяние». Этот роман имел широкий успех по обе стороны океана. Острота сюжета и глубокий психологизм привлекли к «Отчаянию» интерес одного из крупнейших послевоенных кинорежиссеров Германии Р. Фассбиндера, снявшего

в 1978 году по роману Набокова фильм.

В 34-м году писатель приступил к работе над романом, призванным воплотить его сокровенные, давно вынашиваемые мысли и чувства, но неожиданно прервал ее ради другого замысла и буквально за две недели создал вчерне «Приглашение на казнь». Потом, разумеется, была долгая стилистическая правка, шлифовка текста, так что книга вышла только на следующий год. «Голос скрипки в пустоте», «моя единственная поэма в прозе» — вот как характеризовал это произведение сам автор. Роман-загадка, роман-иносказание, где живой человек, наделенный душой и воображением, противостоит условному миру пошлых кукол. Его часто сравнивали с «Процессом» Ф. Кафки, хотя сходство двух писателей чисто внешнее, источники их творческой фантазии были совершенно разными.

Вернувшись к отложенному исповедальному роману, Набоков ощутил невозможность продолжать жить в Берлине, который превратился в столицу Третьего рейха. Там становилось все тяжелее и опаснее. Преследования евреев напрямую грозили его жене Вере. Поэтому в начале 1937 года супруги с маленьким сыном переехали во Францию. Весной в «Современных записках» была напечатана первая глава романа «Дар».

А вот его финал:

«Когда они пошли по улице, он почувствовал быструю дрожь вдоль спины... До дому было минут двад-

цать тихой ходьбы, и сосало под ложечкой от воздуха, от мрака, от медового запаха цветущих лип... и Зина, напрягая ноздри, говорила: "ах... понюхай", — и опять преснел мрак, и опять наливался медом. Неужели сегодня, неужели сейчас? Груз и угроза счастья... И все это мы когда-нибудь вспомним, — и липы, и тень на стене, и чьего-то пуделя, стучащего неподстриженными когтями по плитам ночи. И звезду, звезду...

Прощай же книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дай замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка».

Это история возмужания литературного таланта живущего в Берлине с неизбывной тоской по утраченной родине молодого русского эмигранта Федора Чердынцева, осознание им ответственности перед своим даром. А еще это — роман о прекрасной любви, любви, обрывающейся в будущее мечтой о счастье.

После завершения «Дара» для Набокова наступил трудный период. Встал вопрос: куда двигаться дальше? Покорив такую вершину, непросто вновь превзойти себя. А кроме того, непонятно было, кто читает книги В. Сирина. Русская эмиграция переживала кризис, в преддверии

назревающей войны ее культурная жизнь затухала, теряла значение. Набокову предстояло что-то менять. Выход подсказал перевод «Отчаяния» по заказу английского издательства. «Ужасная вещь — переводить самого себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку», — говорил он в одном из писем той поры.

Закончив перевод, Владимир Владимирович решил попробовать написать роман на английском и в январе 39-го завершил «Подлинную жизнь Себастьяна Найта». Публикация романа, тепло, но без особого энтузиазма встреченного читающей публикой, произошла уже в Америке в 1941 году. Переход в творчестве с русского на английский дался писателю мучительно. Распрощаться в душе с Россией не удавалось. И он в отчаянии обращался к ней: *«Отвяжись, я тебя умоляю! Вечер страшен. Гул жизни затих. Я беспомощен, я умираю от слепых наплываний твоих»...*

Начавшаяся война и надвигавшаяся гитлеровская оккупация Франции вынудили Набоковых ради спасения жизни покинуть Европу (младший брат писателя Сергей погиб в фашистском концлагере). С большим трудом, выхлопотав при помощи друзей французскую выездную и американскую въездную визы, они в мае 40-го отплыли навстречу неизвестности из Сен-Назера в Новый Свет на пароходе «Шамплен».

В Соединенных Штатах писателю неожиданно понравилось. Начиная с того, как при осмотре багажа таможенники, увидев в его чемодане пару боксерских перчаток, надели их и стали в шутку боксировать. Такая непосредственность не могла не импонировать жизнелюбу Набокову, равно как и индустриальный размах огромной страны. В Америке писатель почувствовал интеллектуальную свободу, которой ему не доставало в Европе, а над пошлостью окружающей действительности и фетишизмом материальных благ он предпочитал спокойно иронизировать.

Первое время супруги жили у друзей в Нью-Йорке. Набоков сотрудничал с эмигрантскими периодическими изданиями, искал работу преподавателя колледжа и обзаводился новыми знакомыми. Только спустя пять лет после приезда Набоковы получили американское гражданство.

Начинать пришлось с чистого листа, словно и не было за плечами пятнадцати лет успешного европейского творчества и чтения лекций. Ему повезло встретить известного романиста и критика Э. Уилсона, дружба с которым продолжалась долгие годы, закончившись разрывом по причине политических разногласий. Рекомендации Уилсона и несколько пробных лекций в разных университетах, но, главное, оказавшая по иронии судьбы в университетской библиотеке его книжка с переводом «Алисы в Стране чудес»,

повлияли на решение начальства пригласить Владимира Владимировича в Уэслейский колледж вести курс русского языка и литературы. Правда, на условиях возобновляемых годовых контрактов. Потом уже был Корнельский университет, где Набоков занял вакансию штатного преподавателя.

Студенты русского преподавателя полюбили, старательно слушали его лекции, далеко не все в них понимая. Сам «мистер Набоков», по воспоминаниям одной студентки, производил впечатление «спокойного, уверенного в себе, мужественного человека. От него приятно пахло табаком, в нем ощущалась врожденная дели-

катность и естественное аристократическое достоинство». Подкупала также его манера изложения — наглядная, образная, порой парадоксальная.

Почтительное изумление вызывало у студентов «чужачество» их профессора, который во время отпусков путешествовал с семьей по США в погоне за бабочками и продолжал изучать чешуекрылых в энтомологическом отделе нью-йоркского Музея естественной истории, а затем в «лабораторном раю Гарвардского музея сравнительной зоологии», где даже испортил себе зрение работой с микроскопом. Но она приносила Владимиру Владимировичу

огромное удовольствие, которое он не променял бы ни на что.

Сам Набоков с иронией относился к своим студентам. «Великое братство троечников, становой хребет нации старательно марает бумагу... В лучшем случае они отрыгивали на экзамене кусочки моего мозга».

Любопытно, что первой книгой, написанной Набоковым в Америке, оказался не роман, а литературоведческое исследование — «Николай Гоголь». Его предложил написать издатель «Себастьяна Найта», и вместо запланированных двух месяцев работа над книгой растянулась на год. Основной сложностью являлось отсутствие качественных

переводов Гоголя. Кроме того, Набоков, с присущей ему требовательностью к себе, был недоволен своим английским слогом. «Хотел бы я увидеть англичанина, который мог бы написать книгу о Шекспире на русском языке», — мрачно шутил он.

А его первый «американский» роман «Под знаком незаконнорожденных» вышел в свет только в 1947 году. Выбор названия автор объяснил так: «Термин «bendsinister» обозначает в геральдике полосу или черту, прочерченную слева (и по широко распространенному, но неверному убеждению обозначающую незаконность рождения). Я попытался создать... представление об искажении

в зеркале бытия... зловеще левеющим мире». Это экзистенциалистское произведение осталось не понятым массовым американским читателем и, судя по отзывам критики, не могло быть причислено к наиболее значительным вещам Набокова.

Зато следующий его роман «Лолита» (1952) буквально взорвал книжный рынок по обе стороны океана. Он на долгие годы вошел в число бестселлеров на разных языках и

атмосферой американских придорожных мотелей и аптечных забегаловок, завораживающую читателей динамикой криминального повествования, писатель считал своим главным литературным достижением. Русская версия романа о «бедной американской девочке» (так назвал свою героиню автор) увидела свет в 1967 году.

В ханжеско-лицемерной Америке печатать роман отказались, и его

Н

адвигавшаяся гитлеровская оккупация Франции вынудила Набоковых ради спасения жизни покинуть Европу и перебраться в Америку. Первое время супруги жили в Нью-Йорке у друзей. Начинать пришлось все с чистого листа, словно и не было за плечами пятнадцати лет успешного творчества и чтения лекций

принес автору славу одного из крупнейших современных прозаиков. Все это, однако, произошло далеко не сразу. Роман, задуманный писателем еще в Европе, продвигался непривычно для него медленно, даже мучительно. Несколько раз он хотел, было, по примеру Гоголя, который сжег второй том «Мертвых душ», бросить неоконченную рукопись в огонь. Удержала и придала бодрости жена, недаром этот изощренно эротический и не без оснований скандальный роман посвящен ей, Вере.

От прежнего Набокова здесь остался только феерический стиль и «фирменный» язык. Эту остросюжетную вещь, насыщенную тоскливой

опубликовало парижское издательство с сомнительной репутацией «Олимпия Пресс». Тираж был арестован. Последовало судебное разбирательство, и «Лолита» разделила судьбу «Мадам Бовари» Флобера и «Улисса» Джойса. Спустя некоторое время судебный запрет сняли, и роман в 1958 году вышел массовым тиражом в Нью-Йорке, выдержав затем десятки переизданий.

Наступила новая, благополучная полоса жизни Набоковых. В одночасье писатель сделался литературной звездой, его приглашали на телевидение, у него наперебой старались взять интервью журналисты

ведущих изданий. По раскупаемости «Лолита» побила рекорд «Унесенных ветром». Только права на экранизацию оценили в 150 тысяч тогдашних долларов. Все материальные проблемы были отныне решены, и Набоков отказался от утомительной преподавательской работы. 19 января 1959 года Владимир Владимирович прочитал свою последнюю лекцию в Корнелле, по окончании которой его обступила толпа восторженных студенток с экземплярами «Лолиты» для автографов...

Почивать на лаврах он, тем не менее, не собирался. В 1957 году, в самый разгар шумихи, поднявшейся вокруг «Лолиты», вышел новый набоковский роман «Пнин», который вырос из серии его юмористических рассказов, публиковавшихся в журнале «Нью-Йоркер». Это объясняет некоторую рыхлость композиции романа, в центре которого — обаятельный русский эмигрант, Тимофей Павлович Пнин, одинокий пожилой человек, преподающий родной язык и литературу в американском колледже. Очевидное сходство между героем и автором романа, возможно, послужило причиной того, что Пнин является одним из самых человеческих образов Набокова.

Осенью 59-го супруги отплыли в Европу. Посетили Париж, Лондон (оттуда писатель съездил в Кембридж прочитать лекцию), Женеву, Милан, где обучался оперному пению их даровитый сын. Пожив некоторое время в Ментоне, они вернулись в Шта-

ты — Набокову предстояло работать над киносценарием «Лолиты», от которого С.Кубрик мало что оставил. Вторая экранизация романа, по сценарию самого автора, снятая режиссером А. Лайном, гораздо ближе к тексту.

В 1962 году супруги навсегда покинули Америку и поселились на берегу Женевского озера в старомодном отеле «Палас». Апартаменты под номером «64» (число клеток на шахматной доске) стали их приютом на последние пятнадцать лет жизни Владимира Владимировича. Внешний облик его с возрастом сильно изменился: от крыльев породистого носа к губам залегли глубокие складки, взгляд из-под стекол пенсне сделался суровым и испытующим, он погружен, ходил, опираясь на трость, и окончательно стал походить на холеного европейца. В Монтре у него постепенно выработался определенный распорядок жизни.

«Зимой просыпаюсь около семи: будильником мне служит альпийская клушица — большая блестящая черная птица с большим желтым клювом, она навещает балкон и очень мелодично кудахчет. Некоторое время я лежу в постели, припоминая и планируя дела. Часов в восемь — бритье, завтрак, тронная медитация и ванна — именно в таком порядке. Потом я до второго завтрака работаю в кабинете, прерываясь ради недолгой прогулки с женой вдоль озера... Примерно в час — второй завтрак, а к половине второго я вновь

за письменным столом и работаю без перерыва до половины седьмого. Затем поход к газетному киоску за английскими газетами, а в семь обед. После обеда никакой работы и около девяти в постель. До половины двенадцатого я читаю, потом до часу ночи сражаюсь с бессоницей».

В таком жизненном ритме Набоков подошел к созданию, вероятно, одного из самых необычных произведений современной мировой литературы — роману «Бледный огонь» (1962). Какими только оценками ни пестрели отзывы растерянных критиков: «заводная игрушка», «игра в кошки-мышки», «роман по типу «сделай сам»... И впрямь было отчего растеряться. Роман вбирает в себя предисловие к некой поэме, саму поэму в 999 строк, очень слабо связанные с ней комментарии и именной указатель. Читатель узнает, что

автор поэмы Джон Шейд пал от руки убийцы, и теперь комментатор Кинбот готовит ее к печати. Главная тема поэмы — гибель дочери Шейда. Но при этом заметки Кинбота уводят в далекую северную страну Зембле, где произошла революция, отправившая последнего короля этой, так напоминающей Россию, страны в изгнание. Мало того, ошарашенному читателю дается понять, что король-изгнанник и комментатор поэмы Кинбот — одно и то же лицо. Одновременно автор не советует до конца верить странному комментатору, поскольку искусно выстраиваемые подробности повествования позволяют интерпретировать сюжетную ситуацию в другом ключе...

В 1964 году был издан однотомный прозаический перевод «Евгения Онегина» и трехтомный построчный комментарий к нему, собственно,

подсказавший Набокову идею «Бледного огня». Этот кропотливый труд занял у писателя несколько лет и способствовал «правильному», на его взгляд, знакомству англоязычных читателей с одним из величайших произведений русской литературы. Владимир Владимирович продолжал

ты над «Даром» стал записывать первоначальный художественный текст карандашом на библиотечных карточках, не придерживаясь последовательности).

«Ада» — вершина и блистательный итог позднего творчества писателя. По форме это «фэнтези». Дей-

В 1962 году супруги навсегда покинули Штаты и поселились на берегу Женевского озера в старинном отеле «Палас», ставшим их приютом на последние пятнадцать лет жизни Набокова. Его внешний облик к тому времени сильно изменился: взгляд сделался суровым и испытующим, он погрузился, ходил, опираясь на трость, и окончательно стал походить на холеного европейца

вкладывать душу и силы в сближение двух культур, переведя вслед за «Евгением Онегиным» на английский язык «Слово о полку Игореве», стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. «Героя нашего времени» он перевел в соавторстве с сыном, и с ним же — четыре своих русских романа (остальные тоже были переведены).

Неожиданно много времени ушло у Набокова на написание следующего романа, который оказался намного объемнее остальных. Получив в 1969 году от издателя сигнальный экземпляр, Владимир Владимирович написал ему, что встал с книгой в руках на весы, и они показали восемьдесят восемь с половиной килограммов вместо его обычных восьмидесяти семи. Рукопись составила 2500 карточек (Набоков со времен рабо-

стве романа разворачивается на планете Антитерра, искаженном отражении Земли, в колоритной стране Эстотии, объединившей современную Америку и дореволюционную Россию. Полное название книги — «Ада, или Страсть» (в русском переводе — «Ада, или Радости страсти. Семейная хроника») и повествуется в ней, с легким оттенком авторской иронии, о преступной любви главного героя Вана и его родной сестры Ады, представителей богатого аристократического рода. Вся тысяча с лишним страниц книги переливается всевозможными стилистическими эффектами, играет мультязычными понятиями, соединяя безудержную фантазию и глубочайшую эрудицию автора, которая потребовала просторного комментария для

разъяснений бесконечных литературных, исторических и культурных реминисценций.

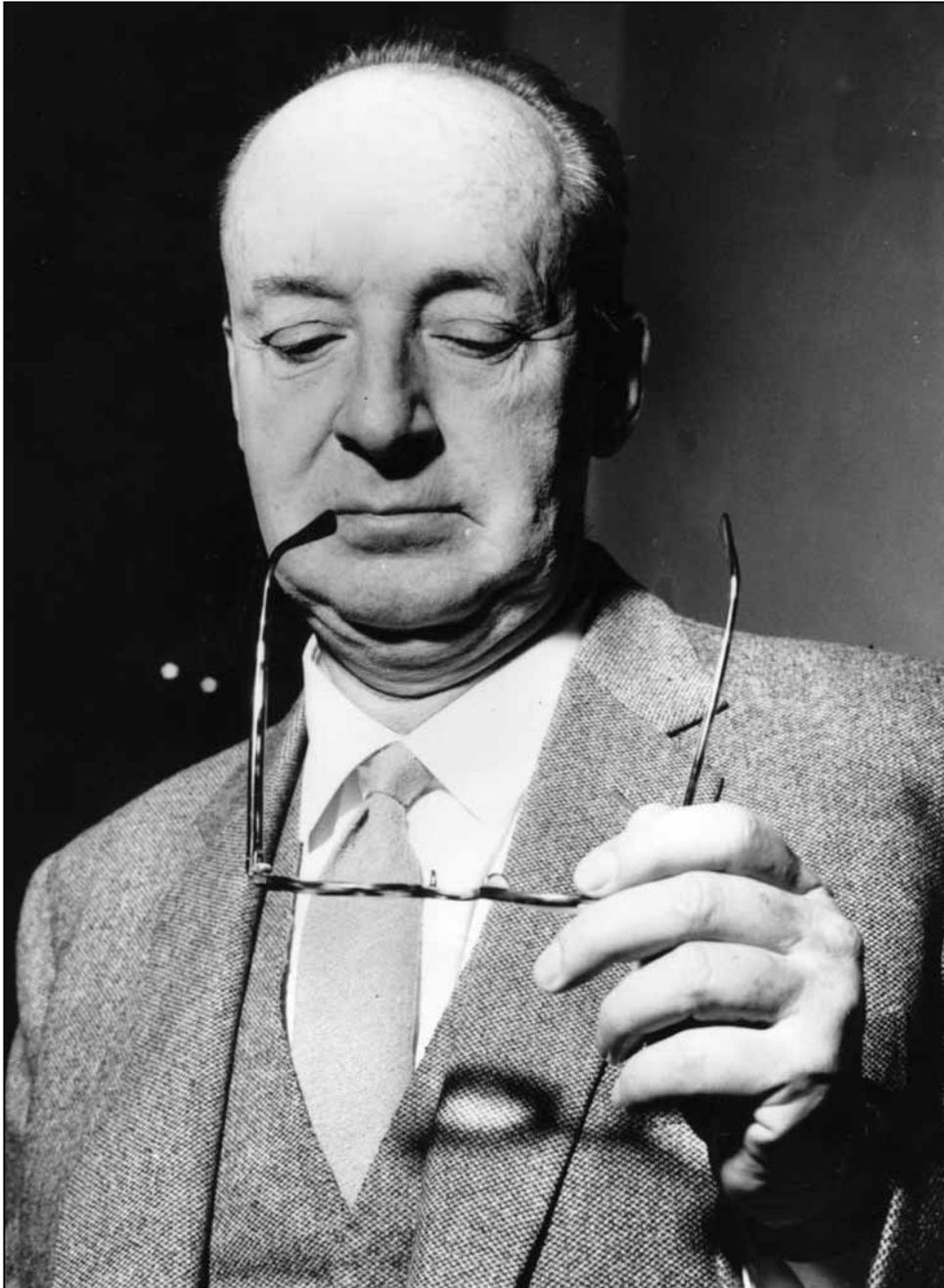
Сегодня, благодаря многолетнему самоотверженному труду С. Ильина (уже после смерти писателя) мы можем насладиться безупречным русским переводом этого удивитель-

ного произведения, переводом, который, смею предположить, удовлетворил бы и самого Набокова.

Россия так и не «отвязалась», не отпустила его. Через три года после «Ады», в 1974 году вышел последний законченный набоковский роман

Чета Набоковых на берегу озера, рядом с отелем «Палас»

«Взгляни на Арлекинов!» В нем автор, словно в кривом зеркале, рисует пародию на собственную жизнь. В центре повествования — писатель-эмигрант Вадим Вадимович, автор русских стихов и романов, который переезжает в США и преподает в колледже. Есть, правда, в судьбе героя существенные отличия по сравнению с Владимиром Владимирови-

чем. Так, он много раз был женат и осуществил заветную мечту своего создателя — инкогнито посетил Советскую Россию. С присущей ему иронией оглядываясь на пройденный путь, Набоков как бы подводит в этом романе итоги жизни.

Подводить итоги — дело опасное, можно навлечь на себя гнев судьбы. Через год, охотясь на бабочек в го-

рах поблизости от Давоса, Владимир Владимирович поскользнулся на крутом склоне и неудачно упал. Пролежав какое-то время в больнице, он вроде как поправился, но вскоре вновь был госпитализирован. Ему сделали операцию, вызвавшую осложнение. Здоровье старого писателя продолжало ухудшаться, и 2 июля 1977 года Владимир Набоков скончался в госпитале Лозанны, завещав уничтожить незаконченный роман «Оригинал Лауры».

Похоронили его в Кларане поблизости от Монтре. Для надгробной надписи на скромной могильной плите выбрали французский язык, возможно, чтобы не отдавать предпочтение ни одному из двух великих языков, на которых он творил.

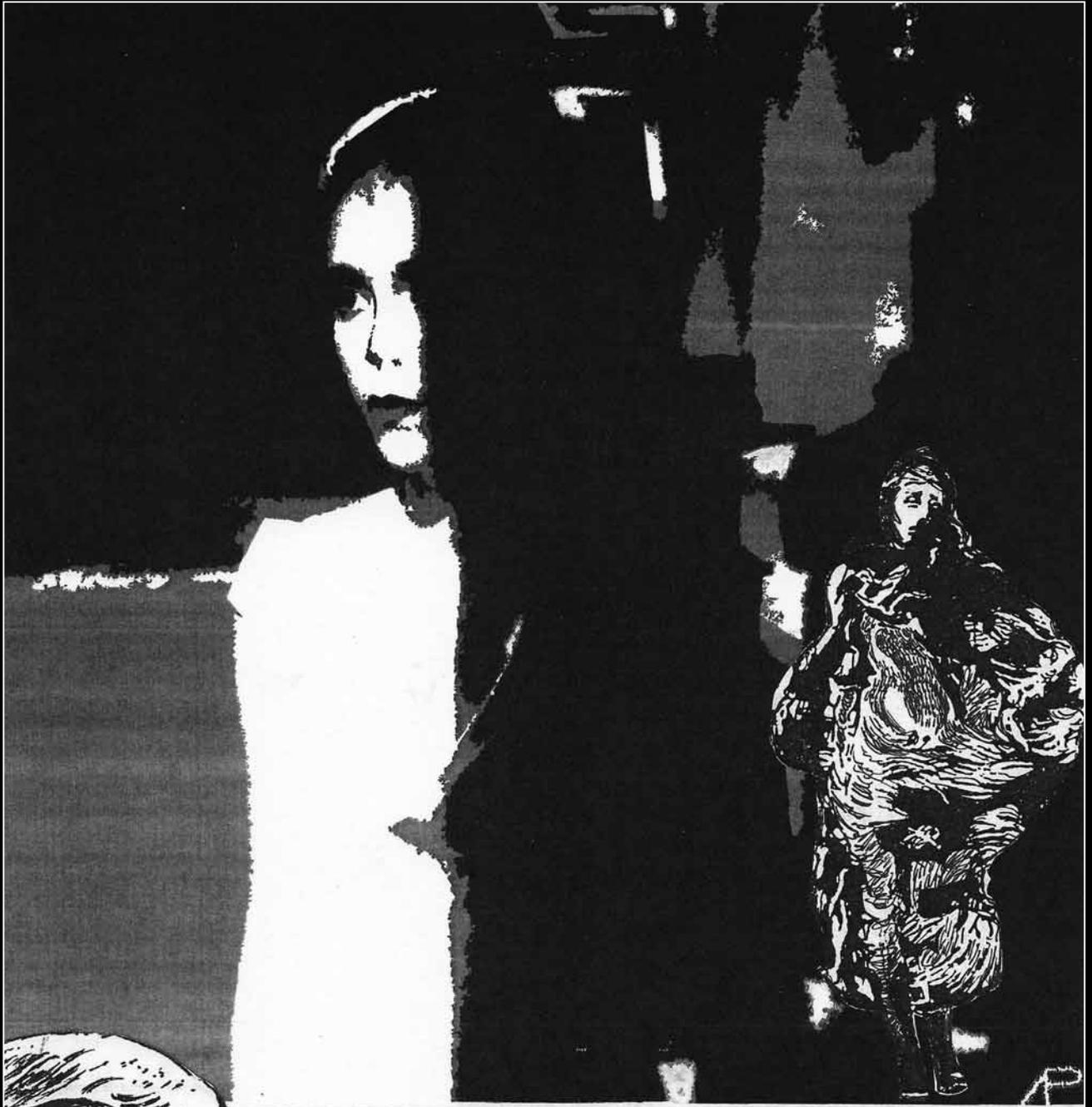
В 1963 году В. Набокова первый раз выдвинули на соискание Нобелевской премии по литературе. В следующем году — повторно. В 1972 году А. Солженицын, ранее получивший эту самую престижную в мире награду, обратился в Нобелевский комитет с предложением включить Набокова в число очередных номинантов. В письме, отправленном Солженицыну сразу после его высылки из СССР, Владимир Владимирович выразил Александру Исаевичу глубокую благодарность. Впоследствии известные периодические издания разных стран причисляли русского писателя к тем, кто был незаслуженно обойден Нобелевской премией.

Набоков по этому поводу не слишком переживал (или, скорее, делал вид, что не переживает). Он и без всяких премий отлично сознавал, какое место занимает в русской и мировой литературе, и считал, что пишет «для вечности», для будущего читателя, находясь в особых отношениях с высшими, «потусторонними» силами.

Незадолго до смерти писателя его посетила в Монтре Белла Ахмадулина. Они сидели у озера, и Владимир Владимирович, слушая восторженные словоизлияния поэтессы, чертил что-то тростью на песке. Потом поднял голову и, блеснув стеклышками пенсне, вдруг спросил: «Скажите, а на Сретенке еще ходит трамвай?..»

Он всегда чурался пафоса и сентиментальности, ненавидел декларативную гражданственность и с подозрением относился к догмам морали, называя их метафизикой. Но вместе с тем никогда не замыкался в рамках чистого слова. В набоковских романах, рассказах, стихах трудно, даже невозможно обнаружить отражение актуальных событий современности. Но в них неизменно слышен горный отзвук истины.

Задолго до появления компьютеров он как-то предложил обозначать на письме улыбку «смайликом» (в точности описав его). Он обожал парадоксы, сам сыпал ими направо и налево и учил студентов избегать велемечивости, говоря, что многоточие — это «следы убежавших на цыпочках слов». Так образно мог сказать только он, Владимир Набоков. □

ВЗЯТКА

Мамаша попалась на редкость непонятливая!

Владлен Петрович Косоротов в сотый раз объяснял ей, что школа эта специализированная, элитная, да и не школа вовсе — гимназия! — и мест тут не бывает даже в начале учебного года, чего уж говорить о второй четверти...

Нет, ну разве что в исключительном случае, учитывая чрезвычайные обстоятельства, в которые попала ее девочка, и если мама вникнет и поймет проблемы гимназии — протекающую крышу, подгнивающий подвал, старый линолеум в коридорах... Тогда, тогда он поговорит в РОНО, и, — может быть! — место для сознательной родительницы выделят в четвертом «Г» или «В» классе.

Он в сотый раз повторил эту бодягу, устав выражаться иносказательно, но мамаша, сидя напротив него, хлопала круглыми бесцветными глазами и твердила, молитвенно сложив руки:

— Возьмите мою девочку Олечку, возьмите! Она — умница, отличница! У нее все-все получится, и математика, и английский, и французский, и старославянский ваш, будь он неладен! Она слабенькая, я ее еле у лейкемии отбила! Ей далеко в школу ездить нельзя — не дай бог, на остановке простудится! А до вашей школы три минуты ходьбы от нашего дома. Возьмите, пожалуйста!

Владлен Петрович вздохнул, закатил глаза и снова терпеливо все повторил: что это элитная гимназия, что мест тут не бывает даже в начале учебного года, но, если вникнуть в проблему и ...

— Но это же школа! — вскочив, закричала вдруг блеклая мамаша. — Обычная муниципальная школа! Да я сама тут училась! И преподают все те же учителя — Клавдия Максимовна, Ирина Анатольевна, Лидия Анисимовна и старый Алексей Петрович, которому на пенсию пора было, когда я в восьмом классе училась!! Они что, за эти годы Оксфорд закончили? А Алексей Петрович что, в Кембридже подучился?! С чего вдруг образование здесь стало считаться элитным?! Ну, ввели вы этот старославянский, будь он неладен, так Олечка его быстро выучит и всех в классе нагонит! Она два года на больничной койке училась, так далеко вперед по всем предметам ушла! Почему я могла учиться по месту жительства, а мой ребенок, только что оправившийся от тяжелой болезни, должен ездить в мороз на автобусе с риском простудиться? Только потому, что вы, видите ли, ввели старославянский язык и назвали гимназией?! Поэтому, да?!!

Мамаша тяжело плюхнулась на стул и заморгала вмиг покрасневшими веками. Из бесцветных глаз полились слезы, которые она начала утирать тоненькими, почти детскими пальчиками.

Владлен Петрович давно бы послал недогадливую мамашу, но на одном из пальцев, которыми она утирала слезы, блестело колечко, стоившее, как наметанным глазом определил он, не одну сотню долларов. А значит... Значит, не все спустила мамаша на лекарства для девочки Олечки.

Ему же для счастья не хватало каких-то там тридцати тысяч рублей.

«Счастье» стояло в автосалоне и называлось «Жигули» пятнадцатой модели, цвета «баклажан». В одной крутой конторе, где работал папа ученика, которому была обещана золотая медаль, Владлену Петровичу пообещали затюнинговать это «счастье» по последнему слову моды — литые хромированные диски, спойлеры, антикрылья, тонировка. Но не хватало всего каких-то там тридцати тысяч, чтобы забрать «Жигули» из салона!!

Поэтому, вместо того чтобы прогнать мамашу, Владлен Петрович снова завел разговор о прохудившейся крыше.

— Сколько? — оборвала его на полуслове мамаша. Она больше не плакала, а стала разматывать на шее косынку, словно та душила ее.

Владлен Петрович оценивающим взглядом окинул ее.

Странная она все-таки женщина: стоптанные сапоги, поношенное пальто, неухоженные волосы, лицо без косметики и... такое кольцо.

Как бы не продешевить? Если б не кольцо, он попросил бы у нее тысяч десять, не больше, но с кольцом...

— Я думаю, тысяча долларов поможет решить нашей гимназии проблему с протекающей крышей.

— Тысяча?! — ахнула мамаша, прикрыв рот рукой, на которой полыхнула россыпь мелких бриллиантов в обрамлении белого золота.

— Ну, если вы не сможете...

— Смогу! — выкрикнула она и выбежала из кабинета так стремительно, что Владлен Петрович и рта не успел открыть.

Она принесла деньги на следующий день. Купюры были завернуты в ту самую косынку, которая душила ее вчера. Мамаша положила сверток на стол и отдернула от него руку, словно он жег ей пальцы.

Кольца на руке не было.

— Тут все до копеечки, — мертвым голосом сообщила она и пошла к двери.

— Приводите завтра свою дочь в четвертый «Г», — сказал ей вслед Владлен Петрович, но мамаша никак не отреагировала. Вышла, тихо закрыв за собой дверь.

— Эй, а платок?! — крикнул директор, но дверь так и осталась закрытой.

Трогать чужую косынку явно не первой свежести было неприятно, но «Жигули» пятнадцатой модели цвета «баклажан» требовали жертв.

Владлен Петрович брезгливо развернул сверток и пересчитал деньги. Литые хромированные диски, спойлеры, антикрылья и тонировка теперь ему обеспечены, потому что он сможет, наконец, забрать «Жигули» из салона. И черт с ней, с потрепанной косыночкой, пахнувшей чужими духами...

Пару раз он видел эту Олечку в коридоре.

Худенькая, бледная до прозрачности, с огромными серыми глазами, кажущимися еще больше на фоне не отросших после химиотерапии волос. Она жалась спиной к подоконнику среди бушующей кричаще-визжащей кутерьмы перемены.

— Лысый скелетон! — проорал в ее адрес рыжий здоровый парень лет двенадцати, пихнул ее кособоким рюкзаком в бок и побежал дальше.

Косоротов отвел глаза и постарался быстро проскочить бурлящий школьными страстями коридор. Он был сторонником теории, что в этом мире выживает сильнейший. Тот, кто злее, нахрапистее, зубастее и не обременен дурацкими принципами.

«Жигули» пятнадцатой модели уже перекочевали в гараж Владлена Петровича, дожидаясь своей порции тюнинга...

Да, в этом мире выживает сильнейший.

О том, что какая-то женщина бросилась под трамвай, он узнал из вечерних «Новостей».

— Смотри, Владик, смотри! — с набитым ртом закричала Зоя, тыкая пальцем в маленький экран кухонного телевизора. — Смотри, вот дура-то, сама под колеса кинулась! Шизофреничка, наверное!

На ужин была запеченная курица. Зоя с азартом вгрызлась в куриную ножку, косясь на экран одним глазом.

Растерянный водитель трамвая рассказывал в микрофон о том, что какая-то женщина спокойно шла по пешеходной дорожке, но, заметив приближающийся трамвай, вдруг бросилась под колеса. Затормозить он не успел. Женщина скончалась до приезда «скорой».

Камера деликатно скользнула по земле, выхватив лужу крови, полу поношенного пальто и безжизненную руку с тонкими, почти детскими пальчиками.

Владлен Петрович вскочил. Он узнал эту руку. Он узнал бы ее из тысячи рук!

— Ты чего? — подняла на него удивленные глаза жена.

— Эта женщина покончила с собой, точно вам говорю! — тараторила в микрофон какая-то тетка в меховом жилете. — Полчаса тут по дорожке ходила, ходила! Как трамвай приближающийся увидит, так бледнеет вся и через пути перебегает! Прямо перед трамваем! Да вы вот у людей поспрашайте, они вам расскажут, что водитель нисколечки не виноват! Она специально на рельсы бросилась, а перед этим тренировалась еще! Я тут в киоске недалеко торгую, так мы с напарницей даже в полицию звонить хотели, да не успели, все-таки зацепило ее...

Косоротов вышел в коридор и надел дубленку.

— Ты куда? — выскочила за ним жена, на ходу вытирая жирные губы салфеткой.

— Пойду, прогуляюсь.

Никогда так не ныло под ложечкой.

Никогда жена не казалась такой толстой и глупой.

Оно так и не дождалось своего тюнинга, его «баклажановое» счастье.

Вот уж не думал Владлен Петрович, что самоубийство какой-то чокнутой мамы так выбьет его из колеи!

Вот уж не думал...

Ведь в этом мире выживает сильнейший!

«Прогулка» закончилась тем, что он взял в гараже машину, разогнался и со всей дури влупился в кирпичную стену. Нет, не так, чтобы самому пострадать, но «пятнадцатой модели» несладко пришлось: оптика, бампер, капот — всмятку. Он так и не понял, что на него нашло — то ли с управлением не справился, то ли специально это сделал, но, когда вышел и осмо-

трел разбитую машину, под ложечкой перестало ныть, а чувство, которое он не смел даже про себя называть «виной», как-то заглохло. Почему-то вид разбитой машины успокоил его. Он бросил ключи на капот и пошел, куда глаза глядят.

«Возьмите мою девочку, Олечку, возьмите, возьмите, она умненькая, она отличница, у нее все-все получится!»

Не будь у нее этого возмутительно дорогого кольца на пальце, он попросил бы тысяч десять, не больше, а то и пять.

И с чего он вообще взял, что имеет к ее самоубийству какое-то отношение? Напилась баба или в любовных передрыгах запуталась, вот и...

Только ездить на «Жигулях» он все равно не сможет, и продать не сможет, несмотря на то, что считает себя злым, напористым и не обремененным дурацкими принципами.

Ее хоронили в метель.

Мерзлая земля гулко стучала по крышке красного гроба.

Косоротов стоял в стороне от группки заплаканных тетушек и курил одну сигарету за другой. Он бросил курить лет пятнадцать назад, но сегодня без сигарет не смог обойтись.

«И зачем я сюда приперся?» — в сотый раз задавал он себе вопрос и в сотый раз не находил на него ответа.

Владлен Петрович глазами поискал Олечку. Она не плакала, стояла рядом с какой-то женщиной, обнимавшей ее за плечи, и почему-то смотрела на небо, будто что-то выискивала глазами в бездонном пространстве.

Наверное, кто-то сказал ей, что мама теперь на небе, догадался Владлен Петрович.

«Самоубийство — грех, — подумалось вдруг ему. — Страшный грех! Ведь не зря самоубийц раньше хоронили за воротами кладбищ!»

Он прислушался к себе — стало ли ему легче оттого, что мамаша Олечки страшная грешница?

Вроде не стало.

На могиле поставили деревянный крест, к нему прислонили пластмассовый дешевый венок. Тетушки, плотной стайкой окружив Олечку, повели ее к автобусу.

Только одна тетка осталась стоять — та, которая обнимала девочку у могилы.

Отбросив сигарету, Косоротов подошел к ней и молча положил на рыжеватый холмик шесть красных роз, которые все это время держал за пазухой.

— Это взятка ее сгубила! — вдруг всхлипнула женщина.

Владлен Петрович вздрогнул, словно его ударили по лицу.

— К-какая взятка? — еле ворочая языком, зачем-то переспросил он.

— Как Олечка заболела, у Анны Андреевны тоже болезнь началась — депрессия. Но она боролась, лечилась, понимала, что ребенок целиком от нее зависит. Она справилась и со своей болезнью, и с Олечкиной. Квартиру продала, угол снимала, но справилась! А тут пришла как-то вся в слезах, говорит — кольцо надо продать, а то Олечке в школу далеко ездить придется, она слабенькая, ей на остановках зимой стоять нельзя, а на домашнее обучение денег нет. Я ей говорю: иди в прокуратуру жалуйся, а она — не возьмут у меня одной заявление, нужно, чтобы все родители под ним подписались. А кто ж подпишется? Все боятся, везде круговая порука... Сдала она кольцо в какой-то ювелирный магазин за полцены, Олечку в школу устроила, а сама как не своя стала. Таблетки свои пила, но не помогало. А к докторам не пошла, денег у нее уже не было. А то кольцо ей сильно дорого было, она даже когда дочку от лейкемии спасала, не продала его. Все говорила: единственное, что сможет девочке в наследство оставить, — это кольцо. Я точно не знаю, откуда оно у нее, я ведь просто соседка, а не подружка, но вроде бы отец Олечкин это кольцо ей подарил. Вот беда так беда!.. Анна Андреевна как кольцо продала, ходила мрачнее тучи и обмолвилась как-то, что дочке, наверное, в интернате лучше будет, чем с ней. Ох, не уберегли мы Анну Андреевну...

— А отец-то где? — спросил Косоротов, закуривая.

— Да шут его знает, — пожал плечами тетка и медленно пошла к воротам.

Косоротов тоже пошел, но не за ней, а в другую сторону — туда, где в ограждении были отогнуты два прута, и на остановку можно было попасть по короткой дороге.

— Эй, а вы кто Анне-то будете? — крикнула вдруг ему тетка вдогонку. Владлен Петрович не выдержал и помчался к спасительной дырке...

Машину он все же продал.

Прямо так — с помятым капотом, искореженным бампером, разбитыми фарами. Продал, не торгуясь, первому, кто откликнулся на объявление в газете.

Жене он не стал ничего объяснять, хотя она и приставала со слезливыми расспросами.

Олечку он в школе больше не видел, ее все же забрали в интернат.

Жизнь потекла привычно и монотонно, наполненная повседневными заботами и делами — та самая жизнь, в которой выживает сильнейший.

Только Владлена Петровича стали мучить ужасные головные боли.

Голова начинала болеть с утра, болела весь день, а к вечеру ломота в висках становилась невыносимой. Затихала боль только во сне, и то, если жена делала на ночь массаж.

«Сходить, что ли, в церковь, покаяться? — тоскливо подумал как-то Косоротов, но тут же спросил себя: — А в чем?! В чем покаяться-то?! Что я такого сделал?! Все брали, берут и брать будут! Потому и несут, потому и дают, что все вокруг знают, что все берут! Приди она в другую школу посреди учебного года, тоже бы намекнули — плати! И заплатила бы, и кольцо продала, и под трамвай точно так же бросилась бы, потому что больная была мамаша! На всю голову больная!»

В церковь он все же сходил.

Постоял перед ликом Николая Чудотворца, помолился, как умел.

Но головные боли только усилились. Теперь голова болела даже во сне, и никакой массаж, никакие таблетки не помогали.

— Это у вас нервное. Так называемая «боль напряжения», — заявил врач и выписал «Новопассит».

Владлен Петрович его даже покупать не стал.

«А вдруг у меня рак?!» — подумал он, проснувшись однажды утром, и эта мысль панически испугала его. Впервые в жизни он понял, что тоже может оказаться в рядах не тех, кто «сильнейший».

Жена смотрела на него тревожно и жалостливо. Она уже давно не пыталась его ни о чем расспросить.

И тогда он решил лечиться сам.

Как умел, как понимал и как чувствовал.

Кольцо он нашел в магазине, который принимал от народа ювелирные изделия на реализацию. Оно стоило вовсе не тридцать тысяч, а все восемьдесят, но у Косоротова были деньги — остались от продажи машины. Владлен Петрович купил кольцо и положил его в черную кожаную шкатулку. Шкатулка осталась от дочери, которая называла ее «под золото-бриллианты». Дочь давно выросла, жила в другом городе, а шкатулку оставила у родителей.

Косоротов задействовал все свои связи, чтобы найти, в какой интернат определили Олечку. А еще он задействовал весь свой авторитет, чтобы добиться — нет, не усыновления, всего лишь опеки над осиротевшим ребенком. Он ничего не сказал об этом Зое, потому что ее мнение все равно ничего бы не изменило.

Холодным, промозглым вечером Владлен Петрович приехал на такси в интернат и забрал из казенных стен худющую, бледную девочку с нереально большими глазами.

— Пойдешь ко мне жить? — сурово спросил он ее, обматывая тонкую шейку розовым длинным шарфом, который купил на рынке.

— Не знаю, — пожал плечами ребенок. — Мне и здесь хорошо.

— Здесь тебе плохо, — отрезал Косоротов и, зачем-то взяв ее на руки, понес в машину.

Голова разрывалась от боли.

«А вдруг я умру? — подумал он, усаживая Олечку на заднее сиденье такси. — Вдруг умру, и девочка опять осиротеет?!»

— У тебя кошка, собака или хомяк, на худой конец-то, хоть есть?! — звонко спросила Оля, разматывая шарф в жаркой утробе машины.

— Нет, — растерянно признался Владлен Петрович. — Нет у меня ни кошки, ни собаки, ни, на худой конец, хомяка.

— Эх, ты! А еще жить меня к себе зовешь! Кто ж детей усыновляет, не имея домашних животных?

— Я. Я усыновляю.

— Ты директор моей бывшей школы? — вдруг спросила она.

— Я, — признался Косоротов и потер виски, морщась от боли.

— Мамка о тебе хорошо отзывалась. Говорила, что ты нормальный мужик. Но собаку ты мне все равно купишь!

— Может, для начала хомяком обойдемся? — простонал он, сильнее массируя виски.

— Балда! — заорала Оля. — Хомяки три года живут! Ты к нему только со всей душой привыкнешь, полюбишь, а он — бряк! — и коньки откинул от старости! Не-ет, давай тогда кошку!

— Ну, хорошо, кошку, с ней хоть гулять не надо. Будешь называть меня папа?! — неожиданно для самого себя спросил Владлен Петрович.

— Счас! Разбежалась! Какой же ты папа, ты старый уже! Я тебя буду звать деда.

— Ну, деда, так деда, — согласно кивнул он.

— А ты меня в школу свою возьмешь?

— Да.

— Вот здорово! Я там пацану одному наkostenять должна, он меня лысой дразнит и портфелем бьет. А теперь и наkostenяю! Ведь директор — мой родной дед!

— Нельзя злоупотреблять своими родственными связями, — засмеялся Косоротов.

— Можно! Все можно, иначе в твоей школе не выживешь.

Он опять засмеялся. Даже если у него и рак, даже если он и умрет, Зоя не бросит такую замечательную, смешную девчонку. Вырастит и даст образование. Денег у нее хватит.

Дома пахло борщом.

Зоя появилась в прихожей в переднике, с заранее приготовленным выражением сострадания на лице. Увидев Косоротова с Олей, она округлила глаза и открыла рот.

— Это Оля, — резко сказал Владлен Петрович жене. — Она будет жить с нами.

Зоя всплеснула руками, присела и по-хозяйски стала разматывать на девочке шарф.

— Господи, доходяга какая! — прошептала она, когда Оля осталась без шубы, шарфа и шапки.

— Сами вы доходяга! — фыркнула девочка. — У меня вес совсем чуть-чуть ниже нормы. Немного налечь на сладкое, и все будет в порядке!

— Борщ любишь? — заглянула ей Зоя в глаза.

— Терпеть не могу! Я зефир в шоколаде хочу.

— Только после борща! — строго сказала Зоя и, взяв за руку, повела Олю на кухню.

— А то что? Зубы выпадут?

— И зубы тоже...

Косоротов разделся, сел на диван и включил телевизор.

Голова не болела. Впервые за долгое время. Он и не заметил, когда она перестала болеть, и сразу подумал: «Теперь не умру. Ни за что не умру. Теперь я сильнейший!»

— Зой! — крикнул он в сторону кухни. — Зой, пива дай, устал очень!

— Да где я тебе пиво-то, на ночь глядя, возьму?! — сварливо закричала из кухни Зоя и весело добавила: — Вот охламоны, одному пиво подавай, другой — зефир в шоколаде! Ох, сядете вы на мою шею, ох, сядете!!

— А еще он кошку обещал завести! — тоном ябедницы сообщила Оля.

— Кошку? — ахнула Зоя, но тут же облегченно вздохнула: — Слава богу, что не собаку! □

Фамилия Бестужев-Рюмин известна всем, кто хоть как-то интересовался историей России. Но, к сожалению, тут же начинают говорить о декабристах, к которым герои этого эссе имеют весьма отдаленное отношение.

РОД

БЕСТУЖЕВЫХ- РЮМИНЫХ

Вообще-то род был древний, упоминание о первом его представителе — Гаврииле Бестужеве — датируется XV веком, сын его Яков получил прозвище «Рюма», а внук Матвей в 1477 году ездил послом от Ивана III в Орду. Иван Грозный пожаловал тогдашнему главе рода Андрею поместье в Московском уезде. В 1699 году восемнадцать Бестужевых владели населенными имениями, и четверо из них были стольниками Петра, а один — патриаршим стольником.

Но политикой начал заниматься лишь один Бестужев — Петр Михайлович.

Он родился в Москве 28 июля 1664 года. Достигнув соответствующего возраста, был назначен воеводой в Симбирске и служил столь исправно, что был замечен государем Петром Алексеевичем, который в 1701 году дал дозволение Петру Михайловичу и ближним его родичам писаться Бестужевыми-Рюмиными.

В 1712 году он был определен гофмейстером к вдовствующей герцогине курляндской Анне Иоанновне для заведования и управления ее делами и занимался этим, с небольшими перерывами-командировками, больше десяти лет.

По скандальной хронике того времени, Бестужев-Рюмин не только управлял делами молодой вдовы, но и скрашивал ее горькое одиночество на чужбине чисто мужскими средствами. Тем не менее, в 1728 году он был арестован и под стражей пре-

провожден в Санкт-Петербург. Тогда обнаружилось его корыстолюбие, подтверждавшееся письмом самой Анны Иоанновны к Петру II, что «Бестужев-Рюмин расхитил управляемое им имение и ввел ее в долги неуплатные».

За отца вступились два сына Алексей и Михаил, бывшие посланниками при польском и датском дворах. Жалобу герцогини положили под сукно — не до него было. Да и у Анны Иоанновны давно уже был новый галант, тоже равнодушный к деньгам вдовушки, — Эрнест Бирон.

По вступлении на престол Анны Иоанновны Петр Михайлович был назначен губернатором в Нижний Новгород, но Бирон потребовал его ссылки в деревню, где он и пробыл семь лет.

В 1737 году за верную службу сыновей ему было дозволено жить

на свободе в Москве или в деревнях, где пожелает. В 1740 году вступившая на престол императрица Елизавета Петровна пожаловала Алексея Петровича вице-канцлером и возвела вместе с отцом и братом в графское достоинство. Вскоре после этого первый граф Бестужев-Рюмин скончался. Старшим в роду стал граф Михаил Петрович, но прославил этот род младший брат — Алексей.

Жизнь его была полна самыми удивительными событиями и неожиданными поворотами. Алексей Бестужев-Рюмин, родился в 1693 году и принадлежал к младшим «птенцам гнезда Петрова» — тем молодым людям, которых великий государь, возлагавший на них большие надежды, послал учиться за границу.

Учился Бестужев прекрасно, особенно хорошо знал языки и «обхождение европейское». В Ганновере он так понравился местному властителю, курфюрсту Георгу-Людвигу, что тот сделал юношу своим камер-юнкером. Надо полагать, о возвращении в Россию Алексей Петрович тогда и не помышлял.

А уж когда в 1714 году курфюрст стал английским королем Георгом I — тем более. Но судьба (точнее, королевская прихоть) решила по-своему. С известием о своем вступлении на престол Георг I направил в Петербург посольство во главе с... 21-летним Бестужевым-Рюминым в ранге чрезвычайного посланника.

Посланник ехал на родину не без опаски: царь Петр был непредсказуем, и за службу другому государю, да еще без спроса «высочайшего дозволения», мог наказать самым жестоким образом — вплоть до лишения головы. Но у государя, по-видимому, в тот день было особенно хорошее настроение, и когда доложили: «Полномочный чрезвычайный министр Его королевского величества Великобританского Алекс Бестужев», страшно обрадовался.

Он увидел перед собой свою воплощенную в жизнь мечту природного русского дворянина в образе изящного, образованного европейца.

— Вот куда могут залетать наши орлята, коли науки освоят, да ум свой покажут! — воскликнул Петр I. — Вот сюрприз! Вот угодил! — И обычно прижимистый царь так расщедрился, что пожаловал Бестужеву тысячу рублей.

Вернувшись в Англию, Бестужев-Рюмин прослужил Георгу еще три года, а потом был отозван в Россию. Хорошего понемножку.

Началась его карьера в России неплохо — он стал посланником в Дании, просидел там три года, а потом стало ясно, что повторения английского успеха не будет. Император про него забыл, Дания Петра ничем не привлекала, и Бестужев-Рюмин оказался обреченным на скучнейшую жизнь заурядного дипломата во второстепенном государстве.

По-видимому, от скуки Алексей Петрович женился на немке, доче-

ри российского дипломатического представителя в Гамбурге, Анне Ивановне Беттихер, которая родила ему двоих сыновей; один рано умер, второй достиг зрелых лет, но лишь ненадолго пережил отца.

А потом не стало и императора, а вместе с ним — надежды на то, что карьера вообще состоится. Покровителей при дворе не было, императрица Екатерина политикой не интересовалась, ее преемник — несовершеннолетний внук Петра — тем более.

Лишь когда на престол возвели Анну Иоанновну, тридцатисемилет-

новны Бирон был арестован фельд-маршалом Минихом и гвардейцами. Вместе с ним и Алексей Петрович попал в Шлиссельбургскую крепость — место страшное, мрачное. Пытали там отменно, узники признавались даже в том, о чем никогда и не помышляли.

Вот и Бестужев-Рюмин, не дожидаясь пыток, рассказал следователям все, о чем они ему «советовали» вспомнить. А вспомнить нужно было такое, чтобы подвести Бирона под эшафот. Но тут следствие постигла неудача: при очной ставке с Бироном Бестужев-Рюмин вдруг отка-

П

осле смерти первого графа Бестужева-Рюмина старшим в роду стал граф Михаил Петрович, но прославил этот род младший брат — Алексей, чья жизнь была полна самыми удивительными событиями и неожиданными поворотами. Никто в России лучше него не знал всех темных и тайных уголков внешней политики

ний Алексей Петрович воспрял духом и приложил все усилия, чтобы войти в милость к... тогдашнему ее фавориту Бирону.

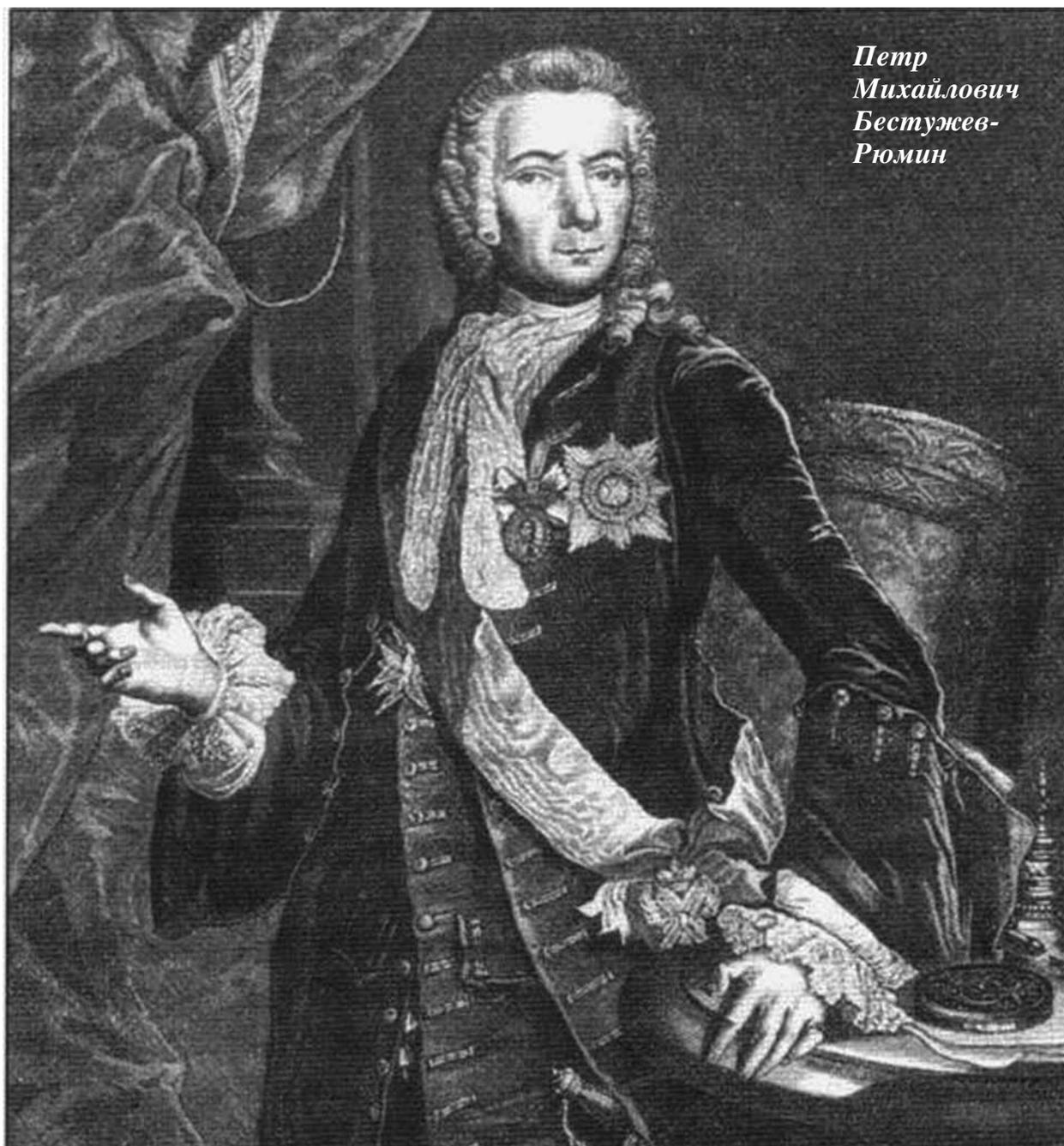
Лесть, доносы на других, угодность, щедрые подарки — Бестужев-Рюмин не брезговал ничем. Однако дело шло медленно, и только к лету 1740 года он, по воле всесильного Бирона, занял место в кабинете министров.

Увы! Фортуна вновь отвернулась от него. Осенью 1740 года после смерти императрицы Анны Иоан-

зался от всех страшных обвинений, которые он накануне возвел на своего бывшего патрона.

Как вспоминал впоследствии Бирон, «...Бестужев вдруг сказал: "Я согрешил, обвиняя герцога. Все, что мною говорено, — ложь. Жестокость обращения и страх угрозы вынудили меня к ложному обвинению герцога"».

Совесть замучила? Это вряд ли — совести у Бестужева-Рюмина не было никогда, зато нюх на опасности — отменный. Скорее всего, по-

*Петр
Михайлович
Бестужев-
Рюмин*

чувствовал, что бывший всеильный герцог вполне может и его утащить за собой на эшафот с такими-то признаниями. Тем более что времени на размышления было предостаточно: в камере Шлиссельбурга Бестужев-Рюмин просидел несколько месяцев.

Может быть, за это время вспомнил, как чуть было не угодил на дыбу в 1717 году, когда, будучи еще за гра-

ницей, узнал, что царевич Алексей Петрович бежал от своего грозного отца в австрийские владения. Бестужев-Рюмин написал царевичу льстивое письмо, предлагая себя как верного слугу. Какой неосторожный шаг! К счастью для него, письмо это в бумагах царевича не нашли.

Бестужев-Рюмин недолго просидел в застенках. Меньше чем через

год в России произошел новый государственный переворот — в ноябре 1741 года на престол взошла Елизавета Петровна. Миних и Остерман были приговорены к смертной казни, которую в последний момент заменили ссылкой, а Алексей Петрович вышел на свободу в чине вице-канцлера: никто в России лучше Бестужева не знал всех темных и тайных уголков внешней политики, и это понимала даже Елизавета.

В 1744 году императрица сделала Бестужева-Рюмина графом и канцлером России, а его супругу — обергофмейстриной. Должность канцлера была высшим гражданским чином по петровской Табели о рангах — выше него в чиновной иерархии уже не было никого. На этом посту Алексей Петрович пробыл четырнадцать лет, фактически самостоятельно определяя курс внешней политики России и невероятно раздражая Елизавету постоянными «докуками» о важных документах.

Они так и не сблизились за все эти годы, хотя Бестужев-Рюмин всячески старался добиться расположения фаворитов государыни — сначала Алексея Разумовского, а потом Ивана Шувалова. Напрасно. Почему-то граф Бестужев-Рюмин производил на людей странное и весьма неприятное впечатление. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова писала о нем:

«Я видела его всего один раз, да и то издали. Меня поразило фальшивое выражение его умного лица...»

Польский король Станислав-Август Понятовский оставил такую характеристику знаменитого канцлера:

«Пока он не оживлялся, он не умел сказать четырех слов подряд и казался заикающимся. Коль скоро разговор его интересовал, он находил и слова и фразы, хотя очень неправильные, но полные силы и огня, которые извлекал рот, снабженный четырьмя обломками зубов, и которые сопровождались сверкающим взглядом его маленьких глаз. Выступившие у него багровые пятна на синеватом лице придавали ему еще более страшный вид, когда он приходил в гнев, что случалось с ним часто, а когда он смеялся, то это был смех сатаны...»

Елизавету, вечно занятую балами, спектаклями и туалетами, раздражал сам вид неопрятного, шамкающего старика в грязном парике. Ей доносили все сплетни о его семейных скандалах, пьянстве, самодурстве и диких выходках. Но... сплетни не достигали своей цели: императрица не удаляла от себя «истинного короля русской дипломатии». Он всегда говорил дело и знал все наперед, блистал образованностью, был опытен, прекрасно разбирался в европейской политике, был патриотом или, как тогда говорили, «верным сыном Отечества».

Как царедворец, Алексей Петрович был безупречен: всегда лоялен к государыне, не допускал ни единого порочащего ее слова, никому не доверял, никого не любил и в со-

вершенстве владел искусством интриги. Никогда раньше в придворной борьбе никто так широко не использовал шпионаж и перлюстрацию дипломатической корреспонденции, как канцлер Бестужев-Рюмин. Он скрупулезно собирал досье на елизаветинских сановников и иностранных дипломатов и никогда не упускал случая пустить нужную информацию в ход.

По указу канцлера расшифровывались такие высказывания послов о государыне Елизавете и русском дворе, от которых отчетливо пахло высылкой или даже Сибирью. Этими бумажками, вовремя поданными государыне и вызывавшими ее страшный гнев, Бестужев-Рюмин победил немало своих опаснейших врагов. Среди них была и княгиня Ангальт-Цербстская Иоганна-Елизавета, мать будущей императрицы Екатерины II, которая попалась на шпионской деятельности в пользу короля Пруссии и была немедленно изгнана.

Одной из самых больших побед канцлера была высылка из России французского посла маркиза де Шетарди, интриговавшего против него и пытавшегося опорочить в глазах Елизаветы Петровны. Маркиз долго числился в интимных друзьях государыни, а в то же время весьма нелицеприятно отзывался о ней в своих письмах во Францию. Тут-то его и подловил Бестужев-Рюмин. Императрица, прочитав дешифровку писем де Шетарди, предписала выслать его из России в 24 часа.

Не дожидаясь прихода полиции, уехал в Берлин другой ненавистник Бестужева — прусский посланник Мардефельд. Он чудом ускользнул от Тайной канцелярии, куда Бестужев мог передать толстое досье на этого «знатока русского двора».

А вот личный врач императрицы Лесток, интриговавший вместе с Шетарди и Мардефельдом против канцлера, от Тайной канцелярии не увернулся и в 1748 году, после жестоких допросов с применением пыток, был сослан в Сибирь, как тогда мрачно шутили, «березки считать»...

Вдруг с неожиданной стороны появился и еще один смертельный враг — старший брат Михаил Петрович Бестужев-Рюмин. Карьеру свою он начал еще при Петре I. Благодаря уму и образованию уже в семнадцать лет начал служить секретарем при русском посольстве в Копенгагене, в двадцать четыре года получил чин камер-юнкера, а в 1720 году стал российским резидентом в Лондоне. Дальше он быстро поднимался по служебной лестнице. После заключения Ништадтского мира был назначен посланником в Швецию и продержался на этой должности до 1741 года. Елизавета Петровна назначила его полномочным министром в Варшаве.

В 1743 году он вступил в брак с вдовой Павла Ягужинского Анной Гавриловной, урожденной Головкиной. Брат-канцлер был категорически против этого брака, по одному ему известным причинам, но Михаил

Петрович мнением младшего брата пренебрег, в чем скоро горько раскаялся. Через несколько месяцев супруга была арестована по лопухинскому заговору. Самого Михаила Петровича к делу не привлекли, но все время следствия он содержался под караулом в собственном доме. После того как битая кнутом супруга Анна Гавриловна была отправлена в пожизненную ссылку в Якутск, Михаил Бестужев уехал за границу. Через год он уже был российским посланником в Берлине.

И тут к дипломату пришла истинная любовь, это в 56 лет! Предметом страсти стала вдова обер-шенка Гаугвиц. Он решил на ней жениться. При живой жене это было непросто, и Михаил Петрович обратился с просьбой о помощи к брату — всеильному канцлеру. Алексей Петрович должен был исхлопотать у императрицы разрешение на развод и вступление в новый брак. Написал письмо, одно, второе. Осенью 1747 года послал просьбу на высочайшее имя, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Тогда, не дожидаясь ответа из Петербурга, Михаил Петрович 30 марта 1749 года обвенчался с вдовой, а вскоре узнал, что новоиспеченную графиню Бестужеву не признают не только в Петербурге, но и при дворах, где Бестужев был послом. С точки зрения этикета, он был двоеженцем, имевшим сожительницу, метрессу, как тогда говорили.

До Михаила Петровича доходили слухи, что в деле о разводе и новой

*Императрица
Елизавета Петровна*

женитьбе младший брат ему не только не помощник, но и противник, именно он вставляет палки в колеса. Отношения двух братьев были и раньше, как сейчас говорят, «непростыми», а тут уже вспыхнула откровенная ненависть.

Михаил Петрович стал просить помощи у Воронцова:

«Ваше сиятельство, как уповаю, яко мой милостивый патрон и истинный друг, в сем приключении участие примите, и по искренней своей ко мне дружбе и милости, чинимые иногда паче чаяния против сего невинного моего поступка внушения по справедливости и человеколюбию своему в пользу мою опровергать не оставьте: ибо сие дело не иное, но самое партикулярное,

до государственных интересов ни-мало не касается, и на которое я токмо для успокоения моей совести и для честного жития на свете по-ступил».

Этим письмом Бестужев-старший подтверждал, что переходит в стан противника канцлера. Впрочем, Воронцов ничем не помог Михаилу Петровичу. Помощь пришла со стороны миротлюбца Ивана Ивановича Шувалова, который уговорил императрицу признать брак Бестужева законным.

В 1752 году Михаил Петрович был призван с супругой в Петербург.

В 1760 году он умер, по завещанию похоронен в России. Потомства после него не осталось.

Канцлер Алексей Петрович так долго продержался у власти не только благодаря своим феноменальным способностям к интригам, но и отличному знанию природы государыни. Он в совершенстве постиг нрав, вкусы, пристрастия и пороки Елизаветы Петровны. Точно определял, когда нужно подойти к императрице с докладом, чтобы заставить ее слушать, а когда лучше удалиться. Знал, как привлечь внимание легкомысленной Елизаветы, какие детали ей интерес-

Е

лизавету, вечно занятую балами и туалетами, страшно раздражал внешний вид неопрятного старика в грязном парике, но, несмотря на это, она не отдаляла его от себя. Он всегда говорил дело и знал все наперед, блистал образованностью, прекрасно разбирался в европейской политике и был по-настоящему «верным сыном Отечества»

Бестужев-Рюмин объявил, что вернется в Россию с единственной целью — отомстить младшему брату и столкнуть его с занимаемой должности. Но по дороге в Петербург он заболел и приехал в Россию только в 1755 году, в самый разгар интриг.

«Спихнуть» младшего брата с высокого поста не получилось. А сам Михаил Петрович был назначен посланником во Францию, где также активно интриговал против брата.

ны, как незаметно вложить ей в голову нужную идею, а потом развить ее так, чтобы государыня считала эту мысль своей собственной. Зная, что царица ленива и бумаги читать не любит, Бестужев приписывал на конверте: «Ея величеству не токмо наисекретнейшего и важнейшего, но и весьма ужасного содержания». Тут он мог быть уверен — любопытная царица конверт вскрыет непременно! А там — письма Шетарди!

Бестужев-Рюмин сразу понял, что за внешним легкомыслием Елизаветы скрывается личность подозрительная, мнительная, тщеславная, но и гордая от сознания того, что она дочь Петра Великого, что ей Богом и судьбой предназначено продолжить славные дела отца. Играя на этих струнах ее души, можно было найти дорогу к ее сердцу и добиться своего.

Кроме того, канцлер умело использовал то, что дипломатия тогда считалась «ремеслом королей». Во всей Европе правили многочисленные императоры, короли, князья, ландграфы, герцоги, в большинстве своем связанные родственными узами через браки. Эта большая и не слишком дружная семья, естественно, находилась в состоянии постоянных склок и распрей, когда мелких, когда не очень.

Елизавете мир дипломатии представлялся огромным дворцом, где жили мадам де Помпадур, Фридрих II, императрица Мария-Терезия, где властвовали интрига, сплетня, и где императрица чувствовала себя, как рыба в воде. А подводные камни ей умело и тактично позволял обходить опытный в дипломатических делах Бестужев-Рюмин, который знал этот «дворец» куда лучше своей повелительницы.

Вице-канцлер имел вполне определенные, сложившиеся взгляды на основные задачи русской дипломатии. Главным он считал возвращение к продуманному внешнеполити-

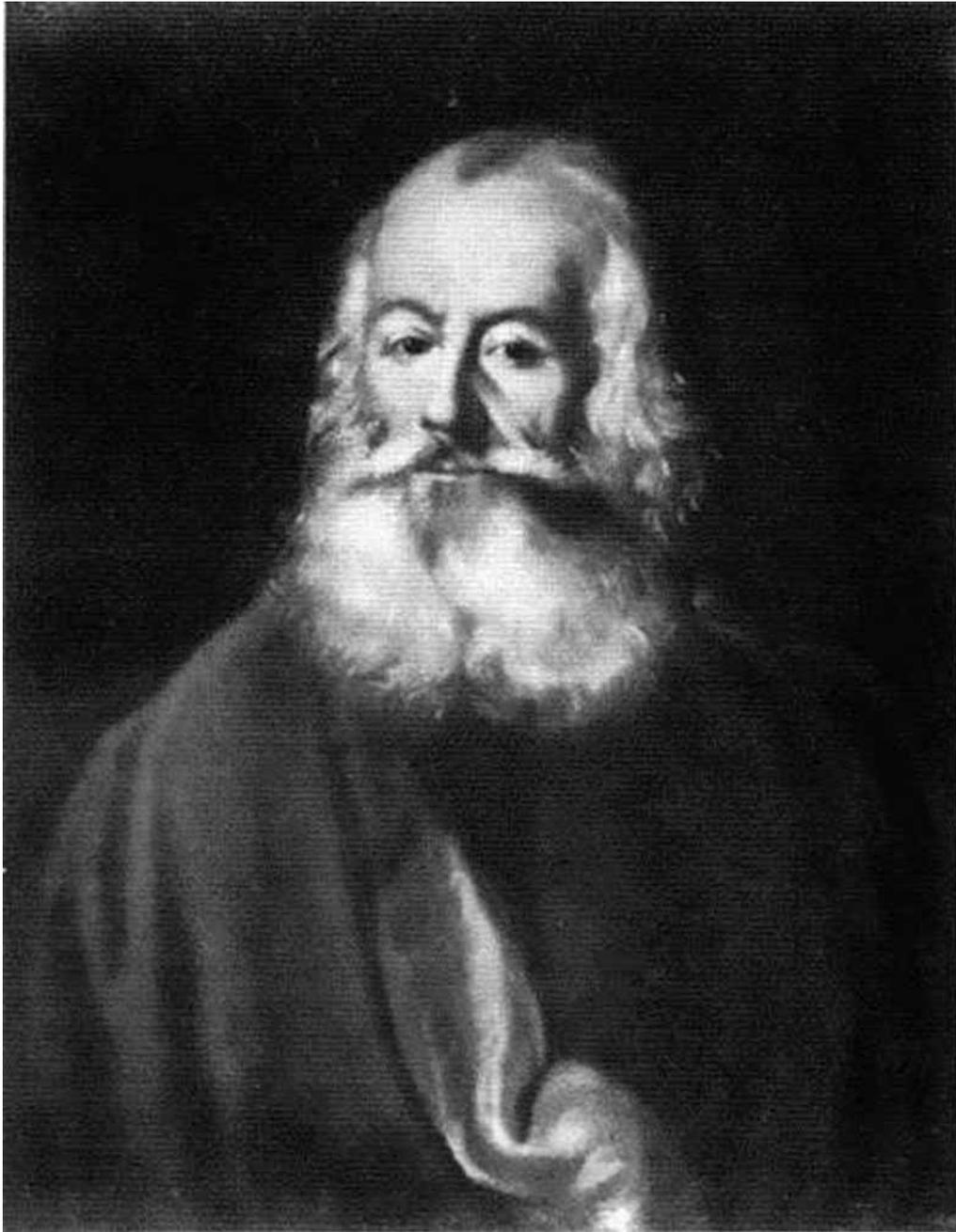
ческому курсу Петра I, что позволило бы России укрепить свой престиж и расширить влияние на международной арене. Когда маркиз де Шетарди попытался склонить Елизавету к переговорам с Швецией на условиях пересмотра решений Ништадтского мира, он получил решительный отказ. Алексей Петрович полностью разделял позицию императрицы, твердо убежденный в том, что «невозможно начинать никаких переговоров иначе, как приняв в основания Ништадтский мир».

У канцлера в Европе была твердая репутация «неподкупного», однако все современники утверждали обратное. Парадокс? Нисколько. Бестужев-Рюмин принципиально не брал взятку от врагов России, французов и пруссаков. Канцлера не соблазнила даже огромная сумма в 150 тысяч червонцев, которыми пытался подкупить его прусский король Фридрих II.

Но у союзников — брал, иногда даже вымогал, жалуясь на свою беспросветную нужду. И в самом деле, почему бы не поживиться за счет друзей — австрийцев и англичан? Удобно и безопасно. Польский король Станислав-Август писал:

«Принять подачку от государя, связанного дружбой с Россией, было, по его понятиям, не только в порядке вещей, но своего рода признанием могущества России, славы которой он по-своему желал».

«Подарки» от друзей никак не отражались на той политике, которую

*Петр
Михайлович
Бестужев-
Рюмин
в ссылке*

проводил канцлер, и которая одобрялась государыней, хотя союзники искренне считали, что именно их деньги диктуют курс России. А Бестужев-Рюмин при каждом удобном случае напоминал, что руководствуется исключительно патриотизмом и желанием угодить дочери Петра Великого в ее миссии возвеличить Россию.

И все-таки не зря говорят, что «на каждого волка в лесу по ловушке». Попался и Бестужев-Рюмин, но уж, конечно, не на взятках, для этого он был слишком умен. Канцлера чуть не сгубили слишком усердные хлопоты о... будущем! К концу 1750-х годов императрица Елизавета Петровна стала все чаще хворать и, конечно, при дворе во всех

углах шептались, кто унаследует престол.

Императрица все намеревалась написать завещание, то в пользу малолетнего внука Павла при регентстве своего морганатического мужа Алексея Разумовского, то в пользу самого Разумовского, что было, естественно, нелепо. Но так и не удосужилась изложить свою последнюю волю на бумаге — слишком велика была ее нелюбовь к бумагам. А по закону о престолонаследии после ее смерти на престол должен был вступить ее племянник, великий князь Петр Федорович.

Все бы ничего, да Петр Федорович был ярким поклонником прусского короля Фридриха II, а значит, лютым врагом Бестужева-Рюмина, который многие годы вел открытую антипрусскую политику и ничего хорошего после этого от нового императора не ждал. В какой-то момент канцлер затеял интригу в пользу жены наследника, Екатерины Алексеевны, с тем, чтобы после смерти Елизаветы привести ее к власти, а самому стать при ней первым министром.

Но... заговор раскрыли. Утром 25 февраля 1758 года к графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину приехал курьер и передал устный приказ императрицы немедленно явиться во дворец. Канцлер тут же отговорился болезнью, и при этом не лгал: по утрам он отчаянно страдал от похмелья. Нужно было сперва применить народные средства

от этой напасти, а потом уже являться пред светлые очи государыни. Канцлер-пьяница был необыкновенно работоспособен и крепок.

Между тем курьер явился вторично, так что пришлось, не долечившись, отправляться во дворец. Дальнейшие события детально описал в своем донесении французский посланник де Мессельер:

«...Бестужев, приближаясь к подъезду дворца, изумился, когда увидел, что гвардейский караул, обыкновенно отдававший ему честь, окружил его карету. Майор гвардии арестовал его как государственного преступника и сел с ним в карету, чтобы отвезти его домой под стражею. Каково было его удивление, когда, возвратившись туда, он увидел свой дом, занятый гвардейцами, часовых у дверей своего кабинета, жену и семейство в оковах, на бумагах своих печати... Посаженного под домашний арест канцлера раздели донага и отняли у него бритвы, ножички, ножи, ножницы, иголки и булавки... Четыре гренадера с примкнутыми штыками стояли безотходно у его кровати, которой завесы были открыты».

Под таким более чем «крепким караулом» Бестужев-Рюмин маялся целых четырнадцать месяцев! Но граф воспринял немилость государыни философски, поскольку давно ее ждал, повторяя, что от сумы и от тюрьмы зарекается никому не следует. Впрочем, он и не зарекался, ибо жил в беспокойное время

и при этом жаждал власти, любил ее, а такая любовь во все времена опасна...

А враги канцлера упрямо продолжали искать документы, на основании которых могло быть заведено настоящее дело об измене. Конечно, можно было бы обойтись и без бумаг, но императрица желала получить доказательства измены. Один из следователей по делу канцлера писал приятелю:

«Бестужев арестован, а мы теперь ищем причины, за что его арестовали».

Зря старались: старый, опытный лис давным-давно, не дожидаясь ареста, предусмотрительно уничтожил все опасные для себя письма и бумаги. Чутье на опасность у него было звериное. В итоге у Елизаветы и ее окружения остались лишь не подкрепленные фактами подозрения.

Не подвела и союзница Бестужева-Рюмина, великая княгиня Екатерина, которая на допросе, учиненном ей императрицей Елизаветой, держалась стойко, канцлера не только не выдала, но и открестилась от каких-либо отношений с ним, тем более письменных. На угрозу, что канцлера будут пытаться, дерзко ответила:

— Пытайте! С пытки всякий что угодно скажет. А меня отпустите с детьми на родину, вижу, что не угодно вашему величеству...

Допрос кончился слезами и объятиями. Для Екатерины. А Бестуже-

ва-Рюмина за подозрение в измене приговорили к смертной казни, которую императрица милостиво заменила ссылкой в дальнюю деревню, в Можайский уезд — что называется, загнала за Можай.

В деревне канцлер отпустил бороду, бросил пить и, как натура деятельная, не сидел, сложа руки. Он разбирал свою коллекцию медалей и изучал Священное Писание. Из цитат, извлеченных из него, составил сборник с выразительным названием: «Избранные из Священного Писания изречения во утешение всякого неповинно претерпевающего христианина». Эта книга была издана в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Стокгольме на французском, немецком, шведском и латинском языках.

В декабре 1761 года умерла Елизавета, и на престол вступил ее племянник Петр III. Бестужев-Рюмин сидел в своем медвежьем углу тише мыши: зная, что новый император его, мягко говоря, ненавидит, понимал, что тут он ссылкой не отделается. К счастью, при новом дворе о нем просто-напросто забыли, а потом последовал переворот в июне 1762 года. Петр III был свергнут, и уже в середине июля Бестужев оказался при дворе новой самодержицы, Екатерины II.

Как правило, новый государь объявлял амнистию, но чинов опальным обычно не возвращали, и карьера их бывала сломана. Но с Бестужевым-Рюминым и тут произошло иначе.

Екатерина не забыла своего подельника по заговору 1758 года, вернула ему все чины, ордена, дала пенсией, назначила «первым императорским советником» и пожаловала ему чин генерал-фельдмаршала.

Более того, она издала особый манифест, восстанавливавший его честь и достоинство:

«Граф Бестужев-Рюмин ясно нам открыл, каким коварством и подлогом недоброжелательных доведен он был до сего злополучия...<...> ...За долг христианский и монарший мы приняли: его, графа Бестужева-

Но звание канцлера все-таки не вернули. Хитрый Бестужев-Рюмин дважды предлагал Сенату провозгласить Екатерину «Матерью Отечества», но хладнокровная государыня отказалась. Она вообще старалась держать бывшего канцлера на расстоянии, понимая, что его время безвозвратно ушло, а ее только начинается.

Понял это довольно быстро и сам Бестужев-Рюмин, попросился в отставку, получил ее и вскоре умер. Об обстоятельствах смерти великого канцлера или о его похоронах никто из современников вос-

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин представлял собой редкую фигуру в политической жизни России. Огромное трудолюбие, пронзительный ум, удивительные дипломатические способности позволяли ему выходить победителем в сложнейших ситуациях. Проводимый им внешнеполитический курс отличался продуманностью и принципиальностью в защите интересов России

Рюмина всенародно показать паче прежнего достойным покойной тетки нашей, бывшей его государыни, доверенности и нашей особой милости, яко сим нашим манифестом исполняем возвратя ему прежним старшинством чины генерал-фельдмаршала, действительного тайного советника, сенатора и обоих российских орденов кавалера с пенсионом по 20 000 рублей в год».

поминаний не оставил. По всей видимости, он скончался тихо в своем доме и тихо, по-домашнему, был предан земле.

М.М. Щербатов писал о том, как несправедливо Екатерина II обошлась со своим другом, оказавшим ей в свое время бесценные услуги:

«...Граф Алексей Петрович Бестужев, спомоществующий ей, когда она была великою княгинею, во всех ея намерениях и претерпев-

ший за нее несчастье, при конце жизни своей всей ее доверенности лишился, и после смерти его она его бранила».

Манштейн в своих «Записках о России» писал, что Бестужев был человеком умным, трудолюбивым, имеющим большой навык в государственных делах, патриотичным, но при этом гордым, мстительным, неблагодарным и в жизни невоздержанным. Екатерина II тоже отдавала должное уму и талантам канцлера, но добавляла, что он был пронырлив, деспотичен, подозрителен и мелочен. Тем не менее, Екатерине II импонировали ум, твердая воля и деловые качества этого политика. *«Граф Бестужев думал как патриот, и им нелегко было вертеть, — вспоминала государыня в своих «Записках», — хотя человеком был сложным и неоднозначным...»*

Бестужев-Рюмин представлял собой довольно редкую фигуру в политической жизни России этого периода, когда фаворитизм набирал силу. Пользуясь большим влиянием на Елизавету, он никогда не был ее фаворитом. Огромное трудолюбие, пронзительный ум, блестящие дипломатические способности, умение убеждать позволили ему стать победителем в сложнейшей и жесточайшей борьбе с «французской партией» и ее сторонниками. Однако, считая, что цель оправдывает средства, Алексей Петрович весьма часто пользовался далеко не честными методами, сре-

ди которых были и перлюстрация корреспонденции противника, и подкуп, а иногда и шантаж. Но проводимый Бестужевым-Рюминым внешнеполитический курс отличался продуманностью, принципиальностью и четкостью в защите интересов России.

И еще один момент. Алексей Петрович внес свой определенный вклад и в медицину. Среди лекарственных средств того времени особое место занимали «капли Бестужева». В 1725 году, находясь на дипломатической службе в Дании, будущий канцлер предложил состав нового лекарства — спирто-эфирный раствор хлорного железа. Это лекарство и было названо «каплями Бестужева». Считалось, что спирто-эфирная смесь способствует всасыванию железа и усиливает его действие. Эти капли сразу же нашли широкое применение «при малокровии с состоянием истощения и нервными страданиями». Их ведрами пили все невращенные дамочки Европы — от Лиссабона до Христиании и от Дублина до Афин.

Единственный сын Бестужева-Рюмина, граф Андрей, умер в Ревеле в 1768 году, не оставив потомства. Как писал историк Бюшинг, *«он оставил в 1768 году мир, для которого был бесполезен».*

Род графов Бестужевых-Рюминых пресекся навсегда и никогда не имел ни малейшего отношения к декабристам. □

Евгений
Рудашевский

Нерпёнок Тюлька

Отрывки из будущей книги «Куда уходит Кумуткан»

*Посвящается толстухе Несси — байкальской нерпе,
с которой я дружил и работал два удивительных года.
Кумуткан — юный, впервые перелинявший щенок
байкальской нерпы.*

Нерпенок опять убежал. Цепляясь передними лапами за снежный наст, он быстро подтягивался вперед. Могло показаться, что он спешит к себе в логовище, но его ждала лишь ледяная пустыня Антарктиды. Нерпячий улус с его заботливыми мамашами и беспокойными сеголетками остался далеко позади. Нерпенок даже не оглядывался, настойчиво полз к береговым завалам.

Молодые полярники, недавно прибывшие на станцию «Молодежная», удивленно наблюдали за ним издали. Вчера они впервые увидели этого нерпенка и тогда решили, что он заблудился. Даже взрослые нерпы боятся материка, держатся на морском льду — от берега его отделяет снежная гряда. На материке нерпе делать нечего, там не найти ни полыньи, ни отнырка, и рыба там, конечно, не водится.

В Антарктиде начиналась ранняя весна. Это было шумное время детских садов. Пингвины собирали себе гнезда. Материала на всех не хватало, и стоило одному пингвину отвлечься, как другой подбежал, чтобы стащить у него несколько камней. Пингвин, заметив пропажу, устраивал громкий скандал. Ворча и ругаясь, бросался за воров в погоню. Осталь-

ные отвлекались от забот и с интересом следили за происходящим в ожидании драки.

Прилетало все больше птиц. Вслед за поморниками появились снежные буревестники, они готовились к дальним странствиям по южному континенту в поисках мест, где можно отложить яйца и вырастить птенцов. На плавучих льдинах чаще встречались морские львы и морские слоны. Жизнь в Антарктиде пробуждалась.

В нерпячем улусе нерпята ползали у проталин, учились нырять в ледяную воду. Мамаши отпугивали от своих логовищ соседей и обеспокоенно следили за малышами. Заметив приближение снегоходов, нерпы попрятались. Это полярники привезли юного путешественника. Они были бы рады отдать его по адресу, но должны были просто оставить вблизи от полыньи, надеясь, что он сам отыщет свою семью.

И вот на следующий день нерпенек опять ушел к материку. Бросил улус, уютное логовище и юных друзей. Вместо того, чтобы жмуриться на солнце, валяться на ковре из линной шерсти и слушать, как за снежной стенкой плещутся взрослые нерпы, он ушел в одинокую неторную пустыню.

Полярники не могли этого объяснить и не знали, что делать. Теперь говорить, что малыш заблудился, было бы глупо. Он намеренно покинул свой дом и полз к берегу.

— Но зачем? Что ему нужно в этом безжизненном краю? — не унимался один из полярников.

Ему никто не ответил.

Решили, что у нерпенка погибла мать, сочувствия у соседей он не нашел, поэтому отправился искать иной приют. Но это не объясняло интерес малыша к материку. Он мог бы уйти дальше по морскому льду и там учиться охоте в одиночестве.

Полярники взяли нерпенка на станцию. Привезли его на снегоходе и первым делом познакомили с местным псом. Пес Механик, названный так за любовь к машинам, знакомству обрадовался. Лаял, вилял хвостом и внимательно обнюхивал серо-желтую шерстку нового друга.

Нерпенку дали имя. Тюлька. Тут же отметили его именины — торжественно открыли консервы с тушеной говядиной. На этом празднике грустным оставался лишь сам Тюлька. Ни мясо, ни молоко, ни рыба его не заинтересовали. Псу пришлось все подъедать за своим другом. Впрочем, он не возражал.

— Что же нам с тобой делать? — вздыхали полярники.

Прятать Тюльку на станции было бы трудно, и они рассказали обо всем старожилам «Молодежной», надеялись, что те приветят нерпенка, разрешат ему остаться и, быть может, придумают, как его развеселить.

Узнав историю Тюльки, старожилы нахмурились.

— Отвезите его обратно, — сказали они.

— К другим нерпам?

— Нет, на берег. Туда, где вы его нашли.

— Но зачем? Там ничего нет! Он погибнет!

— Он и так умирает, — ответили старожилы.

Они рассказали, что старые и больные нерпы, предчувствуя смерть, покидают сородичей. Одолевают береговые завалы и уходят в глубь Антарктики — на ледниковые купола. Там, в одиночестве, среди снегов и вьюжных ветров находят последнее пристанище.

Исследователи из антарктических экспедиций видели замерзшие тела нерп высоко в горах белого континента, за многие километры от моря. Никто не мог этого объяснить. Никто не понимал, почему предчувствие смерти влечет их в ненастную пустоту.

— Вот и ваш Тюлька, судя по всему, болен. Чувствует это. Знает, что ему осталось недолго, поэтому ищет тропу своих предков — ту, что приведет его на один из ледниковых куполов. Вы не смотрите, что он сеголетка. Тюлька давно старик, хоть не прожил и двух месяцев. Ему и так не просто, а вы своей помощью только усложняете его путь.

Молодых полярников поразил этот рассказ. Они больше не спорили. Дали Механику проститься с Тюлькой и отвезли его назад, к берегу. Затем, посоветовавшись, перенесли нерпенка на несколько километров, чтобы восполнить потерянные им два дня пути.

— Может, закинем его подальше? До куполов отсюда далековато.

— Нет. Он должен сам.

Полярники приехали сюда на следующий день. Они до последнего мгновения сомневались в истории старожилых. Надеялись, что Тюлька одумается и захочет вернуться домой, в уютное, защищенное логовище. Но Тюлька неизменно полз вперед.

Похудевший, слабый, с пеной на мордочке, он упрямо подтягивался на передних лапах. Его серая меховая шубка обвисла, поистрепалась. На людей нерпенка не обратил внимания. Слепо и настойчиво смотрел куда-то в глубь континента. Туда, где его ждали одинокие предки.

— Прощай, Тюлька!

Полярники больше не тревожили его. Уехали и уже не возвращались.

О судьбе Тюльки Максим узнал еще в первом классе. Пересказывал ее друзьям и одноклассникам, однажды вообще написал по ней сочинение. Одним из тех молодых полярников был его дедушка — ученый, больше года проработавший в Антарктике.

Максим знал и другие истории. В этом не было ничего удивительного. Вернувшись из Антарктики, его дедушка изучал байкальских нерп и даже

построил в Иркутске свой нерпинарий. Там несколько лет проработали и мама Максима, и его дядя. Поругавшись с бабушкой, они уволились, но о любви к животным не забыли. Мама устроилась администратором в приют для бездомных собак, а дядя — ветеринаром в иркутский цирк.

Максим и сам мечтал работать с животными. Только не мог определиться, с какими. В первом классе он подумывал о морских свинках. В пятом — о китах. Теперь, в седьмом, склонялся к дрессировке морских львов.

В декабре, заболев воспалением легких, Максим лежал в кровати, прислушивался к своему разгоряченному телу и говорил Аюне, своей сводной сестре, что представляет себя Тюлькой, шептал ей о таинственных куполах Антарктики. Ребята и не подозревали, что через несколько месяцев сами станут участниками не менее увлекательной истории, что она случится на весенних каникулах среди заснеженных льдов Байкала. Вот только рассказывать ее одноклассникам и писать о ней сочинения они не захотят.

Приблуда

Собака не уходила. Легла на траву под изгородью и поскуливала. Каролина сказала, что Арнольд сам виноват. Молодой охотник вчера нашел эту собаку на лесной прогалине. Она была вся драная, в колтунах и крови. Должно быть, сбежала от хозяина и попала к волкам. Или хозяин наказал ее за какой-то проступок и бросил в чащобе. В этих местах бывало и такое. Арнольд сжалился над ней. Покормил собаку, и она увязалась за ним, а теперь спала возле калитки и возвращаться в лес не хотела.

Молодая семья Людвигов, Арнольд и Каролина, жили в небольшом бревенчатом доме на выселках таежного Пихтинска — поселка сибирских голендров, переселенцев из Голландии. Прошлой осенью Арнольд похоронил отца и остался один с женой. Они были женаты два года, но дети у них не появлялись. Каролина переживала из-за этого. В Пихтинске все семьи были многодетные.

— Человек без детей и не человек вовсе, а так, обсевок какой-то, — говорила теща Арнольда.

У Каролины было три брата и две сестры.

— Столько дядей и тетей, а у нас для них — ни одного племянника или племянницы, — вздыхала она.

Собаку решили приютить. Вымыли, расчесали, оставили во дворе и назвали Рикой. Рика быстро обжилась. Бегала у ворот, лаяла на бурундуков и белок, отгоняла их от дома и, довольная, возвращалась в будку.

Первые недели Каролина ждала, что появится бывший хозяин собаки, уведет ее. Говорила, что от такой дикой приبلуды толку не будет, что нужно было взять нормального щенка у родителей.

Годом позже в семье родился сын. Рожать ездили в город. Потом шумно отпраздновали событие с родственниками и друзьями. Рика, разволновавшись из-за гостей, металась по двору, прыгала, лаяла. Арнольд, улыбаясь, сказал, что она тоже радуется ребенку, но Каролину такое поведение напугало. Она сказала, что нужно посадить собаку на цепь и не выпускать из будки.

— Бог знает, что у твоей Рики в голове. Ее там в лесу волки трепали. Такое не забудешь. Вот перемкнет у нее, и бросится она на ребенка! А ему много не надо. Вон, зубы-то какие. Сама как волк.

Арнольд отшучивался, говорил, что Рика даже белки ни одной не задушила. Каролина устроила истерику. Привела маму и сестер. Вместе они в один голос причитали о беспечности Арнольда, говорили, что его отец был таким же, поэтому и погиб так рано — в лапах медведя.

Арнольд разозлился. Сжал кулаки, но промолчал. А на следующий день посадил Рику на цепь. Чтобы всем стало спокойнее. Собака не возражала. Она любила будку. Это был ее дом — теплый и безопасный, не то что темная чашоба, где она жила прежде. Можно было лечь на выходе из будки, положить голову на лапы и смотреть на стоявшие за оградой лиственницы — вспоминать беспокойные дни скитаний и радоваться, что они окончились здесь, в деревянной будке с тряпичной подстилкой и двумя жестяными мисками.

Завидев Каролину с младенцем, Рика начинала лаять, радостно вилять хвостом. Женщину это настораживало. Она все чаще называла собаку приблудой, просила мужа увезти ее подальше от села и бросить. Пусть та бежит, куда хочет. Арнольд жену не слушал. Он любил Рику, брал ее на охоту, на сбор ягоды и грибов. Научил подбирать в зарослях подстреленную птицу. Если б не жена, он бы и не додумался сажать собаку на цепь, был уверен, что на ребенка она никогда не бросится.

Так прошел год. Каролина постепенно забыла о страхе перед собакой, оставляла ребенка во дворе. Он ползал по дощатому настилу, мял про-

росшую в щели траву. Ловил кузнечиков, бабочек, жуков — все, что шевелилось. Поглядывал на Рику и смеялся, если видел, что она приплясывает на месте, лязгает натянутой цепью.

Однажды Каролина развешивала белье и не заметила, как ее сын, торопливо перебирая ручками и ножками, прополз на четвереньках через весь двор и остановился возле собаки.

Услышав крик жены, Арнольд выскочил из дома. Увидел, что она в испуге выронила таз с бельем и указывает ему в сторону будки. Там ребенок, всем телом навалившись на Рику, теребил ей уши, дергал на ее ошейнике цепь. Собака, довольная, шустрила хвостом и, наклонив голову, старались лизнуть мальчика в бок. Отец рассмеялся, увидев такую сцену. Вернул Каролине сына, а на следующий день, вопреки ее крикам и слезам, освободил Рику. Собака от радости долго носилась по двору, затем, присмирив, вползла в сени, куда ее не пускали с прошлого года.

Сыну собака понравилась, он теперь не отставал от нее. Хватал Рику за хвост, кусал за лапы, пробовал забраться ей на спину. Стоило Каролине отвлечься, как во дворе начиналась возня. Рика улепетывала от ребенка, потом бросалась к нему со спины, утыкалась мокрым носом ему в шею. Мальчик вскрикивал, пробовал поймать собаку, но та уже во весь опор мчалась на другой конец двора.

Каролине не нравились эти игры. Она при первой возможности бросала в Рику палкой, ругала ее и просила уйти из села куда-нибудь подальше. Каждый вечер твердила мужу, что до добра это не доведет, что собака дикая, и ее дикость обязательно скажется. Пугала тем, что его единственный сын покалечится или даже погибнет. В гости приходили мать и сестры Каролины. Улыбались, приносили варенье и стряпню, а потом слово в слово повторяли Арнольду все, что о собаке говорила его жена. Обещали подарить нормального щенка взамен приبلуды.

Каролина изо дня в день твердила, что глупо рисковать мальчиком по прихоти, а иначе привязанность Арнольда к Рике она не называла. Грозил, что однажды произойдет что-то страшное.

И однажды, в самом деле, произошло что-то страшное.

Пихтинск был лютеранским селом, но своей кирхи в нем не было. Не было среди сельчан и пастора. Вместо него исповедовал и крестил местный «учитель». В тот день отмечали его день рождения. Приехали гости из соседних деревень и заимок. Были даже родственники из Иркутска. Мальчика не с кем было оставить, а брать его с собой Каролина не захотела — он в последние дни был простужен, чихал и соплил. Во двор его не пускали, да он и не рвался. Решили, что в доме ему опасность не грозит и потому оставили одного, в кровати.

Рика проводила хозяев до забора. Потом сбегала до курятника — гавкнула на разгомонившихся кур, словно боялась, что они потревожат сон ребенка, и вернулась в будку. На село опустились густые, как таежный чай, сумерки. Ветром принесло запахи хвои и сирени.

Праздник был долгим и шумным. От еды, песен и водки устали так, будто весь день косили сено, но были счастливы, повидав старых знакомых и послушав их рассказы.

Арнольд и Каролина вернулись хмельные и не сразу заметили, что Рики в будке нет, что во дворе беспорядок. Стол опрокинут, цветочные горшки сброшены с завалинки. Таз и ведро валяются.

Дверь в дом была приоткрыта, но даже на это родители не обратили внимания. На замок ее все равно никогда не запирали.

Лишь войдя в сени и включив свет, Арнольд замер. Одежда и обувь — повалены, мешки с картошкой — выпростаны. Каролина, зашедшая следом, оборвала веселый лепет на полуслове. Разом сняло хмель — так морозным ветром выдувает тепло из-под открытой рубахи.

Арнольд быстрым шагом проскользнул в прихожую, взял с притолоки ружье — спрятанное под навесом и незаметное для чужого глаза. Воров в селе не видели уже много лет. Вспомнил, что не снял ботинки, и подумал, что жена будет ругать его за грязь. Нахмурившись, отогнал эти глупые мысли. Слушал, не скрипнет ли где-нибудь половица. Вор мог быть в доме — услышал голоса и затаился. Ждет удачной секунды, чтобы сбежать. Или давно сбежал, прихватив все ценное.

«У нас и ценного-то ничего нет», — подумал Арнольд, когда Каролина, очнувшись от растерянности, рванула к детской. Он не успел ее остановить, а потом услышал до того пронзительный крик, что почувствовал, как у него онемели ноги. Стальную зазубренную нить продернули через сжатый кулак. Раскаленные иголки втиснули под ногти. Подняв ружье на изготовку, Арнольд бросился к жене.

В комнате, на ковре у сундука, лежала Рика. Она растерянно смотрела на людей. Приподняла мордочку и затаилась. Ее пасть была в крови. Шерсть была в крови. Лапы — в крови. От них тянулись кровавые следы к детской. А на пороге комнаты растеклось потемневшее пятно крови.

Перед глазами зарябило красным. Крик Каролины поднимался все выше. Арнольд оглох и слышал только свое дыхание. Оно было черным и колючим, как ночная темень за окнами, как таежный мрак, из которого вышла Рика.

Собака приподнялась. Начала вяло, с дрожью вилять перепачканным в крови хвостом. Будто оправдывалась. Будто искала защиты у Арнольда — от себя, от того, что натворила. Арнольд выстрелил. Грохот выстрела оборвал струну крика. Каролина, пошатнувшись, вытянула руки. Хотела упе-

реться в стену, но та была слишком далеко. Так и села на пол. Покачивалась и что-то бормотала. Посмотрела на мужа. Отчаяние сменилось злобой. Лицо Каролины перетянуло металлической проволокой. Ее глаза стали тяжелыми черными угольками.

— Ты! Ты! — закричала она, давясь черными слезами. — Ты! Убийца! Ты его убил! Ты убил нашего сына.

Она вцепилась в ногу Арнольда. Слабо, едва ощутимо дергала его за брючину. Хотела встать, но не могла. Арнольд бросил ружье. Его глаза были сухими и такими же угольными, как у жены. Отдернул ногу. Пошел к детской. Шел медленно и неуверенно, словно шагал по речному дну — против течения.

Брезгливо переступил через Рику. Отшатнулся, увидев, что перепачкал в крови подошву ботинок. Толкнул приоткрытую дверь. Неверной рукой включил свет. Посмотрел на детскую кроватку. Замер, качая головой. Захлебываясь, вдохнул. Потом еще раз. Упал на колени, но даже не почувствовал этого. Схватил лицо руками, до крови впился ногтями в кожу и диким воем застонал в ладони. Сквозь пальцы потекли слезы. С детской кроватки перепуганный, покрасневшийся и укрытый одеялами, на него смотрел сын. У стены лежала росомаха — разодранная, застывшая с неестественным оскалом.

— Так все и было, — Рудольф Арнольдович склонился к Максиму, хлопал его по плечу и усмехнулся. Максим задержал дыхание, от Рудольфа Арнольдовича крепко пахло пивом.

— А Рика? — дрожащим голосом спросила Аюна. — Она там лежала, это она сторожила?

— Да, — дядя Рудольф кивнул. — Чтобы уж наверняка, чтобы другая росомаха ко мне в детскую не забралась. Она и сама была раненой. Вторую схватку не одолела бы. Росомахи в тех местах редко заходили к жилью... Люди думали — перебили уже всех. Да вот, оказалось, не всех. □

Не так давно в Москве в Центральной научной библиотеке им. Н.А. Некрасова состоялся творческий вечер эстонской писательницы Хелью Ребане, представившей свою новую книгу рассказов «Кот в лабиринте». В ней тесно переплетаются фантастика и реальность, и уже не разобрать, что же в итоге перед вами. Поневоле разум начинает перестраиваться, пытаюсь взять новые высоты, и читатель естественным образом становится участником созданного действия. В этом и заключается уникальность прозы Хелью Ребане.

Я поинтересовалась у писательницы, как ей удастся сочетать противоположности — фантастику и реальность, одновременно демонстрируя индивидуальную сторону каждой? И такая ли уж эта фантастика на самом деле?

— Как вы пришли к творчеству? Действие ли это генератора случайных чисел, или ваш выбор осознанный?

— Этот выбор был сделан уже в средней школе, когда при помощи бумаги и ручки я хотела «остановить мгновение». Дело в том, что к нам в гости часто приезжала моя тетя Мина. Нам было очень весело друг с другом, мы почти ровесницы. Когда она уезжала, я опять оставалась одна, а мне так хотелось заново пережить полные озорства дни, проведенные вместе, хотелось запечатлеть свои ощущения на бумаге, но

я этого еще не умела. Пришлось долго учиться — у Хемингуэя, Чехова, Паустовского, Бабея. Из автобиографичного «Праздника, который всегда с тобой» Хемингуэя узнала, что каждый день он писал по рассказу о том, что «хорошо знает», а Чехов давал в переписке немало полезных советов одной начинающей писательнице. Так и набиралась опыта.

— Известно, что у вас образованная и читающая семья. Какое влияние она оказала на ваше становление — как математика, как писателя, как многогранно развитую личность?

— Любая семья оказывает на детей колоссальное влияние. Моя мама преподавала русский язык и литературу в эстонской школе. Отец заведовал кафедрой философии в Тартуском государственном университете. Он научил меня читать, когда мне было четыре года. Еще до окончания школы я прочитала всю художественную литературу, имевшуюся в нашей большой домашней библиотеке. Моя бабушка, мама отца, работала библиотекарем и писала стихи для стенгазеты. Тетя отца, Хельми Оттас, учительница эстонского языка, которая тоже очень много занималась со мной, любила цитировать одно изречение Крейцвальда: «Мне известен единственный примиритель. Его имя: труд, сделанный с любовью».

Оно пригодилось и мне. Окончила я отделение теоретической математики Тартуского университета и несколько лет преподавала логику, затем продолжила образование по данной специальности в аспирантуре Московского государственного университета. Потом работала старшим инженером и продолжала писать рассказы «в стол». Но в один прекрасный день рассказ «Пустые ценники» был отмечен на анонимном конкурсе журнала «Noorus». Меня пригласил в редакцию заведующий отделом прозы, известный эстонский поэт Рудольф Риммель, и — о чудо! — меня стали печатать.

— Как возник союз математик-писатель? Какое влияние они оказывают друг на друга в вашем случае?

— Родители часто хотят, чтобы дети реализовали их несбывшиеся мечты. Мой отец прекрасно играл в шахматы и любил математику, а преподавал философию, заведывая кафедрой. Хотя он многого достиг, сожалел о том, что свой выбор сделал не в пользу математики, и уговорил меня идти на математический факультет. Я же хотела изучать психологию, которую в те годы считали перспективной. Но все имеет тенденцию меняться. Может быть, родителям стоило бы доверять детям при выборе ими профессии. Тем не менее, я благодарна отцу, потому что математика писателю только помогает,

и этому есть подтверждения — математиками были многие поэты и писатели: Льюис Кэрролл, Михаил Ломоносов, Омар Хайям, который прославился трактатами «Трудные вопросы математики» и «Объяснения трудного в заключениях Эвклида», а мы обожаем его «Рубаи».

— Можно ли назвать жанр, в котором вы пишете, фантастикой? Почему сделан такой выбор?

— Да, это фантастика. Критик Олег Комраков назвал ее психологической, и я с ним согласна. А то, что выбрала этот жанр литературы, тут своя предыстория. В молодости меня потряс рассказ Франца Кафки «Превращение», который во многом стал для меня образцом для подражания. О нем тоже спорят, фантастика ли это. Главный герой Грегор Замза превращается в огромное насекомое. Это, собственно, единственный фантастический элемент в рассказе, выступающий в качестве лакмусовой бумажки. Именно благодаря ему выявляется истинное отношение окружающих к герою. То есть, в обыденной, реальной жизни мы все живем под покровом масок и иллюзий. А фантастическая ситуация срывает эти покровы. Можно, конечно, создавать подобные «оголяющие истину» ситуации, не обращаясь к фантастике. Например, герой рассказа Хемингуэя «Снега Килиманджаро» только перед смертью

осознает, что каждый раз женился на все более богатой женщине. Но для меня реализм сложнее, чем фантастика. Он требует умения видеть мотивы поступков тех, о ком пишешь, и как бы ни ошибиться и не оговорить прототипов своих героев!

— С вашей прозой в жанре фантастики уживаются реалистические рассказы. Откуда вы берете темы для своих историй?

— Личные наблюдения. А порой интересные истории мне просто рассказывают. Но описание истории — это легко. Трудно увидеть в капле воды океан. Реалистична и моя новая повесть «Публичное сокровище». Героиня, сбежав от проблем с любимым, путешествует по маршруту Москва — Таллинн — Рига — Париж — Монако. Но любовный сюжет — не самое главное в этом произведении. А что главное, каждый, кому интересно, сможет понять, прочитав повесть, — она вышла в этом году отдельной книгой.

— Какая публикация стала первой на вашем творческом пути, а какая наиболее дорога вам?

— Первая моя книга — «Маленькое кафе» (1985). А вот «Проба личности» (1991) из серии «Советская фантастика» дорога тем, что в этом сборнике три моих рассказа соседствуют с произведениями братьев Стругацких, Виктора Пелевина и Ми-

хаила Веллера. Мои рассказы печатались в журналах «Looming», «Noorus», «Таллин», «Юность», «Deus ex Machina» (Бельгия), а также в журнале «Смена». Из шести изданных сборников наиболее интересными считаю «Город на Альтрусе» (2011), «Кот в лабиринте» (2016) и «50 Рассказов» (2016). Так как современная книготорговля все больше перемещается на Интернет-сайты (Озон, Amazon, lulu.com.), то и мои книги стоит искать теперь там.

— Наряду с прозой вам близка поэзия. Какие они, ваши стихи?

— Мне было лет двенадцать, когда я начала пробовать себя в поэзии. Стихи, словно редкие бабочки, залетающие в окно, — сразу не поймаете, улетят. К 2001 году их набралось на сборник «Сон у моря», в основном это верлибры.

— Что бы вы хотели сказать читателю?

— Актуальной представляется проблема эгоизма и альтруизма, которой посвящена моя повесть «Город на Альтрусе». Поэтому хочется донести до людей непопулярную в наши дни убежденность в том, что, как бы тяжело ни было, надо порой совершать невыгодные для себя поступки, пересиливая собственный эгоизм. Но, к сожалению, это далеко не всегда удается. □

Беседовала **Ольга Михайлова**

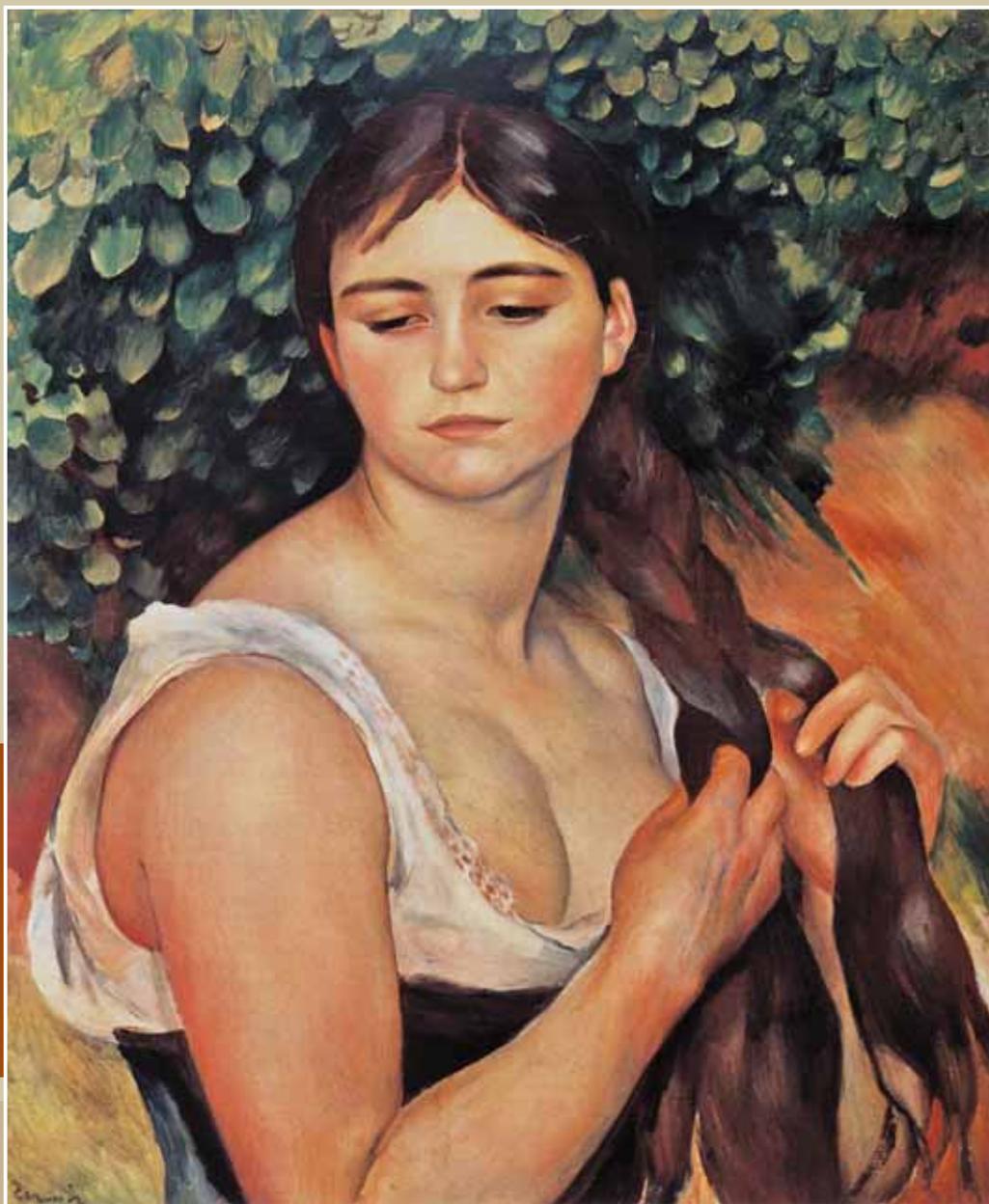
Ирина Опимах

Сюзанна Валадон

**Любовь,
которая всегда
была с ней**

Сюзанна Валадон вошла в историю искусства не только как замечательная художница, но и как мать, первая учительница и вдохновительница одного из самых ярких живописцев Парижа — Мориса Утрилло. Первая женщина, ставшая членом Французского общества изящных искусств, она была любимой моделью классиков импрессионизма и постимпрессионизма, запечатлевших ее образ на своих полотнах. Благодаря им мы видим ее в разные периоды жизни — задумавшейся, танцующей, обворожительной, юной, легкомысленной, а потом стареющей, много испытавшей. Она посвятила свою жизнь живописи и своему гениальному и несчастному сыну.

*Ренуар.
«Девушка,
заплетая
косу»
(портрет
Сюзанны
Валадон)*

Мари-Клементина Валадон (так на самом деле звали будущую художницу), родилась в 1865 году (или по другим источникам, в 1867-м) в Беллин Сюр-Гартам, недалеко от Лиможа. Мать ее, бедная белошвейка Мадлена Валадон (отец неизвестен), отнюдь не преуспевала в этом маленьком городке, а потому, когда Мари исполнилось четыре года, в

поисках лучшей доли отправилась в Париж. Но и там дела ее шли далеко не блестяще. Мари-Клементину Мадлена определила в монастырскую школу. У девочки оказался ужасный, неуживчивый характер, монастырский уклад был ей явно не по нраву, и монахини никак не могли ее приструнить. Образовательный процесс длился недолго — уже

*Ренуар.
«Танец в Буживале»
(портрет Сюзанны Валадон)*

Справа:
*Сюзанна Валадон
с сыном Морисом*

в одиннадцать лет школа для Мари закончилась, и ей пришлось пойти «в люди»: сначала она трудилась в швейной мастерской, затем стала помогать матери в уборке квартир, была нянькой, официанткой в бистро, торговала овощами на Батиньольском рынке. И там, на рынке, она однажды увидела представление бродячего цирка. Это было яркое, удивительное зрелище, так не похожее на ее жизнь! Мари-Клементина решила, что обязательно будет сама участвовать в этом празднике и нести людям радость и красоту. Она и не подозревала, что жизнь отважных акробатов, укротителей зверей и волшебников-фокусников — отнюдь не праздник, а каждодневный, тяжелый и порой очень опасный труд...

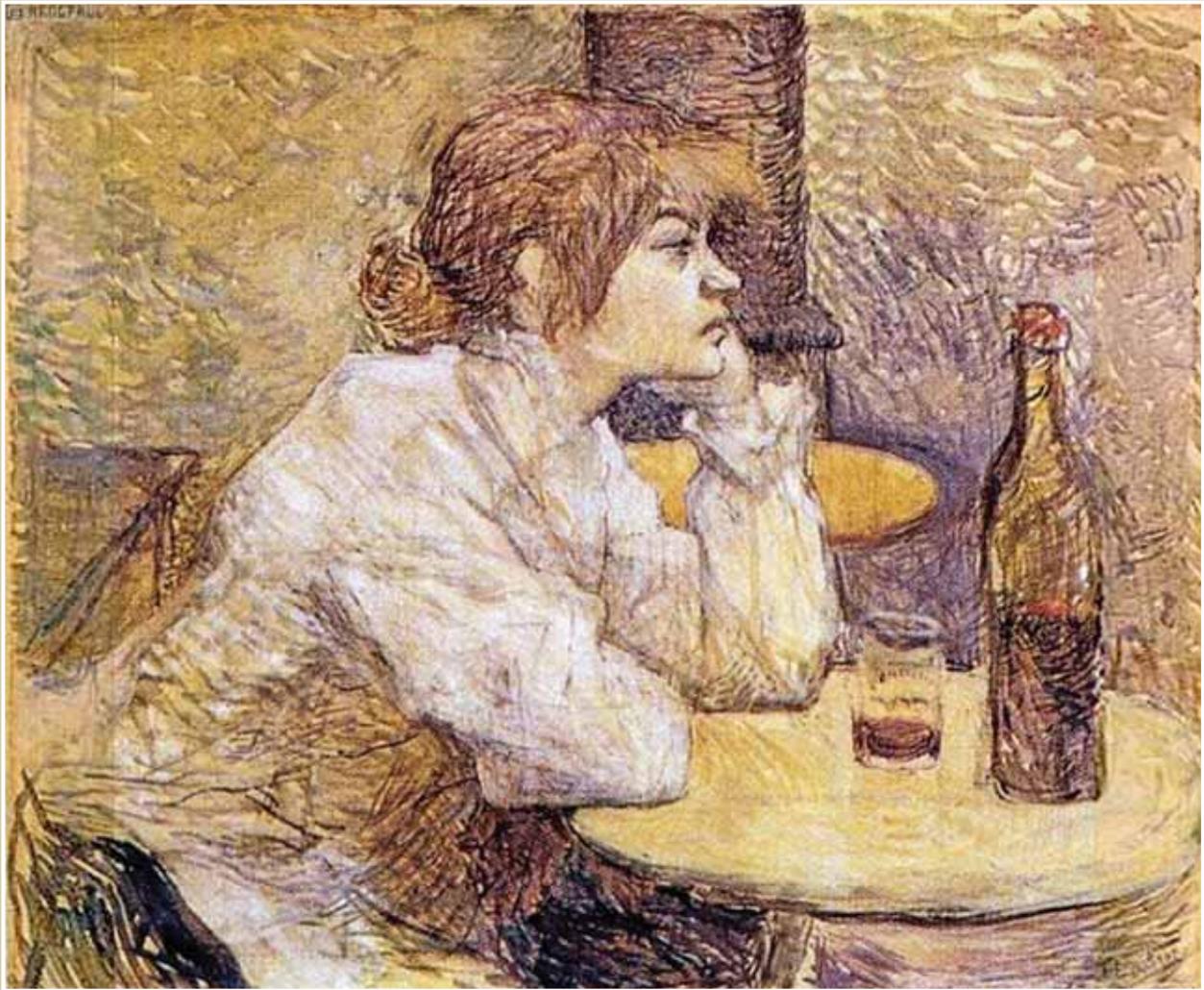
В 1880 году Мари-Клементина стала акробаткой любительской труппы цирка Молье. Это был непростой цирк. Его хо-

зяин, весьма небедный, вполне независимый и страстный поклонник циркового искусства, собрал в своей труппе таких же преданных цирку людей — это были яркие артисты-любители, часто принадлежавшие к знатнейшим французским фамилиям. Ей очень нравилась эта цирковая жизнь, она с упоением разучивала сложнейшие трюки и потом отважно выполняла их на глазах восторженной публики. Однако блистала мадемуазель Валадон на арене совсем недолго — как-то, исполняя очередной номер на трапеции, она сорвалась и упала... О цирке пришлось забыть, но ничто не проходит даром, и спустя много лет, когда Валадон уже стала большой художницей, ее цирковые друзья ожили на ее полотнах.

Между тем жизнь продолжалась, Мари-Клементина выросла и — хорошела. Это не могло остаться незамеченным на Монмартре, настоящей обители художников, куда она давно мечтала попасть. И ей это удалось. Миловидная и стройная, она очень быстро приобрела новую профессию — натурщицы. Помог случай. Мадам Валадон открыла небольшую прачечную, и послушная дочь, помогая матери, разносила постиранное белье клиентам. Среди них был живший тогда на площади Пигаль известный художник мсье Пюви де Шаванн. Он не мог не обратить внимания на очаровательную девушку, однажды постучавшую в его дверь, и тут же предложил ей позировать ему. Вскоре музы на его полотне «Священная роща» обрели

черты этой дочери монмартской прачки. Так Мари-Клементина стала натурщицей. У нее появилось много знакомых среди художников. Она прекрасно чувствовала себя среди этих молодых, веселых, ни в чем не отказывающих себе людей и очень быстро переняла свободу нравов, царившую в этом мире. Позже Пюви де Шаванн познакомил ее с Ренуаром, и тот, тоже попав под ее очарование, много раз с удовольствием писал Мари-Клементину: это именно она изображена на картине «Коса», именно она с упоением танцует на картинах «Танец в городе» и «Танец в Буживале». Эти полотна были

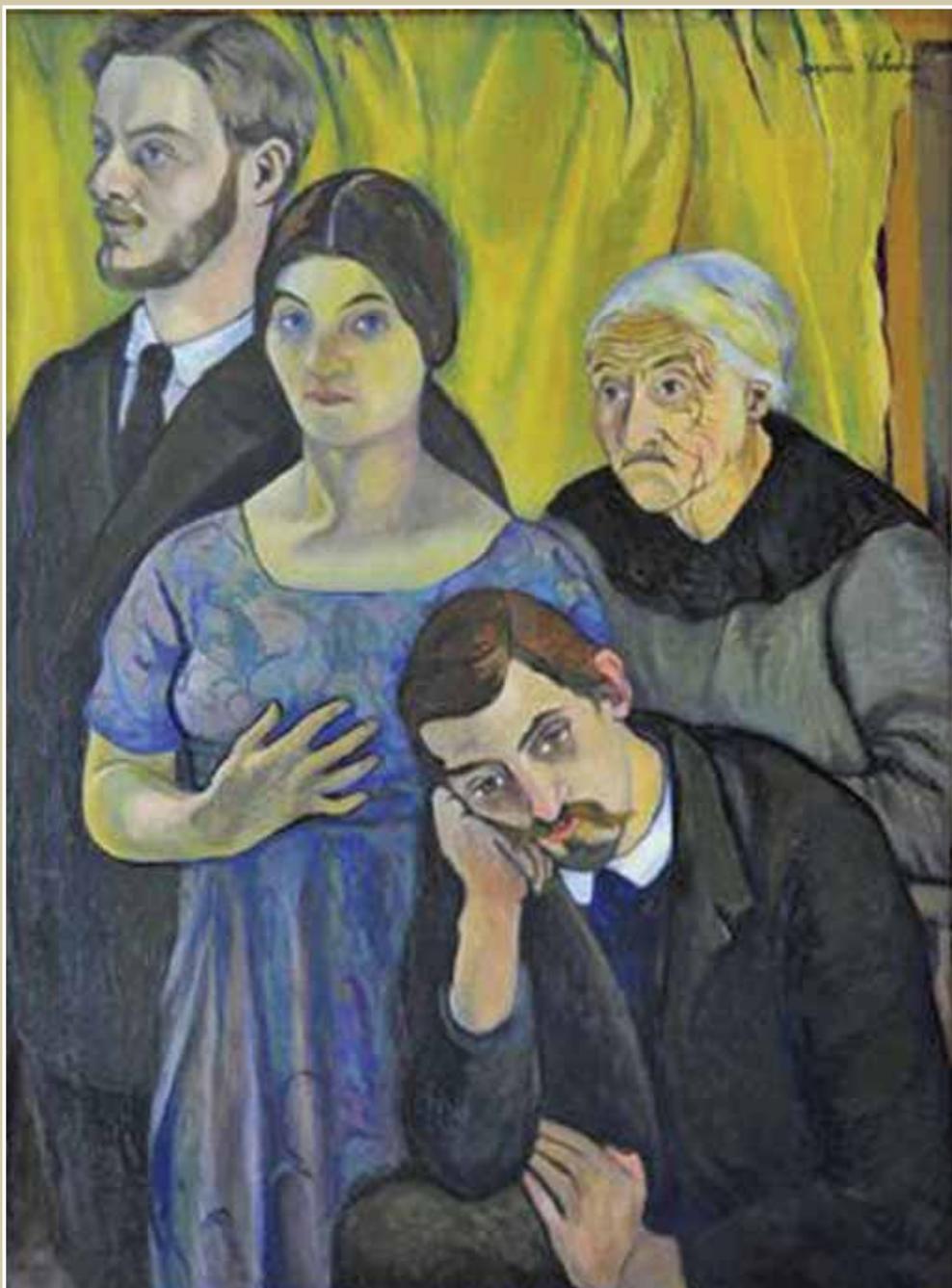
написаны в 1883 году. В том же году у Мари-Клементины родился сын. Назвали мальчика Морисом, и записали под фамилией матери. Никто из ее приятелей почему-то не признался в отцовстве. Говорили, что отцом Мориса был некий Буасси, весьма посредственный художник и певец, любивший приложиться к бутылке (и, как полагали, передавший в наследство сыну свою болезненную склонность). Назывались и другие имена, гораздо более известные в мире искусства, — к примеру, Пюви де Шаванна, жена которого, знавшая пристрастие мужа к молоденьким натурщицам, не-

усыпно шпионила за своим любвеобильным мужем. Сама Сюзанна Валадон (так Мари-Клементина стала себя называть вскоре после рождения ребенка — ей почему-то казалось, что «Сюзанна» звучит гораздо аристократичнее) не считала нужным внести ясность в этот вопрос. Какая разница, кто отец, важно, что у мальчика есть мать, да еще какая!

После рождения сына Валадон с матерью и ребенком переехала на улицу Турлак, в дом номер 7. Ее соседом оказался венецианец Зандоменегги, амбициозный и не очень удачливый художник, друживший

Слева:

*Тулуз-Лотрек.
«Похмелье,
или Пьяница»
(портрет
Сюзанны
Валадон)*

*Сюзанна
Валадон.
«Семейный
автопортрет»
(с мужем
Андре
Уттером,
матерью
и сыном
Морисом)*

с Тулуз-Лотреком. Однажды он представил свою очаровательную соседку высокородному горбуну. Его уродство, его бешеный темперамент ее не отпугнули, скорее, даже привлекли. Так началась одна из самых удивительных историй любви в полной страстей монмартрской летописи.

Дочка прачки и потомок графов де Тулуз были совершенно свобод-

ны от каких-либо предрассудков и позволяли себе все, не думая, как могут воспринять их поведение окружающие. Они любили друг друга, а еще любили искусство. Сюзанна пользовалась каждой минутой, чтобы перенять у своих друзей-художников секреты живописи, училась она и у Лотрека — ей нравилась его острая кисть, психологизм и откровенность

рисунков. Кстати, Лотрек, берясь за карандаш или кисть, не щадил и не льстил своей любимой Сюзанне — на его картинах она выглядит на двадцать лет старше и гораздо менее симпатичной, чем на картинах Ренуара. В ней угадывались сила воли, жесткость характера и отсутствие каких-либо иллюзий...

В 1888 году Лотрек написал картину «Похмелье, или Пьяница», для которой ему снова позировала Валадон. Она изображена у столика, на котором — бутылка и рюмка. Пустой взгляд отчаявшегося человека, сжатые губы, безысходность и безнадежность...

Сюзанна, несмотря на кажущуюся открытость и бесшабашность, рассказывая о себе, редко говорила правду, часто сочиняла всякие истории, а то, что было для нее важно, тщательно скрывала. Поэтому ее друзья до поры до времени не знали, что каждую свободную минуту, когда ее никто не видит, она рисует! Да и как тут не рисовать, когда живешь на Монмартре, и вокруг тебя — сплошные художники, и все такие талантливые!

Спустя много лет она говорила: «Я пишу людей, чтобы узнать их, а потому не приводите ко мне женщин, которые ждут, что я изображу их обаятельными или приукрашенными, я их немедленно разочарую».

Когда однажды Лотрек совершенно случайно увидел кое-какие наброски Сюзанны, он был потрясен: да это же абсолютно профессиональные работы! Восхищенный талантом подруги, Анри даже пове-

сил несколько рисунков Сюзанны в своей мастерской и очень забавлялся, когда его гости с восторгом допытывались, кто их автор. Приятель Лотрека скульптор Бартоломе предложил показать работы Сюзанны Дега, человеку, чей авторитет среди парижских художников был непререкаем, и в один прекрасный день Сюзанна пришла в мастерскую к художнику. «Вы наша», — сказал мэтр, внимательно посмотрев картины. Он, как раньше Ренуар и Лотрек, тоже пал жертвой этой удивительной женщины. «Грозная Мария» — называл ее Дега. И очень любил. Художник Эдмон Эзе, близкий друг Валадон, утверждал, что между ней и Дега существовало нечто большее, нежели просто уважение друг к другу. Правда, сама Сюзанна всегда опровергала эти домыслы.

Дега часто рисовал обнаженных женщин, но кто из них Сюзанна — неизвестно. Может, эта, что купается в тазике или расчесывает длинные волосы, а может, та, что томно разлеглась после принятия душа. Они часто виделись, а когда Сюзанны не было рядом, Дега писал ей письма, к примеру: «Благодарю вас за ваши добрые пожелания, грозная Мари, тем более что я нуждаюсь в них. ... Несмотря на болезнь вашего сына, вы должны по-прежнему приносить мне свои острые и пластичные рисунки»...

Отношения Сюзанны и Лотрека продолжались около полутора лет. Она исчезала надолго, потом появлялась вновь. А потом они расстались. «Ты любишь меня! — кричал

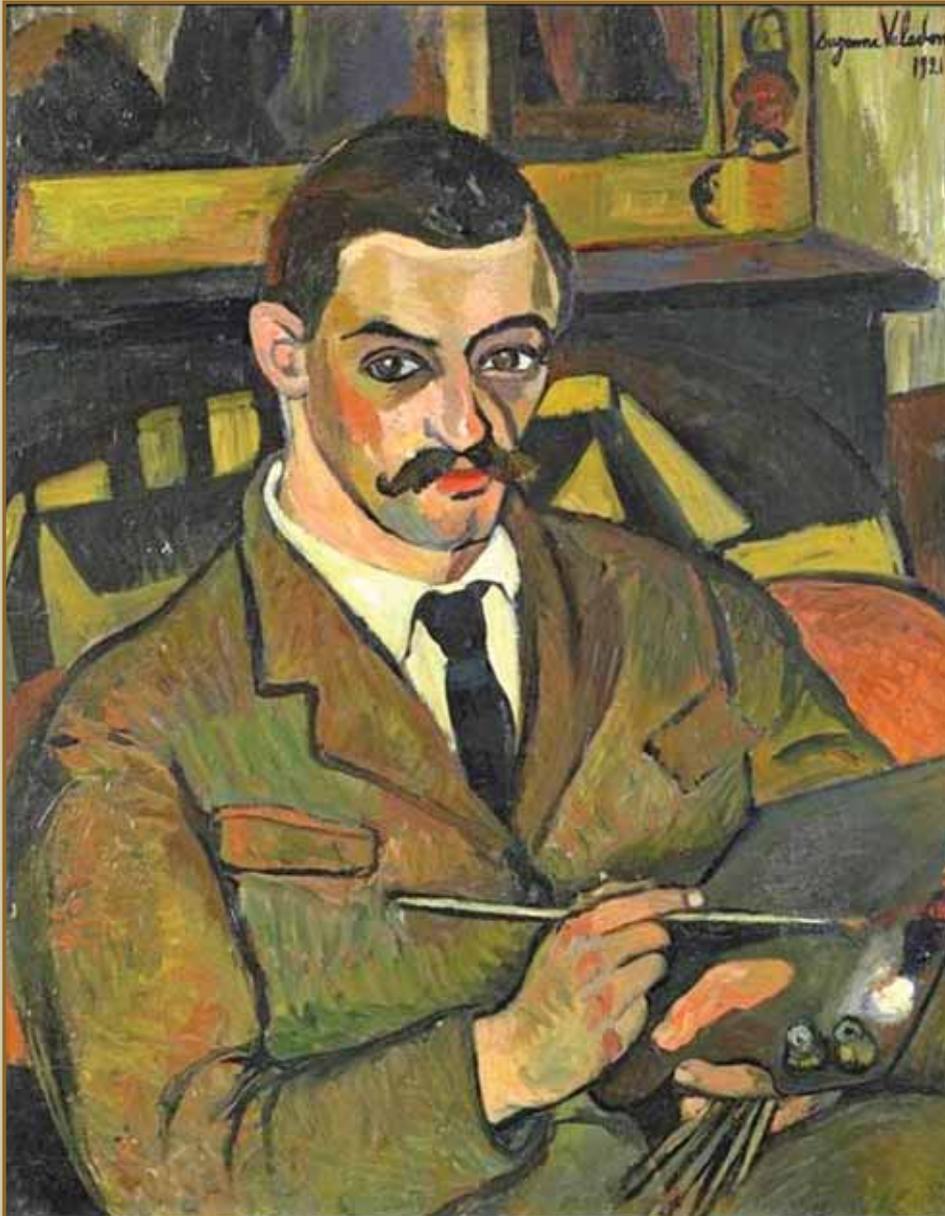
Сюзанна Валадон. «Цирк»

ей Лотрек. «Нет, дорогой, я люблю твою живопись, — и тут она несколько не лгала. — Я должна уйти от тебя, иначе ты всегда будешь править мои работы».

Постепенно искусство занимало все большее место в жизни Сюзанны, и ее труды, наконец, увенчались признанием — в 1894 году Сюзанна Валадон стала первой художницей, которую приняли в Национальное общество изящных искусств. Добиваясь совершенства, она работала над некоторыми своими картинами очень долго, бывало, несколько лет, прежде чем вынести их на суд публики. За мольбертом Сюзанна казалась ангелом, но в обычной жизни

часто бывала несдержанна, вспыльчива, поддавалась взрывам своего пылкого темперамента. Она могла быть абсолютно неуправляемой, но при этом всегда оставалась поразительно влекущей и обворожительной. Она любила жизнь, любила искусство и — своего сына Мориса. И, конечно, это она первая вложила в его еще детскую руку кисть, показала ему, как пользоваться красками...

Морис рос поначалу под присмотром бабушки — матери было некогда с ним заниматься, потом его отдали в пансион Лафиссель. Мальчик был не простой, малообщительный, вспыльчивый, с приступами дурного настроения.

*Сюзанна
Валадон.
Портрет
Мориса
Утрилло*

После долгих и трудных лет нужды и самых разных отношений с самыми разными людьми Сюзанне улыбнулась удача — в нее влюбился почтенный коммерсант Поль Муссис. Более того — он предложил ей руку и сердце! Практичная Сюзанна, конечно же, согласилась. Тем более что муж позволял ей общаться с ее друзьями-художниками и не мешал заниматься живописью.

Все вроде складывалось хорошо. Ее муж — богат и удачлив, он поза-

ботился о том, чтобы Морис учился в хорошем колледже, позже пытался найти ему приличную работу, настоял на его лечении в хороших клиниках. Только вот никак не хотел усыновить Мориса. И тогда его приятель, а также друг Сюзанны, журналист, художник, архитектор и просто очень добрый человек Мигель Утрилло, дал мальчику свое имя. Конечно, это был только жест, хотя и вполне благородный. Сам Морис Утрилло впоследствии говорил: «Еще в дет-

стве меня усыновил испанский журналист Мигель Утрилло, который платонически обожал мою мать, но никогда этот человек ничего для меня не делал. Это мама остается для меня всем, а я ведь далеко не всегда был послушным сыном».

Позже Мориса отправили в парижский колледж Роллена, и здесь он получил определенную свободу. С большим удовольствием прогуливал уроки, заходил со своими приятелями в бистро, где тратил карманные деньги, которые ему давала мать на завтраки, и пристрастился к алкоголю, который стал его настоящим наваждением. Он экономил деньги ради лишнего бокала вина, обманывал близких. Правда, отметки его оставались вполне сносными, и, наверное, поэтому мать не очень-то допекала его своим вниманием. Но однажды Морис, напившись, устроил в колледже настоящий дебош, и его тут же исключили. Отчим определил его на работу, но Морис все равно продолжал пить, не переставая, и тогда решено было просто держать его дома. Так прошло два года, но Морис не утихомиривался, и его пришлось поместить в больницу — в клинику св. Анны под попечение доктора Валлона. Прошло несколько месяцев, но лечение не помогало — Морис оставался совершенно безучастным ко всему. Тогда мать, по совету врача, предложила ему заняться живописью — просто, чтобы отвлечься от дурных мыслей. Сначала он сопротивлялся, но Сюзанна проявила присущее ей упорство, и Морис начал писать.

Это был блестящий дебют. Он бродил по узким живописным улочкам Монмартра, думал о своей жизни, об искусстве, и вдруг понял, что теперь все его существование неразрывно связано с красками и холстом. Подавляя в себе порочную страсть, он писал Монмартр — узкие улочки, уютные кабачки, мелкие лавки... Результат оказался поразительным — доктор Валлон объявил, наконец, своего пациента полностью выздоровевшим!

Париж начала XX века... Удивительное время, полное романтики и предчувствия гениальных свершений. Постепенно уходили в ореоле славы и успеха из жизни и из искусства импрессионисты, а в нетопленных холодных мастерских Монмартра и Монпарнаса зрели новые таланты, молодые, дерзкие... На Монмартре все знали невзрачный деревянный домик, получивший название «Бато-Лавуар» — «Плавучая прачечная». Здесь жили и работали художники Пикассо, Хуан Грис, Ван Донген, поэты Макс Жакоб, Андре Сальмон. Обычно все собирались в мастерской недавно приехавшего из Испании Пикассо, где царила хорошенькая подружка Пабло — Фернанда. Утрилло на этих сборищах появлялся редко — он был сам по себе.

Как-то судьба свела его с молодым, веселым и талантливym художником Андре Уттером. Он привел молодого человека домой и представил матери. 23-летний электрик и художник-любитель, Уттер был беден, но остроумен и так хорош собой, что произвел сильное впечат-

ление на Сюзанну. Сначала он позировал для ее картины «Адам и Ева», а потом стал ее любовником. 44-летняя Сюзанна в итоге оставила своего респектабельного супруга и вышла за Андре замуж. Уттер, возможно, в ущерб своему собственному творчеству, взял на себя все хозяйственные заботы в этом артистическом семействе.

А Морис тем временем завел тесную дружбу с Модильяни, и тот потащил его к своему приятелю. Утрилло тут же написал для него несколько картин, за которые получил вполне достойные наличные, и от восторга напился. Наутро они с Модди наперегонки расписывали стены своей любимой закуской, а затем пошли в «Клозери де Лиля», где их, конечно же, отказались обслуживать. Тогда они составили со столов кувшины вина и опустошили их. Начался грандиозный скандал, прибежали ажаны. Модильяни, хорошо знавший эти места, удрал, а Утрилло, отчаянно сопротивлявшегося, схватили и, как буйно помешанного, привели в специальный приемник. После допроса он смог известить мать, но было уже поздно — его снова отправили в больницу.

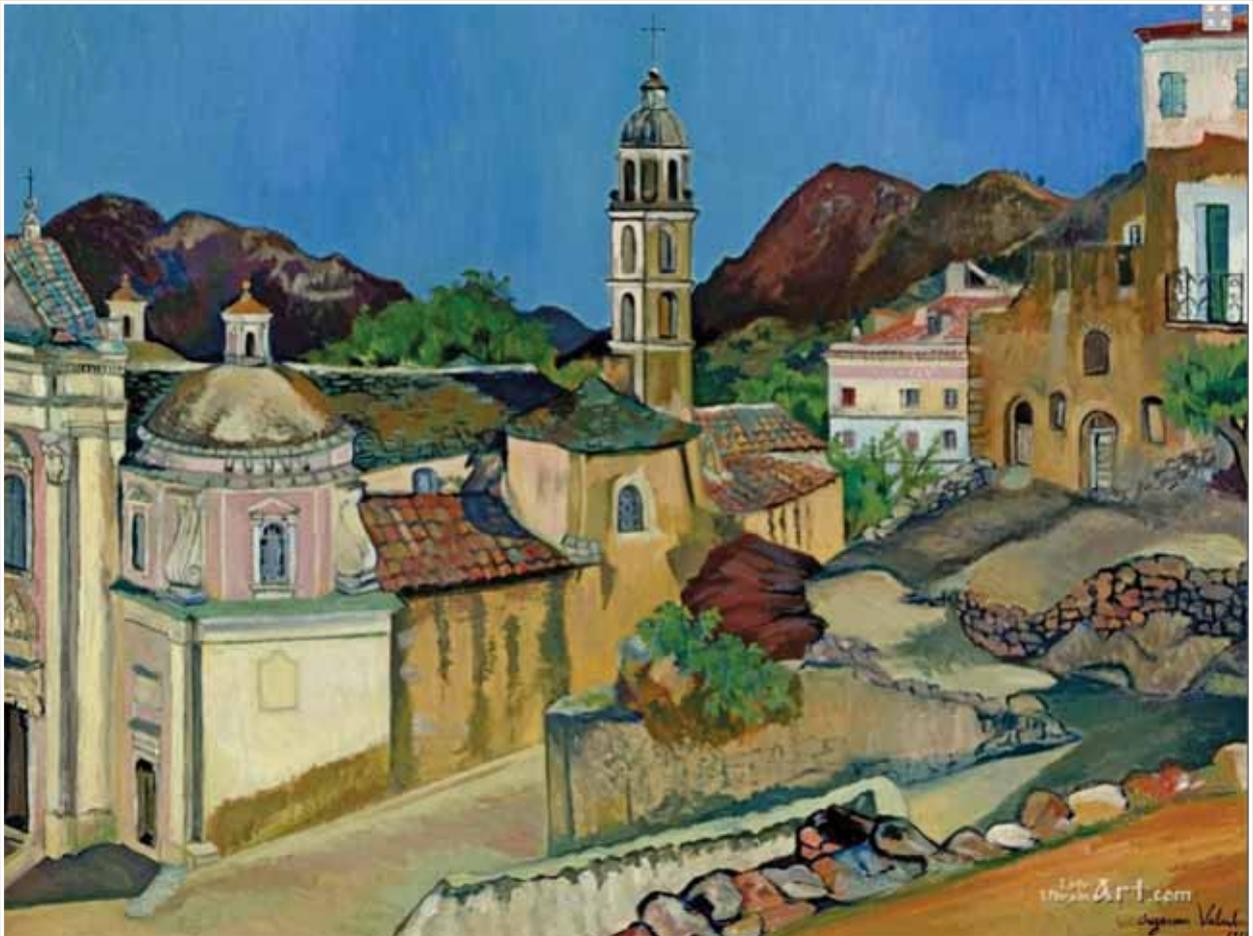
Уже после войны его под свое попечение взял Леопольд Зборовский, торговец книгами и картинами, который помогал и Модильяни. Зборовский выдавал Утрилло несколько сотен франков в месяц. И Морис работал.

В феврале 1919 года он получил за полотно «Розовый дом. Улица Абревуар» тысячу франков. С тех

пор цены на его картины стали расти. Хозяева монмартских баров и бистро торопились выгодно сбыть свои коллекции и продавали скопившиеся у них «утрилло» за очень хорошие деньги. И лишь сам художник находился вне этого безумного ажиотажа, по-прежнему отказывался принимать покупателей и развлекался, как мог. А мать, его преданная мать, ставила на окно решетку, чтобы он, не дай бог, не выпал из него или не сбежал из дома. Иногда ему это все-таки удавалось, но потом он снова возвращался домой — пьяный, грязный, никого не узнающий, ломился в дверь, все круша на своем пути. А когда силы оставляли Мориса, мать безропотно раздевала его и укладывала на кровать. Эта женщина делала для сына все возможное и невозможное, он жил только благодаря ей.

Несмотря на все эти выверты, в Париже, наконец, открылась его первая персональная выставка. Затем выставки прошли в других городах Франции и за границей.

На «Осеннем салоне» парижане увидели «Собор в Мулене». Успех этой картины был огромен, критики писали, что Утрилло — великий художник, от которого следует ждать больших творческих свершений. После двадцати лет тяжелой работы, пьянства, безумных дебошей, нужды, болезней и творческих озарений — наконец-то пришли настоящий успех и признание. Конечно, без матери, без замечательной Сюзанны Валадон, мужественной, преданной, лучше всех понимавшей, что ее сын наделен огромным да-

Сюзанна Валадон. «Церковь на Корсике»

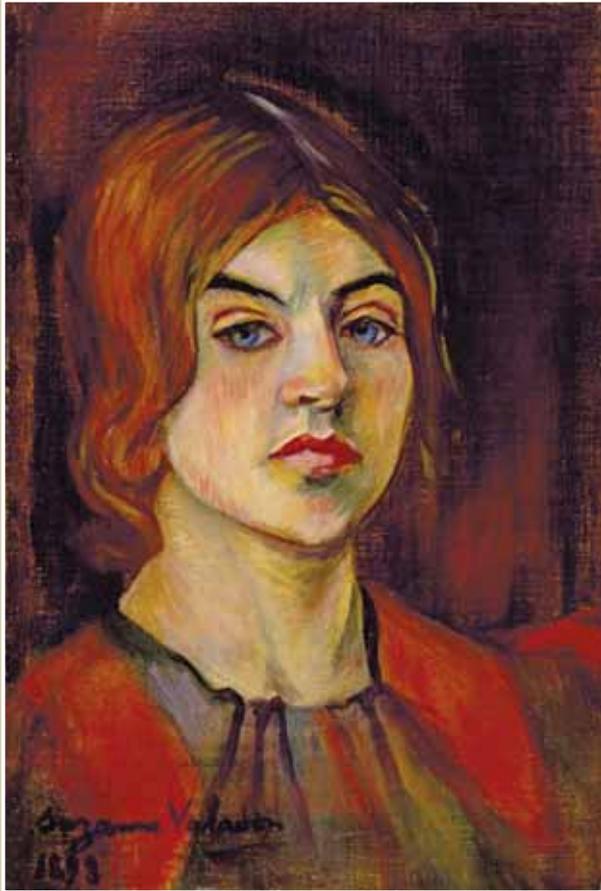
ром, Утрилло бы погиб, как погибли его друг Модильяни и многие другие талантливые обитатели Монмартра и Монпарнаса, которых убили нищета, алкоголь и слепота публики.

Сюзанна понимала, что ее сын как художник намного превосходит ее, хотя и ее картины пользовались успехом. Но она не переставала работать, и ее кисть рождала замечательные портреты, пейзажи, натюрморты. И всегда в ее полотнах чувствовалось мастерство, сильная линия, мощный мазок.

Между тем выставки ее сына проходили повсюду — в Лионе, Манхейме, Брюсселе. Все охотились за его картинами и осаждали Сюзанну, ко-

торая бережно хранила картины сына в специальном, ставшем легендарным, шкафу. Порой она сдавалась и продавала их назойливым маршанам. То и дело коллекционеры живописи с восторгом рассказывали, как стали обладателями «утрилло» из шкафа».

Сюзанна Валадон обладала сложным характером. Она часто поддавалась взрывам своего бурного дьявольского темперамента, становилась совершенно несносной, но неумной ее назвать было нельзя. И она прекрасно понимала, что без нее, без ее заботы ее гениальный сын погибнет. Чувствуя, что силы ее угасают, она решила его же-

Автопортрет

нить. В 1935 году состоялась свадьба Мориса Утрилло и Люси Пауэлс, немолодой вдовы финансиста Роббера Пауэлса, большого любителя искусства, часто покупавшего для своей галереи работы членов всего семейства Валадон — картины самой Сюзанны, ее мужа Уттера и Мориса. Они познакомились еще в 1919 году. Люси, натура весьма артистическая, устраивала в своем доме музыкальные вечера и всегда приглашала на них любимых художников. Шли годы, Пауэлса постигли финансовые неудачи, которые он не смог пережить. Он тяжело заболел и вскоре умер. Для Люси смерть мужа была шоком. Утрилло, работавший в Сен-Бернар, слал ей письма,

стараясь как-то поддержать старую приятельницу.

Прошло два года. И вот однажды к ней домой приехал шофер Сюзанны Валадон, который сообщил, что его хозяйке очень плохо, она в клинике в Нейи и очень хочет поговорить с Люси. Конечно, она тут же села в машину и отправилась к подруге. И там, в больничной палате, Сюзанна дала понять ей, что была бы безмерно счастлива, если бы она вышла замуж за ее сына.

Вскоре свадьба состоялась. Супруги поселились в усадьбе Люси, в 450 километрах от Парижа, на берегу реки Шаранты. Люси оборудовала мастерскую для Мориса, окружила его покоем и заботой. Позже они устроились в Везине, тихом, утопающем в зелени пригороде Парижа. Здесь был чистый воздух, спокойная обстановка, никаких торговцев картинами, так одолевавших их всюду, а главное, никаких кабаре и ресторанов, так что Морису становилось все лучше и лучше, и супруги жили душа в душу.

6 апреля 1938 года в доме Утрилло зазвонил телефон. Это был врач Валадон. У мадам кровоизлияние в мозг, сказал он. К этому времени Уттер уже жил отдельно от Сюзанны, их отношения давно разладились, он не выдержал ее характера, ее раздражительности и нетерпимости. Однако Уттер приезжал к бывшей супруге почти каждый день — поведать, поболтать. Они все-таки оставались очень близкими людьми.

Когда Люси появилась в палате Сюзанны, та была уже очень плоха

За работой

и не могла говорить. «Она пристально посмотрела мне в глаза, как бы желая сказать: «Береги его!» Затем наступила кома», — вспоминала Люси.

В тот же день Сюзанна Валадон скончалась. Ее похоронили на парижском кладбище Сент-Уан. За гробом шли ее друзья, среди них — Андре Дерен, Пабло Пикассо и Жорж Брак. У нее всегда было много друзей, и многим она помогала, как только в ее кармане оказывались какие-то деньги. Незадолго до смерти, в день своего дня рождения семидесятилетней Валадон провозгласила тост за любовь —

это слово было для нее главным в жизни. В нем было все — и мужчины, которых она любила, и ее замечательный сын, и ее искусство. Для Мориса уход матери стал страшным ударом. У него начался острый приступ, и он даже не смог проводить Сюзанну в последний путь.

Он пережил мать на 17 лет. Певец парижских улочек Морис Утрилло умер 5 ноября 1955 года в курортном городке Дакс, а похоронили художника на кладбище Сен-Венсан, на его любимом Монмартре. Там, где рождался талант его матери, там, где она любила и была любима великими художниками Франции. □

Дмитрий Вдовин — российский оперный деятель и вокальный педагог, заслуженный деятель искусств, профессор Академии хорового искусства. Художественный руководитель Молодежной оперной программы Большого театра России.

В ДМИТРИЙ ВДОВИН:

«Сегодня театрам нужны молодые певцы»

— Дмитрий Юрьевич, с 2009 года вы руководите Молодежной оперной программой Большого театра, расскажите, пожалуйста, как все начиналось, и были ли подобные программы раньше в нашей стране?

— В начале двадцатого века Константин Сергеевич Станиславский создал свою знаменитую студию при Большом театре, правда, она просуществовала недолго. Периодически существовала стажерская группа. В начале 1970-х Анатолий Иванович

Орфенов — видный оперный певец и педагог, вновь организовал в Большом театре стажерскую группу. При этом он заведовал всей оперной труппой Большого. Это были годы, когда театр Ла Скала стал гастролировать в Москве, а Большой в ответ гастролировал в Милане, когда в театр пришли будущие звезды Образцова, Мазурок, Нестеренко, Касрашвили, Атлантов, Синявская... Орфенов очень поддерживал молодых певцов, болел за них. При театре Ла Скала существовала Академия усовершенствования молодых певцов, в 60-х-80-х годах там стажировались молодые певцы из СССР: Милашкина, Богачева, Синявская, Магомаев, Бурчуладзе, Григорян...

В 1998 году была создана Академия молодых певцов Мариинского театра в Санкт-Петербурге. У нас с ними общие цели, но весьма разные подходы.

У меня давно была мечта создать молодежную программу в Москве, поскольку я работал в аналогичных программах на Западе и знал, как это функционирует. Анатолий Геннадьевич Иксанов, бывший генеральный директор Большого театра, пригласил нас прийти в театр со свежими идеями, среди которых был проект Молодежной оперной программы, поскольку уровень подготовки молодых певцов в нашей стране болезненно не соответствует требованиям современного оперного театра. Должен сказать, что Большой театр очень индивидуален, и мы должны

были создать для него особую концепцию деятельности Молодежной программы.

Повторяю, на мой взгляд, наша вузовская система несовершенна и очень архаична. Студенты порой не имеют никакого представления о том, что такое работа в современном оперном театре. Это касается как певцов, так и пианистов.

Молодежная программа призвана восполнить этот разрыв между уровнем подготовки в вузе и актуальными требованиями сцены. В этом и есть отличие от бывшей стажерской группы театра, то есть наша задача — поиск, отбор и усовершенствование певцов и пианистов. Вот для этого и была создана программа. Мы существуем уже шесть с половиной лет. Наш день рождения — 19 октября 2009 года, счастливо совпавший с памятным Лицейским днем.

Мне как педагогу эта работа интересна, потому что она дает возможность работать с чрезвычайно одаренными людьми. Мы ездим по странам бывшего СССР, это и Беларусь, и Молдова, и Грузия, и Армения, и, прежде всего, Россия, и отбираем молодых певцов. Прослушиваем порой до пятисот человек, и бывает весьма непросто сделать правильный выбор. За три тура прослушиваний вполне можно оценить вокальные и сценические достоинства певца, но понять, насколько он упорен в работе, трудолюбив, вдумчив, быстро схватывает, — непросто. Бывает так, что вокалист обладает

отличным голосом, сценической внешностью, но уже позже выясняется, что у него проблемы с памятью, с нервной системой, что он недостаточно музыкален...

Наша программа дает уникальную возможность овладеть культурой и техникой вокала, сценическими навыками под руководством компетентных педагогов, посещать мастер-классы выдающихся певцов, музыкантов, режиссеров.

Сегодня театрам нужны молодые певцы, чей облик и возраст должен соответствовать сценическим персонажам исполняемой оперы. Джульетта, Джильда, Наташа Ростова — это образы молодых девушек и сей-

час невозможно представить в этих ролях матрон, которые появлялись в этих ролях еще несколько десятилетий назад.

— Вы готовите не только вокалистов, но и пианистов-репетиторов?

— Да, эти люди — сердце театра. От них будет зависеть качество подготовки артистов к постановочному периоду, к вводам в спектакли... Пианист-концертмейстер — очень сложная профессия. Она включает в себя помимо пианистического мастерства знание репертуара, умение работать с вокалистами в классе, с дирижером на репетициях, знание

оперных языков... Вырастить поколение пианистов-репетиторов — огромная и важная задача. От них будет зависеть завтрашний день театра.

— Кто из выпускников Молодежной оперной программы сегодня особенно известен?

— Венера Гимадиева, Ольга Кульчинская, Андрей Жилиховский, Нина Минасян, Богдан Волков, Кристина Мхитарян, Константин Шушаков, Павел Колгатин, Оксана Волкова, Алексей Лавров, Григорий Шкарупа... пусть не обижаются те, кого я не назвал. Можно уверенно сказать, что это целое поколение, которое утвердилось на сценах луч-

ших театров мира — прежде всего, нашего, а далее — театр Метрополитен, Ла Скала, Парижская опера, оперы Вены, Берлина, Гамбурга, Неаполя, Венеции, Хьюстона, Осло, Копенгагена. Иногда я не успеваю следить за их перемещениями.

— Дмитрий Юрьевич, у вас есть любимые ученики?

— Конечно. Но называть их не буду. Бывают отношения очень теплые, бывают чисто профессиональные, но случаются и конфликты. Тем не менее, одаренным, талантливым я готов многое простить. Люди все разные, и это нормально.

Зал нашего театра огромен, и не каждый артист может наполнить его голосом и эмоциями. С некоторыми учениками мы расстаемся, поскольку не все соответствуют нашим требованиям. Но и те, кто покидает программу, все равно остаются в профессии, занимают свое место.

— В Большом театре состоялась премьера оперы «Каменный гость» на музыку Александра Даргомыжского, из цикла А.С.Пушкина «Маленькие трагедии», дирижер-постановщик Антон Гришанин, режиссер — Дмитрий Белянушкин. В советское время эта опера шла с большим успехом... Есть и фильм-опера 1967 года. Поклонники оперного искусства старших поколений с восторгом вспоминают

Дон-Жуана — Владимира Атлантова, Лепорелло — Александра Ведерникова, Лауру — Тамару Синявскую, Донну Анну — Галину Калинину... Кто из артистов Молодежной оперной программы занят в этой постановке?

— Наши выпускники: Сергей Радченко, Юлия Мазурова, Оксана Волкова, артисты нашей программы: Арсений Яковлев, Павел Валужин, Александр Рославец, Годердзи Джанелидзе и многие другие.

Прошла премьера оперы Дмитрия Шостаковича — «Катерина Измайлова», дирижер-постановщик — Туган Сохиев, режиссер — Римас Туминас. Артисты нашей программы также заняты в этой постановке. «Катерину Измайлову» впервые поставили в Большом театре еще в 1935 году, в 1980-х годах она шла

в театре во второй редакции, которая и была выбрана для постановки сегодня.

— В Молодежной оперной программе вокалисты изучают иностранные языки?

— Один из важных признаков интеллигентности человека — это знание иностранных языков, так сказал кто-то из великих... В Молодежную программу мы пригласили на постоянной основе хороших педагогов по английскому и итальянскому языкам, есть инструкторы по французской и немецкой вокальной дикции, кроме этого, языковым аспектом пения занимаются многие приглашенные мастера.

Я считаю, что изучение языков необходимо для расширения кругозора, для уверенности в себе, для вос-

питания чувства собственного достоинства, а для нашей профессии, которая связана с пением на языке оригинала, эти знания жизненно необходимы.

Вызубрить текст без его глубокого понимания певцу недостаточно. Чтобы быть большим артистом, нужно говорить на иностранном языке, понимать его тонкости, психологические подтексты... Иначе ты никогда не будешь певцом высокого уровня. Я воспитывался в СССР, и в те годы, когда впервые стал выезжать за рубеж, испытывал чувство неловкости оттого, что не знаю язык достаточно хорошо. Начал изучать языки, в результате говорю по-английски и по-итальянски. Изучал грамматику и фонетические аспекты французского. Без знания языка человек чувствует себя в чужой языко-

вой среде беспомощным, несчастным и очень обидчивым. Это никому ненужные комплексы, мешающие жить и полноценно работать.

— Творческий человек должен быть решительным?

— Нет ничего хуже пугливой осторожности, когда в результате ничего не происходит. В нашей студии ребята повесили плакат с моей вырвавшейся на уроке фразой: «Если бояться, как бы чего не вышло, так ничего и не выйдет!»

— Какой сегодня вы находите публику Большого театра?

— У нас публика достаточно компетентная, интеллигентная. Я пришел в Большой театр в 1979 году, учась на первом курсе ГИТИСа, и был практикантом в Большом театре в тече-

ние многих лет. Иногда скучаю по атмосфере того времени, когда при входе в театр, в первом фойе, был своего рода театральный клуб. Зрители там собирались в антрактах, много курили, спорили, все происходящее в театре бурно обсуждалось, кипели страсти. Клакеры раньше в театре ярко выражали свои эмоции — кричали, свистели, кидали порой веники вместо букетов, у них были свои любимчики и нелюбимчики. ...Сейчас в театрах этого почти нет. Оперный фанатизм умирает. После спектакля на служебном входе редко кто из зрителей ждет артиста, чтобы взять автограф на память.

— Есть ли места в мире, куда бы вам хотелось вернуться еще?

— В Аргентину, в Буэнос-Айрес, в оперный театр «Колон»... Прекрас-

ный театр, огромный, в полтора раза больше нашего, театр с традициями. Там выступали Шаляпин, Карузо, Гобби, Дель Монако, Тебальди, дирижировали Тосканини, Клайбер... В начале века гастролировала труппа Дягилева... Когда-то значительное место в репертуаре театра занимала русская классика: «Борис Годунов». «Евгений Онегин», «Пиковая дама»... Аргентина — первая страна, куда я выехал за рубеж. Тогда я работал в Союзе театральных деятелей СССР. В театре Колон ставили «Иоланту» — наш совместный с аргентинцами оперный спектакль. Запомнилась замечательная, эмоциональная публика. Когда Иоланта сорвала с себя повязку и увидела свет, то зал и аплодировал, и плакал. Вот это уровень вовлечения зрителя в происходящее на сцене! А после

представления сотни людей ждали артистов у служебного входа.

— Какие люди вам нравятся?

— Талантливые и интеллигентные одновременно! Интеллигентность — такое хорошее слово, такое глубокое понятие, оно столько вмещает в себя...

Я благодарен администрации Большого театра за внимание и поддержку нашей Программы, и поверьте, это не просто слова лояльности. Я всегда глубоко благодарен тем, кто поддерживает таланты, особенно молодые.

Несмотря на всю специфику и сложности театральной жизни, в Большом театре наших ребят любят, надеюсь, они чувствуют и ценят это. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Алла Зубкова

Подруга ВЕЛИКОГО ПЕТРА

Судьба этой женщины столь необычайна и фантастична, что может служить сюжетом самой удивительной сказки из «Тысячи и одной ночи».

Неграмотная служанка и прачка, происхождение которой так до сих пор точно и не выяснено историками, делается сначала фавориткой и метрессой Великого Петра, а затем его женой. Ради нее он изменяет Устав о наследовании престола. Екатерина становится коронованной императрицей, а после смерти Петра — первой женщиной правительницей на троне. Этот прецедент predetermined ход истории России почти до самого конца XVIII столетия, который был веком правления женщин. Без Екатерины I вряд ли возможно было царствование Елизаветы I, а затем и Екатерины II.

Петр души не чаял в «сердешненьком друге Катеринушке». Она, казалось, тоже искренне его любила. Однако пути Господни неисповедимы. Супружеская идиллия этой пары была нарушена за три месяца до смерти Петра, когда он узнал, что жена изменила ему с одним из придворных. Имя этого человека было Вилим Монс. Шутка судьбы или воздаяние за прошлые грехи? Ведь Вилим Монс был родным братом Анны Монс, многолетней любовницы самого Петра. Ее-то как раз и сменила Екатерина. Вилим поплатился за эту связь головой, а Екатерина стала российской самодержицей.

А начиналось все так...

В августе 1702 года в ходе военных действий в Ливонии шведы сдали русским войскам небольшую крепость Мариенбург (теперь Алуksне). В официальных сводках перечислялись захваченные трофеи, в том числе 51 пушка и 26 знамен. Однако, как оказалось, самый значительный «трофей» этой военной операции там упомянут не был. И в самом деле, кто бы мог предположить, что молоденькой служанке местного пастора, попавшей в плен в числе нескольких сот жителей городка, суждено было войти в историю государства Российского под именем императрицы Екатерины I.

Место ее рождения точно неизвестно. Полагают, что она появилась на свет либо в окрестностях Риги, либо неподалеку от города Дерпта. Братья и сестры будущей импера-

трицы, которых ей удалось позднее разыскать, носили фамилию Скавронские. Скорее всего, они были уроженцами Польши или Литвы, простыми крестьянами, бежавшими от гнета крепостного права в поисках лучшей доли. Марта, так звали будущую подругу великого царя, по одной версии, была дочерью рано умерших родителей-крестьян, по другой — плодом кратковременной любовной связи лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Достоверным является лишь факт, что рано осиротевшая девочка воспитывалась в семье пастора по фамилии Глюк. Марта росла в приютившей ее семье, помогая по хозяйству и приглядывая за детьми. Она учила катехизис, но грамоты не знала. Кстати, она так никогда и не овладела этой премудростью, хотя впоследствии научилась довольно лихо ставить свою подпись под государственными бумагами.

Марте исполнилось семнадцать, когда пастор выдал ее замуж за шведского драгуна Иогана Раабе. Это случилось как раз накануне начала осады Мариенбурга русскими войсками. Драгуна во время брачного пира срочно вызвали в Ригу, и он навсегда исчез из жизни Марты. Впрочем, некоторые источники утверждают, что, уже став императрицей, Екатерина нашла его и назначила ему пенсию.

Как бы то ни было, но в плен девушка попала вместе с семьей пастора. Далее, однако, их пути разошлись.

Молоденькая пышнотелая красotka, разумеется, не могла не привлечь внимания победителей. Сначала Марта попала к полковнику Боуру. Затем ее заметил и взял в свой дом сам главнокомандующий фельдмаршал Шереметев. Как Марта попала к Меншикову, опять-таки точно неизвестно. На этот счет существует несколько противоречащих друг другу свидетельств современников. Скорее всего, Александр Данилыч сначала взял ее на службу в качестве прачки. Уже много лет спустя, в одном из писем Петру она сама косвенно подтверждала это в свойственной ей шутиливой манере: «Хоть

у вас есть, конечно, другие прачки, но и старая вас не забывает».

Естественно, обстирывая Данилыча, большого любителя прекрасного пола, Марте приходилось выполнять и более приятные обязанности. У Меншикова ее и увидел Петр. Произошло это в 1703 году. Говорят, что за первую ночь с Петром Марта получила от него золотой дукат. Впрочем, отныне Мартой ее уже никто не называл. Теперь она — Катерина. В своей переписке Петр и Меншиков именовали ее Катериной Василевской. У Меншикова были свои основания желать сближения Екатерины с Петром. У Александра

Данилыча не сложились отношения с многолетней фавориткой Петра Анной Монс. Екатерина же никогда не забывала, что именно благодаря Меншикову она смогла занять место подле Петра.

Но прежде, чем продолжить рассказ, необходимо хотя бы очень кратко сказать о двух женщинах, которые сыграли немаловажную роль в жизни царя.

ка престола царевича Алексея? Ее судьба сложилась гораздо более драматично. Она провела в суздальском монастыре целых двадцать лет, полных унижений и страданий. Бывшей царице, однако, суждено было еще раз познать счастье любви. Правда, ей и ее возлюбленному пришлось заплатить за это чувство дорогую цену.

Майор Глебов, посланный в Суздаль для рекрутского набора, был

В августе 1702 года в ходе военных действий в Ливонии шведы сдали русским войскам крепость Мариенбург. В официальных сводках перечислялись захваченные трофеи, но самый значительный «трофей» в них упомянут не был. И в самом деле, кто бы мог предположить, что молоденькой служанке местного пастора, попавшей в плен к русским, суждено было войти в историю государства Российского под именем императрицы Екатерины I

После возвращения из своей поездки по Европе в августе 1698 года Петр возобновил свою связь с красавицей из Немецкой слободы Анной Монс. И почти сразу же сослал свою жену царицу Евдокию в Покровский девичий монастырь в Суздале.

Фавор Анны Монс длился до 1703 года. Именно тогда Петр узнал о ее неверности. Она, как оказалось, изменяла ему с саксонским посланником Кенигсеком. Анне повезло — ей была сохранена жизнь. Итог своих отношений с Анной Монс Петр подвел фразой: «Чтобы любить царя, надобно иметь царя в голове». Ну а что же царица Евдокия, мать наследни-

поражен бедственным положением бывшей царицы, которая замерзала в своей келье. Он послал ей меха и в ответ получил письмо, полное трогательной благодарности. Глебов явился к ней лично, дабы засвидетельствовать свое почтение. Потом пришел еще раз, и еще — в конце концов, между ними вспыхнула любовь. Об этой связи царю стало известно, в общем-то, случайно. После казни царевича Алексея у Петра зародилось подозрение, что сын встал на путь мятежа под влиянием матери. Следствие не обнаружило причастности Евдокии к деяниям сына, зато обнаружило любовную связь

между нею и Глебовым. В качестве орудия казни Петр избрал для Глебова кол. Стояли трескучие морозы. Чтобы продлить муки несчастного майора, на него надели шубу, меховые сапоги и шапку. Посаженный на кол в три часа пополудни, Глебов скончался лишь в половине восьмого вечера следующего дня. Евдокии царь сохранил жизнь, однако местом ее заточения стал более уединенный монастырь на берегу Ладожского озера. Был ужесточен и надзор за нею.

В то время Петр только-только приблизил к себе Екатерину. Анна Монс находилась тогда в опале, так что место официальной фаворитки оставалось вакантным.

Не следует, однако, думать, что Екатерина сразу же заняла это высокое положение, равно как и особое место в сердце Петра. Тем не менее, он постепенно стал к ней привязываться, и ее влияние на царя все больше усиливалось. Кстати, примерно в это время Екатерина приняла православие. Отчество Алексеевна она получила при обряде крещения в честь своего «крестного отца» царевича Алексея. В декабре 1706 года ее связь с Петром еще более укрепилась благодаря рождению дочери, тоже Екатерины (она умерла в младенчестве).

Петр уже начал подумывать о будущем своей возлюбленной. В январе 1708 года, в самый разгар войны со шведами, он написал Меншикову: «Ежели что мне случится волею божьей, тогда три тысячи рублей, ко-

торые ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Екатерине Василевской с девочкою (дочерью Екатерины)». Постоянные отлучки царя вынуждали его вести регулярную переписку со становившейся ему все более дорогой женщиной. В первые годы своей связи Петр в письмах попросту называл Екатерину «маткой». Позднее это несколько грубоватое обращение сменилось гораздо более ласковым — «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» Спустя некоторое время влюбленный супруг приветствовал свою «половину» так — «Катеринушка, друг мой сердешненький, здравствуй!»

Чем же «сердешненький друг» околдовала сурового царя? Так ли уж была красива Екатерина? Прижизненные портреты будущей императрицы не могут дать однозначного ответа на этот вопрос. Многие из них, несомненно, приукрашивают подругу великого Петра. Описания современников также сильно разнятся, в зависимости от того, питал тот или иной автор симпатию или антипатию к этой незаурядной женщине. Нельзя сказать, что черты Екатерины отличались изысканной красотой или классической правильностью. У нее были очень полные щеки, вздернутый нос. К тому же она была чересчур смугла, а так как каноны красоты XVIII века требовали молочно-белой кожи, ей приходилось в изобилии употреблять белила и румяна. Она красила в черный цвет белокурые от природы волосы, что-

*Первая жена Петра —
Евдокия Лопухина*

Анна Монс

бы оттенить свой великолепный цвет лица. Екатерина запрещала придворным дамам подражать ее туалетам. Она превосходно танцевала и, несмотря на полноту, с неподражаемой легкостью выделявала самые сложные па. В ее бархатных, томных, то горящих огнем, глазах было столько жгучей страсти, что чувство к ней Петра вполне понятно. И все-таки неправ будет тот, кто попытается объяснить влияние Екатерины на царя лишь ее физической привлекательностью.

Эта женщина, лишенная какого бы то ни было образования и воспитания, была наделена удивительно тонким природным тактом. Она до такой степени умела являть перед мужем горе к его горю, радость к его радости и вообще интерес к его де-

лам и начинаниям, что Петр всегда делился с нею своими заботами и сомнениями. В ее ответах царю, писанных с ее слов секретарем, напрасно искать практических советов или ее личного мнения по тем или иным вопросам. Да Петр и не ждал их от «сердешненького друга». Ему достаточно было видеть с ее стороны сочувствие к его стремлениям и деяниям. И это сочувствие, обличенное в полушутливую-полусерьезную форму, он неизменно находил во всех ее письмах.

Послания Петра к «Катеринушке» полны извещений о посылаемых ей подарках и гостинцах. Они не всегда были особенно ценны, но зато являли постоянную любовь и внимание царя к своей подруге. То это «материя да кольцо», то «часы новой мо-

ды, в которых были для пыли внутри стекла» (то есть стекло предохраняло циферблат от пыли), да еще извинение, что «больше за скоростью достать не мог, ибо в Дрездене только один день был». В другой раз — «устерсы, сколько мог сыскать», да бутылка венгерского с просьбой «для Бога не печалиться, а на здоровье пить. А уж мы про ваше здоровье пили», — добавлял царь.

Решительно изгнав из памяти образ злополучной первой супруги, а за ней и первой метрессы, Петр как зеницу ока хранил вторую и более счастливую фаворитку. Суровый деспот, человек с железным характером, спокойно смотревший на истязания на дыбе, а затем смерть собственного сына, Петр в своем отношении к Екатерине был совершенно неизнаваем: письмо за письмом по-

сылались к ней, одно другого нежнее, и каждое наполнено любовью и заботой.

Екатерина тоже выказывала свою любовь царю, постоянно посылая ему маленькие подарки — фрукты, домашние лакомства, теплую одежду. Чаще же всего она отправляла наиболее приятные для него презенты — пиво, водку и вина. Количество подобных подарков распределялись Екатериной, исходя из обстоятельств. К примеру, во время пребывания государя на минеральных водах, он получал презент всего «в одну бутылочку». «Чаю, что дух пророческий в тебе есть, — благодарил Петр за один из таких презентов, — что только одну бутылочку прислала, ибо более одной рюмки его не велят в день пить».

У Петра были собственные взгляды на отношения между мужчиной и женщиной. «Забывать службу ради женщины непростительно, — говорил он. — Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне: у неприятеля скорее может быть свобода, а у женщин оковы долговременны».

Екатерина никогда не стремилась сделать Петра своим «пленником», напротив, старалась, как могла, облегчить ему бремя забот. Именно поэтому с каждым совместно прожитым годом любовь и доверие к ней Петра возрастали. В начале 1711 года он решил узаконить свои отношения с Екатериной. Сочетаться браком с безродной пленницей, пренебрегая невестами из лучших бояр-

ских родов и европейских королевских домов было, разумеется, вызовом вековым обычаям и традициям. Петр, однако, позволял себе и не такие вызовы. 6 марта 1711 года состоялось венчание царя. Бракосочетание было совершено приватно в семь часов утра в маленькой часовне, принадлежавшей князю Меншикову. Зато днем был устроен большой прием во дворце, званый обед, бал и потешные огни.

Екатерина умела без труда приспособиться к любым поворотам судьбы. Петр не мог надивиться ее способности превращаться, как он однажды выразился, «в императрицу, не забывая, что она не родилась ею». Кроме того, своей энергией и неутомимостью она очень походила на самого царя. Без труда переносила изнурительные походы, могла жить в палатке и делать двойные и тройные переходы верхом.

С 1706 по 1723 год Екатерина родила Петру одиннадцать детей, умерших, большей частью, в младенчестве, но все эти многочисленные беременности не мешали ей сопровождать мужа в его путешествиях. Во время похода в Персию она остригла свои роскошные волосы и носила гренадерскую шапку, раздавала чарки водки солдатам и подбадривала их шутками. Еще Екатерина отличалась и незаурядной физической силой. Однажды царь велел своему денщику Бутурлину поднять на вытянутой в сторону руке большой маршальский жезл.

Тот сделать этого не смог. Тогда Петр, зная, как сильна рука у его жены, подал ей жезл через стол. Императрица привстала и с необычайной ловкостью несколько раз подняла его над столом.

Ей единственной, пожалуй, удавалось успокаивать Петра во время частых приступов гнева и раздражения, сопровождавшихся сильными головными болями. То обессиленный, то разъяренный, Петр в такие минуты казался близким к помешательству. Все в ужасе разбегались перед ним. Екатерина одна без страха подходила к мужу и заговаривала с ним ласковым, но решительным тоном. Уже сами звуки ее голоса действовали на него благотворно. Потом она брала его голову и тихонько гладила, перебирая пальцами волосы. Успокоенный, он быстро засыпал, а, проснувшись, чувствовал себя здоровым и бодрым. Ей также частенько приходилось выступать перед грозным мужем в роли заступницы за провинившихся. Зная это, Петр порой скрывал от нее назначенные им наказания. Именно благодаря вмешательству Екатерины князю Меншикову в 1722–23 годах удалось избежать плахи, на которую его чуть не отправил Петр, разгневанный злоупотреблениями и казнокрадством «светлейшего».

Однажды, желая спасти от виселицы князя Гагарина, обвиненного в казнокрадстве, Екатерина попыталась оказать давление на следователя, который вел это дело. Тот не

смог отказать императрице. Уличенный в попытке обелить подследственного, он в свое оправдание заявил, что сделал это, дабы не поссорить царицу с мужем. «Дурак! — ответил Петр. — Нас бы ты не поссорил. Я только поучил бы жену как следует, по-супружески. Ее-то я еще поучу, а тебя повешу!» Но подобные маленькие размолвки несколько не ослабляли привязанности царя к жене.

Весной 1724 года Петр решил короновать Екатерину. До этого русские царицы были только женами царей, не короновались и не имели никаких политических прав. Екатерина в качестве супруги императора носила титул императрицы, но Петр пожелал поднести ей этот титул, независимо от прав, которые предоставляли ей семейные отношения. Церемония коронования, происходившая в Кремле, отличалась невиданной пышностью. Царь самолично возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины. Корона эта, сделанная по особому заказу, превосходила своим великолепием все короны, служившие прежним царям. Она была украшена бриллиантами и жемчугом, с огромным рубином на верхушке, весила четыре фунта, и стоила полтора миллиона рублей — фантастическую по тем временам сумму.

Обряд коронования состоялся 7 мая 1724 года, а спустя всего полгода над головой императрицы сгусти-

лись грозовые тучи. Петру сообщили о любовной связи между его женой и ее камергером Вилимом Монсом. Ирония судьбы заключалась в том, что Монс, прежде служивший адъютантом у самого Петра, приходился братом Анне Монс, бывшей любовнице царя. Опала сестры не помешала карьерному росту молодого красавца. Он участвовал в Полтавской битве, выполнял различные поручения Петра. В 1716 году Вилим Иванович был принят камер-юнкером ко двору Екатерины, а вскоре назначен

поводов к этому у него как будто не было. Царь узнал об измене жены, а уже через три дня после этого Монс был арестован. Император лично допрашивал его. Если верить протоколам допроса, красавец Вилим вел себя отнюдь не героически — будучи приведен к царю, он упал в обморок. Однако во время допроса Монса имя Екатерины так и не было названо. Петр сам решительно выгораживал ее. Суровый царь не смог взять на себя роль палача любимой женщины, которой был обязан многими

После смерти Петра, поскольку он не успел оставить завещание, реальными претендентами на трон являлись Екатерина и десятилетний внук царя Петр II, причем его шансы были намного предпочтительней. Однако сторонники воцарения Екатерины оказались решительнее и расторопнее, в первую очередь — князь Меншиков, который привел ко дворцу два гвардейских полка, и Екатерина в результате стала российской императрицей

управляющим вотчинной канцелярии императрицы. На него также легли обязанности по устройству празднеств и гуляний, до которых Екатерина была великая охотница. Монс заведовал и личной казной государыни, даже общался с ее портными и портнихами по поводу заказов своей госпожи. При этом он должен был неизменно находиться при императрице на всех торжественных обедах, ассамблеях и маскарадах.

Петр был на пятнадцать лет старше жены и порой ревновал ее, хотя

счастливыми днями своей жизни. Следствие дало возможность предъявить Монсу другие обвинения в виде злоупотребления властью, казнокрадства и взяточничества. Монс был казнен 16 ноября 1724 года. Голова его была выставлена на шесте. Тело примерно неделю лежало на эшафоте, а когда помост сломали, труп выволокли догнивать на особо устроенном колесе.

Ну а что же Екатерина?

О, она проявила необычайную выдержку и внешне не выказывала

никаких признаков печали в связи с казнью фаворита. Петр, напротив, не мог скрыть душившей его ярости. Одна из фрейлин императрицы свидетельствовала: «Он имел вид такой ужасный, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охот-

ничий нож, который обычно носил у пояса... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадало под руку. Наконец, уходя, хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее».

Рассказывают также, что в присутствии Екатерины Петр ударом кулака расколол дивной красоты

венецианское зеркало. «Так поступлю я с тобой и со всеми близкими тебе!» — в ярости воскликнул он. Ничем не обнаруживая своего волнения, она возразила: «Вы уничтожили одно из украшений вашего дворца. Разве он стал привлекательнее от этого?» Утверждали, что царь якобы возил Екатерину смотреть на отрубленную голову Монса. Рассказывали также, что Петр приказал поместить голову казненного в банку со спиртом и поставить ее в покоях императрицы. Документальных подтверждений этого, впрочем, не существует.

Неизвестно, как дальше сложилась бы судьба Екатерины, проживи Петр еще хотя бы год. Многие считали гибель императрицы делом предрешенным. С этим можно и не соглашаться, неоспоримо, однако, что наследницей престола Петр ее так и не назначил, хотя прежде такие намерения у него были. Великий император скончался 27 января 1725 года. Поскольку завещания он не оставил, реальными претендентами на трон являлись Екатерина и десятилетний внук царя — Петр II, причем шансы последнего, как единственного представителя династии по мужской линии, были предпочтительнее. Однако сторонники воцарения Екатерины оказались решительнее и расторопнее. По приказу князя Меншикова, к дворцу были приведены два гвардейских полка. Когда кто-то из сенаторов предложил открыть окно, чтобы узнать во-

лю собравшейся на дворцовой площади толпы, Меншиков решительно возразил: «На дворе не лето» — и тут же ввел во дворец группу офицеров, после чего все дискуссии заглохли сами собой. Так в 6 часов утра 28 января 1725 года Екатерина стала российской императрицей.

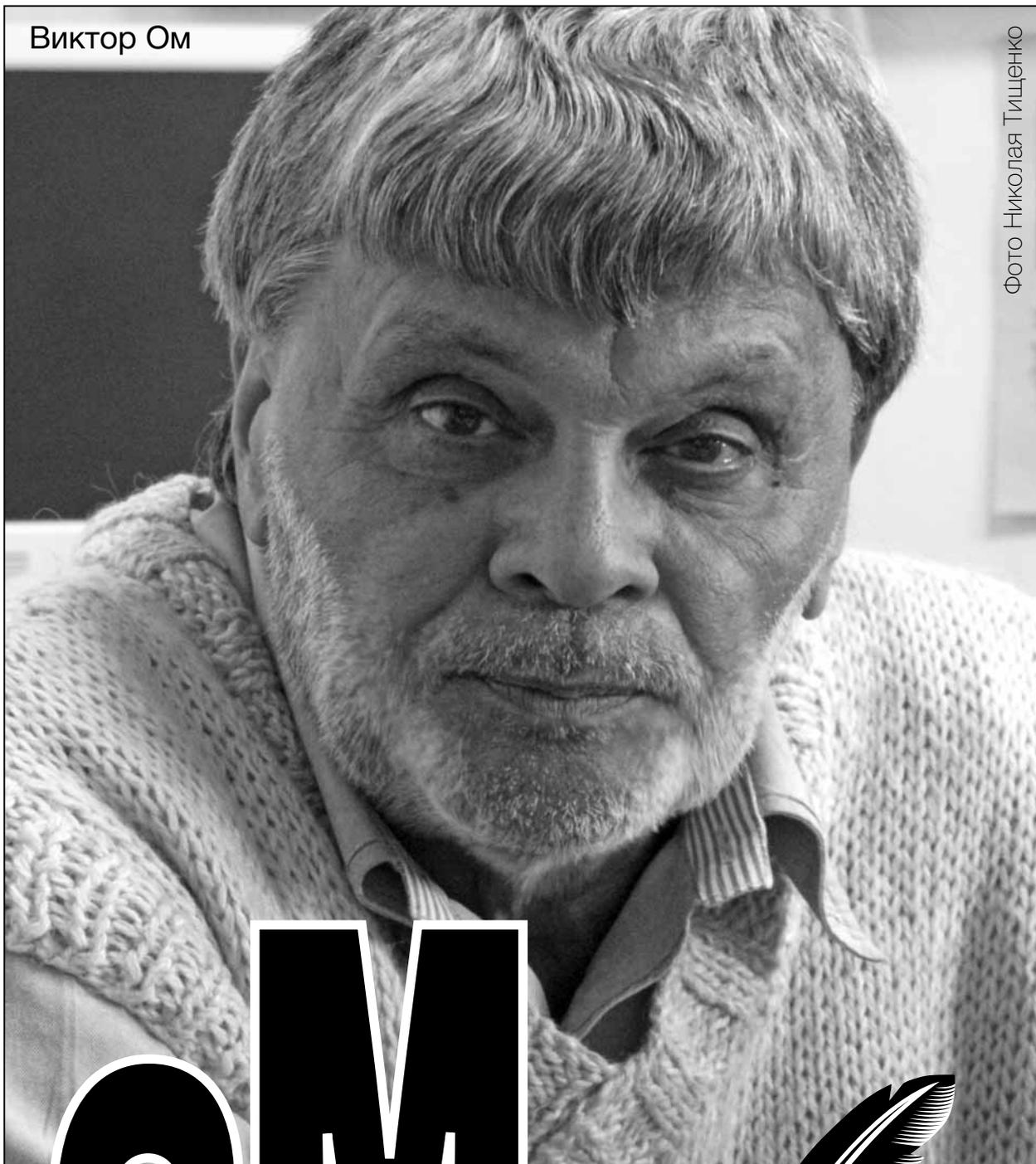
Она по-царски вознаградила князя Александра Данилыча. Во время ее правления, а продолжалось оно два года и три месяца, Меншиков приобрел почти неограниченную власть. Сама императрица не очень-то утруждала себя государственными делами, проводя время в различных увеселениях, которые отнюдь не благотворно сказывались на ее когда-то несокрушимом здоровье.

Она была добра к окружающим и нередко оказывала помощь обращающимся к ней. Разыскала своих родственников, перевезла их в Петербург, щедро наделила деньгами, титулами, поместьями. Она облегчила участь первой жены Петра Евдокии, правда, не освободив ее, а лишь переведя в Шлиссельбургскую крепость, где узницу содержали в более мягких условиях. (Евдокия, кстати, пережила ее на несколько лет.) Перед смертью Екатерина (скончалась она в мае 1727 года) подписала завещание о передаче престола внуку Петра I — Петру II.

Так закончила свой жизненный путь эта женщина, волею судьбы ставшая первой в ряду самодержавных правительниц России в бурном, но галантном XVIII веке. □

Виктор Ом

Фото Николая Тищенко

ЗМой ульф리카ров

Когда в далеких семидесятих прошлого века в киноальманахе я прочел сценарий Тимура Зульфикарова «Детство Мушфики» (по которому был снят фильм «Человек уходит за птицами»), мне вмиг припомнились далекие отроческие ощущения... Великий песнопевец проявил то, что было во мне в легкой полудреме сознания, и — пластично и красочно прорисовал... Причудливые его слова, ритмы строк и словосочетаний такого неожиданного текста... все вздохнуло дыханием живой жизни!..

Так сложилось (думаю, и это — судьбоносно!), что за год до знакомства с творчеством писателя побывал я в Средней Азии. Не как турист... После защиты диплома в художественном училище, нас, несколько человек, пригласили поработать художниками в археологической экспедиции Академии наук Таджикистана. Мы приехали в небольшой кишлак с вполне восточным названием — Шахристан, и я был пленен атмосферой поистине райского места.

Прямо у подножья горы, близ замка Ках-Каха переливчато бормотал настоящий арык! Я полюбил сидеть вечерами возле него и, замирая, смотреть на восход луны, которая медленно всплывала над кишлаком из-за гор и потом зависала на всю ночь над глиняными останками башен замка сасанидского вельможи.

Перед этим мы побывали в Ленинабаде, и мне довелось-таки услы-

шать сладостно-лиричное «тутование» горлинок и призывные, протяжные карнаи на настоящей таджикской свадьбе. А осенью начальник экспедиции, профессор Нуман Нуманович Негматов, крупный ученый-востоковед, презентовал нам поистине бесценный подарок — устроил экскурсию в Самарканд и Бухару, где мы по-настоящему окунулись в атмосферу магически-сказочного Востока!

Так что я был готов к встрече с произведениями поэта...

Случилось это во ВГИКе, куда я поступил через год. На одном курсе со мной учился Мунаввар Мансурходжаев (ныне — Председатель Союза кинематографистов Таджикистана). Как-то перед лекцией он дал мне журнал и сказал: «Вот здесь сценарий Зульфикарова — таджика... Здорово, мне нравится...выписывает картинку— готовое кино!»

Я начал читать и очнулся, по моему, только на второй день...То был сеанс настоящей магии! Захотелось жить долго и разумно, радостно и продуктивно, как было завещано мудрейшими. Стрелой пронестись над пропастью Вечности — бережно и — красиво! С тех пор моя жизнь заполнена этой тайной радостью, которую я стараюсь оберегать от прозы серой будничности...

В молодые годы я даже вообразить не мог, что смогу общаться с писателем. Но прошло время, и мне все же посчастливилось — личное

знакомство состоялось... Уже много лет общаюсь с поэтом — и дома, и на различных мероприятиях, чаще всего, на его встречах с читателями.

Запомнился «сказочный» день с Тимуром Касимовичем в Белых Столбах, где находится Госфильмофонд России. И опять зимой... снежной, чистой! Там тогда проходил 1-й кинофестиваль архивного кино. Я был счастлив, что Тимур Касимович откликнулся на мое приглашение и смог приехать... Территориально это был небольшой поселок среди царства настоящих русских берез. Не помню уже, кто кого пригласил на прогулку, но это и не важно. Мы гуляли, и все вокруг, прикрытое белым молчанием, казалось фантастической декорацией...

Тимур Касимович был спокоен и улыбчив и рассказывал о Туниче, где побывал недавно. Но время от времени мы оба замирали в полном молчании, красота и легкое волнение от чуда природы лишали нас слов...

Неожиданно перед нами возник снежный холм, из которого доносились какие-то заполoshные крики. Мы остановились, удивленно оглядываясь... И вдруг над белой гладью холма взлетел и истошно заорал во всю мощь огненно-рыжий петух! Он оторвался от крыши сарайчика, который и был под снежным валуном, и плюхнулся прямо перед нами в снег. Раскинул крылья и уставился на нас. А из-за снежных

валунов послышался крик: «Ай, ты, лихоман! Ай, хулюган, и куды ж тебя понесло?» Из-за снежного валуна вынырнула старуха — розовощекая, по пояс в снегу. На бабке был яркий цветистый платок и цигейковый зипун. Она, увидела нас и воскликнула: «Ой, рабятки, ой, спасите моего придурашного Чубайса! Он же как сбясился седни, так и норovit с сарайчика учихвоститься... Абормот!»

Тимур Касимович смеялся, а я, утонув по пояс в воздушном белоснежном мареве, подошел и схватил беспомощно лежащего петуха. Он зло кокнул и замолчал, но смотрел решительно своим изумрудно-золотистым зрачком. Я пополз к заборчику и подал бабке петуха. Она шлепнула его с такой силой, что выпало и полетело в снег оранжевое перышко, и, глядя на нас, спросила:

— Ды чьи ж вы будете? Чтой-то не припоминаю у нас таких муштин...

— Гости мы, мамаша, из Москвы! — крикнул в ответ Тимур Касимович.

— Ой, спасибочки вам, молодчики, как же вы выручили меня... ну штоб я деяла одна с энтим антихристом? А он же еще и клюв свой распускает, гаденыш... Такой боец!

— Он таким и должен быть, мамаша, он — символ жизни! Глашатай Света!

Но бабка уже пропала за снежным валуном. Мы, улыбаясь, пошли дальше, и над нами опять веяло лег-

ким ветерком белое безмолвие...

— Какой крик, а? — восторженно усмехнулся Тимур Касимович. — Вылитый Стентор!

Я промолчал, не знал, кто такой Стентор, но спрашивать не стал...

А Зульфикаров, видимо, поняв это, пояснил:

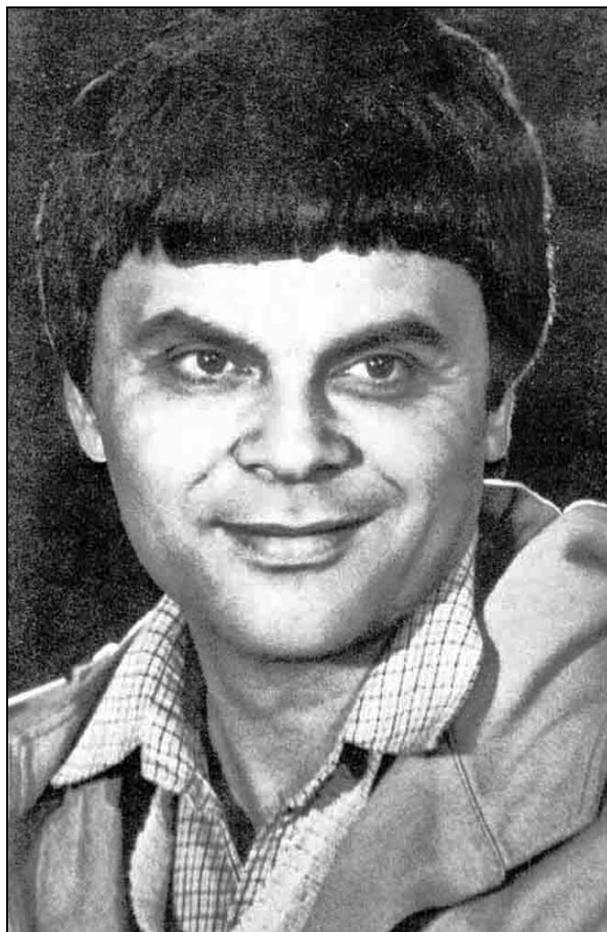
— Стентор — воин-герой из гомеровской «Илиады»... он мог так громко кричать, как пятьдесят человек одновременно...

Эту прогулку по заснеженному полю в Белых Столбах мне не забыть — сохранилась в душе навсегда!

Встречи писателя почти регулярно проходили в музее Маяковского. Бывшая директор музея сама призналась в давней привязанности к творчеству «любимца вселенских муз». В первое посещение я был несказанно удивлен, услышав в исполнении профессиональной артистки песни на слова Тимура Зульфикарова. На других встречах он сам исполнял свои песни-баллады, философские притчи — совершенно оригинальные творения, завораживающие... как музыка змею...

Позже эти чудные часы радости и отдохновений от тяжелой ноши бытования и тягот жизни переместились в музей Л.Н. Толстого, где также читательский зал был переполнен почитателями творчества писателя.

Многое поразило меня в Зульфикарове и как в человеке. Например,

отношение к матери. Только за это можно безмерно его уважать...

Мы с Леной (моей женой) стали нечаянными свидетелями этих отношений. Как-то в телефонном разговоре он сказал, что уезжает за границу... А потом вдруг перезвонил и сообщил, что едет в Питер. Провожая его на вокзале, я не удержался и спросил:

— А вы, Тимур Касимович, вроде собирались за кордон?

— Так ведь... матушка вот... велела приехать и побыть с нею... — усмехнувшись, ответил он. — Сестра в отъезде, так что за граница пока откладывается... — Причем говорил об этом без нотки огорчения или сожаления...

Фото Николая Тищенко

Его мама Людмила — это Русь, земля псковская... Росистое разнотравье, дожди долгие — и холода... Отец — Касим! Это — Азия. Пыльные знойные дороги, жгуче-палящее солнце, горы, а августовскими ночами мириады звезд на Млечном пути. И еще пьянящий горячий виноград! Это он — Тимур Касимович Зульфикаров, песнопевец — мастер и провидец! Он так причудливо связывает миры, такие непохожие, но — родные.словно из генетических снов приходят к нему гении и тираны, философы — мудрецы и властелины могучих царств, воители и пророки. Русские — Сергей Ра-

донежский и протопоп Аввакум, Иоанн Грозный, Андрей Рублев и Пушкин. Восточные мудрецы — Омар Хайям, Абу Али Ибн Сина, ходжа Насреддин и Амир Тимур. И, конечно, рожденный им образ неутомимого весельчака, острослова и странствующего дервиша Ходжи Зульфикара. Дух поэта всегда внутри образа. Они дышат одним воздухом, и он проживает с героем его жизнь, то сгорая от страстей, то мучаясь тяготами бытия, а то вдруг вскипая ненавистью от мирского зла... В повествованиях Зульфикарова отсутствуют даты и числа. Есть течение реки Жизни — единое,

вечно-равнодушное к суетной жизни людей и их мелочным амбициозным устремлениям. Мой поэт независим от канонов и литературных стереотипов. Он говорит открытым сердцем — очень искренне. В его повествованиях весь мир земной и небесный сосуществуют. От трогательной капельки утренней росы до ослепительно-холодного блеска Млечного пути... От простых житейских соображений пастуха до изысканной мысли философа-мудреца...

«Странствия поэта» — величайшая поэма! По литературной форме это громадный драгоценный камень с неисчислимым количеством граней и гранек, и каждая — вариация на главную тему, в которой оттенок красок неземных... Это настоящий шедевр!

Дух упоительного песнопевца Жизни существует не в одной стране, не в кишлаке, не в деревне и не в мегаполисе, не в поселке и не в хуторке. Он — в веках!

В ветрах, горах, снегах, буйно-строптивных водах и сумасшедших пыльных смерчах. И нет ему избытка! Огненной силой неукротимой энергии, жаждой познания дух поэта прожигает Время... и все, что слышим от не-го, — из будущего! От века грядущего!

Читать Зульф리카рова трудно — требуются усилия души и разума. Его многосложная форма, полифония ритмов и звуков, музыка мыс-

лей и смыслов, в которую нужно войти...вжиться, вдышаться, и тогда распахнется изумительный, совершенно иной мир поэта.

Тимура Касимовича часто называют «дервишем русской литературы». Он, конечно, не монах, и живет полнокровной жизнью, со всеми ее радостями и горестями... Божественные энергии, которые правят миром и людьми, дали в поддержку этому творцу подобную жену по имени Наталья! Наверное, потому, что и она имеет дары небесных сил — умеет горести бытия обратить в сладость и радость...

Зульфикаров — номинант Нобелевской премии. И — по страшной несправедливости — не лауреат! Это на совести нобелевских заседателей... К сожалению, там просто нет подобного определения — СОВЕСТЬ! Мой поэт как никто из других писателей отвечает всем девизам премии. Например, его вклад в искусство литературы. Я попытался восстановить и поставить в ряд все созданное литератором. И ужаснулся! Такое количество произведений можно написать, только обладая кроме таланта еще и недюжинной, да просто богатырской физической силой, быть эдаким Илюшей Муромцем...

«Искусство слабым не по плечу!» — бросил как-то в пылу полемики Александр Блок. И как же он был прав!..

Рассуждать о написанном Тимуром Касимовичем не хочу... Уве-

рен — его тексты нужно читать — читать и читать! Они обладают загадочной магией каждый раз звучать по-иному, многозначней, красочней, душевней и... нужней, нужней и — нужней!

А какая страстность в его гражданской публицистике! Например: «...Раньше ложь была, как стрела, как нож, как пуля... С помощью ТВ, СМИ, и Интернета она охватила целые народы... Теперь ложь может уничтожить человечество...» Какая боль о судьбе страны: «А что строит Россия?.. Куда она глядит?.. Куда грядет?.. Каково ее место в истории и Современности? Что происходит с душой народа? Почему погибает деревня — кормилица? Почему 43 миллиона гектаров заросли бурьянами и грозят удушающими пожарами?..»

Ничего более убийственно-обличительного я не читал, несмотря на изобилие говорунов всех мастей на всех каналах...

А сколько боли в плаче о гражданской войне в его родном Таджикистане!

«Таджики! И вот русские — а они наши братья по расе — уже столетие стояли, как святые стены бухарской крепости Арка, между нашими враждующими родами и не давали им убивать друг друга, но вот мы изгнали столетних русских, и вместо них кровные пули встали между нами, ибо народ-хозяин, извергающий

инородца-гостя, обречен на братоубийство».

Эти пророчески-жгучие строки поэта просто взборонили мое сознание, когда вспыхнула гражданская война на Украине. И запылал в пожарищах мой родной Донбасс — родина моя! Текст Тимура Касимовича теперь — моя настольная книга... В этих эмоционально-фантастически сцепленных словах, словно в стиснутых адовым напряжением камнях, сочится, набатно звеня и падая на землю, — человеческа-я кровь!

Я уверен — личность моего поэта вне времени... **Но сказано — ему 80!**

Не знаю даже, как отнестись к этим двум цифрам — перекрученной восьмерке и тоннельно-бесконечному нулю? Но, сколь нелегко было пройти их, в душе вскипает одно желание — пусть прошлое станет лишь увертюрой, новым началом моему любимому поэту! К новой жизни, новым несказанным творениям и свершениям! Да будет так!..

А мы, жаждущие слова, новых даяний Любви, ждем новых поэм... Переливчатую песнь стихов и масштабно-пророческих прозрений публициста — великого словоборца!

Я безмерно благодарен жизни за то время, которое мне посчастливилось провести с любимым поэтом...Посчастливилось — быть и дышать рядом с избранником Вечности! □

Валерий Митрохин

ВРЕМЯ ЧАЙНЫХ РОЗ

Серебряный дождь на плащи
Роняют незримые домбры,
И, словно зеленые кобры,
Ползут вдоль ограды плющи.

Сырою икрою леща
Смородина спеет за тыном.
Скворешным крылом трепеща,
Скоблимся пером перочинным.

Зеленые варим борщи.
Срываем щавель по дернинам —
Соскучились по витаминам?
Смотри, не переборщи!

Как сквозь благовония дым
На чайные розы глядим.
Их тайные желтые жала
Шипящая буква связала.

МИТРИДАТСКИЙ МАЙ

Лежат, не шевелясь и не дыша,
Похожие на черепа камня.
В них в каждом, словно в камере хранения,
Нашла пристанище забытая душа.

По детям и делам судите обо мне,
По существу, они — одно и то же.
Поторопитесь, потому что позже
Сгорит свеча на медленном огне.

Уже сейчас мне часто не в дугу,
Не по плечу ярмо суровой прозы.
Наступит час, когда я не смогу
Обжечь свой рот устами чайной розы.

Покроет пыль стихов моих тома.
И не найдет в глубинах книжных полок
Библиотекарь, словно археолог,
Произведенья сердца и ума...

Откроют книгу своего отца
Года спустя, возможно, только дети
И вспомнят все, читая строки эти,
И пыль смахнут с портретного лица... □

16 августа
замечательному поэту и прозаику

Валерию Митрохину

ИСПОЛНЯЕТСЯ

70 ЛЕТ

Редакция «Смены»

ПОЗДРАВЛЯЕТ

нашего давнишнего автора с юбилеем

**и искренне желает здоровья
и новых творческих удач!**

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

10

Представляя нового директора управлению совхоза первый секретарь направил свою заведующую сельскохозяйственным отделом Наталью Константиновну Петрову, женщину замужнюю, недавно перешагнувшую тот временной рубеж, после которого говорят: «Баба ягодка опять!..» Она обладала таким сильным романтическим характером, что ни положение в обществе, ни ответственная должность не являлись для нее помехой в удовлетворении порывов страстной души, в том числе относящихся к мужчинам. До перевода в райком, когда она работала директором торговой организации в поселке речников Пеледуй, у нее был продолжительный роман с главным зоотехником местного совхоза. Но на новой работе, едва в поле ее зрения попал недавно назначенный в совхоз заместителем директора по строительству молодой Анатолий Петрович, как она тотчас, так сказать, положила на него свой пылкий глаз. Как-то зимой приехав в совхоз, под предлогом, что ей необходимо ознакомиться с ходом строительства нового коровника в якутском наслеге Натора, попросила директора в качестве сопровождающего отправить с ней своего нового заместителя. Он тотчас подобострастно выразил согласие. Было решено ехать на стареньком, выдавшем за десять лет тяжелой, в условиях Севера по-

рой становившейся и вовсе невыносимой, службы многочисленные, в том числе и печальные, виды, самосвале, закрепленном приказом директора за строительным отделом.

День выдался замечательный: ядреный мороз выморозил высокое небо до звенящей синевы, солнечные лучи так щедро заливали скованную льдами Лену, что слежавшийся снег сверкал червленым серебром, а светло-голубые льдины торосов, вставшие во время ледостава на ребро, сияли световыми, радужными вспышками-всполохами, своей яркой красотой изумляя и радуя взгляд. От высокого берега, поросшего смешанным лесом, среди которого на сером фоне лиственных деревьев выделялись своей темно-зеленой хвоей высоченные, в два обхвата, лиственницы и ели, чуть ли не до середины реки стелились длинные, языкастые фиолетовые тени, а величественные сосны, растущие на противоположном берегу, озаренные солнцем, горели ярко медью мощных стволов, словно церковная купольная позолота.

Но больше всего впечатлял многокилометровый, в один взгляд неохватный, белый-белый, как рассыпчатый сахар-песок, речной простор с висящими в ледяном воздухе, по-над крутыми, обрывистыми берегами редкими, легкими, белесыми облаками-туманами. И сколько бы Анатолий Петрович ни всматривался в окружную даль, его острый взгляд не выхватывал ни одного живого существа — и, если бы не стая черных ворон, слетевшая с тополей и накинувшаяся на труп какого-то животного, не устоявшего перед напором жестокого якутского мороза и теперь падающего лежащего на колком снегу, у самого ледового среза, то могло бы показаться, что время и в самом деле остановилось.

Когда самосвал, преодолев речную ширь, стал, натужно гудя двигателем, взбираться на крутолобый берег, Анатолий Петрович вдруг почувствовал, что его бедро слегка сжала горячая рука Натальи Константиновны. Он понял намек высокого начальства и тотчас стыдливо посмотрел на водителя Егора, эвенка, — но тот невозмутимо, лишь сузив и без того глаза-щелочки, управлял автомашиной. Анатолий Петрович посчитал самым благоразумным поступком в данной ситуации — сделать вид, что ничего особенного не произошло, — и даже не повернулся к романтической женщине. Однако трезво подумал: «Торопить события не стоит, пусть время и в этот раз скажет свое веское слово... Но все-таки эта женщина явно не промах...»

Время не заставило себя долго ждать — буквально спустя неделю через директорского секретаря ему передали, что в ближайшую пятницу к пяти часам вечера его вызывает начальник отдела сельского хозяйства райкома партии. А вот с какой важной целью, словно забыли или специально

не захотели предупредить. Анатолий Петрович, хотя смутно уже догадываясь, зачем он срочно потребовался в этот раз высокому начальству, однако на всякий случай подготовил подробную записку о ходе строительства всех совхозных объектов, включая и школу в Наторе, и точно к назначенному времени прибыл в райком.

Кабинет Петровой находился на недавно надстроенном четвертом этаже, куда с третьего вела крутая, прямая — без площадки — железная лестница с мраморными ступенями и деревянными, отполированными и покрашенными под орех, перилами. Постучав в высокую дверь и услышав важное: «Заходите!», он вошел в кабинет, в котором прежде ни разу не был. И с интересом быстрым взглядом окинул его. Помещение было сравнительно небольшим, прямоугольным, но свободно вместившим в себя длинный ряд стульев с мягкой обивкой, стоявших вдоль левой стены от двери, а с правой — в углу перед большим окном, украшенным легким прозрачным тюлем, за тяжелыми коричневыми шторами — холодильник «Минск» и два стола — рабочий и для совещаний. С чисто побеленного высокого потолка свисала трехрожковая люстра из богемского стекла, которая, несмотря на то, что света ранних сумерек явно не хватало для освещения кабинета, еще не была зажжена. Но ярко горела настольная лампа под розовым шелковым абажуром, в свете которой Наталья Константиновна просматривала какие-то служебные бумаги.

К вошедшему и скромно поздоровавшемуся Анатолию Петровичу она, сухо ответив на приветствие, не вышла навстречу, словно давая понять, кто в кабинете хозяин, а слегка улыбнувшись накрашенными полными губами, пригласила сесть за стол. Но молодой строитель, словно принимая вызов, занял один из стульев у самой двери. Положил ногу на ногу, достал из папки докладную записку и устремил на начальника отдела вопросительный взгляд, говорящий: «Вы меня вызывали — я прибыл! Слушаю для исполнения дальнейших указаний!..» Вдруг без стука дверь распахнулась, и в кабинет запросто заглянула пожилая женщина, одетая в длинный синий халат, с ведром и шваброй в руках. Увидев ее, Наталья Константиновна, тотчас довольно вежливо, но с заметным волнением в бархатном голосе сказала:

— Степанида Ивановна, я еще задержусь... Можете идти домой!

— А как же уборка? — спросила уборщица.

— В понедельник наведете порядок! Хорошо?

— Как прикажете! — с готовностью ответила женщина, но прежде чем уйти, как-то многозначительно посмотрела на Анатолия Петровича.

Едва дверь закрылась, Наталья Константиновна быстро заперла ее на ключ. И когда повернулась, то молодой строитель увидел перед собой со-

вершенно другую женщину, ибо она не только одарила его улыбкой, исполненной открытости и тепла, но и вошла ему в глаза томным взглядом женщины, страшно соскучившейся по мужской ласке. Но, сдерживая свой страстный порыв, она открыла холодильник и, бесцеремонно перейдя на «ты», учтиво спросила:

— Анатолий, что будешь пить — вино или шампанское?

— Вообще-то в том положении, в котором я оказался, лучше бы выпить водочки, но, коль ее нет, с удовольствием выпью немного вина! Только вот, глупый, все никак не могу понять, по какому это такому важному случаю, ведь даже календарных праздников что-то и в ближайшее время не предвидится?

— Действительно, глупый! — игриво ответила Наталья Константиновна. — Неужели до сих пор не понял, что праздники — это не только те дни, что отмечены красными цифрами в календаре, но и, поверь, сделай милость, и другие, которые люди устраивают себе сами. И поверь мне, знающей женщине, они порой важнее тех, что установлены законом. Ответь, разве новое, более близкое знакомство двух людей — не повод, чтобы выпить по бокалу-другому?

— Согласен, повод! Но при условии, что эти люди друг другу совсем не случайно близки духовно! Иначе, к сожалению, — можно будет с утра до вечера, через день да каждый день, гулять!

— А ты, Анатолий, не такой уж и простой, каким можешь показаться на первый взгляд! — заметила Наталья Константиновна, передавая ему бутылку шампанского. — Открой, пожалуйста!

— Хорошо! Но ответьте, быть непростым — это плохо или хорошо?

— Кому как!

— А лично для вас?

— Для меня? По крайней мере, интересно!

Когда, выпив по бокалу, Наталья Константиновна предложила повторить, Анатолий Петрович наотрез отказался, сославшись на немалый путь назад в совхоз. Но тотчас был женским, не терпящим возражений, вопросом: «А если я попрошу тебя остаться, останешься?» — приперт к стенке, без права отмолчаться. И в кабинете, освещенном только светом настольной лампы, Анатолий Петрович, прежде чем ответить, сквозь легкий синезолотой сумрак оценивающе посмотрел на свою начальницу и отметил, что она, все еще сохраняющая следы явной привлекательности, тем не менее из-за пусть небольшого, но все же избыточного веса не отвечала сполна его мужскому вкусу. Никогда прежде не изменявший своему правилу — разделять постель только с женщинами, чьей красотой пылко восхищался, он теперь должен был или остаться собой, или переступить через порог,

за которым его дальнейшая сексуальная жизнь могла сложиться как угодно. И все же он не отказал женщине, к которой был совершенно равнодушен как к таковой!

Испугался, что она может сломать так удачно начавшуюся его начальническую карьеру? Нет, поскольку он уже настолько высоко зарекомендовал себя как перспективный руководитель, что входил в кадровую десятку самого первого секретаря, — и скорей сам мог бы доставить немало неприятностей начальнику отдела... Просто, живя со своей женой, как кошка с собакой, когда все чаще хочется в ссоре бросить ей в лицо слова райкинского монолога: «Закрой рот, дура! Я все сказал!..», он стал к чужим женщинам относиться, исходя из поговорки: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...» Но одно — переступить через себя мысленно, и совершенно другое — физически. Тем не менее, спокойно смотря в глаза Наталье Константиновне, уточнил:

— А как вы себе это представляете? Ведь, насколько мне известно, состоите в браке? Или к какой-нибудь вашей подруге пойдём в гости?

— Можно и к подруге! Но мой муж, работающий главным охотоведом государственного пушного хозяйства, на две недели уехал с инспекцией таежных промыслов. Вот ко мне на квартиру где-то через час и приходи.

И назвала адрес.

Дом, в котором жила Петрова, оказался самым большим в городе — пятиэтажный, с шестью подъездами, покрашенный в светло-розовый цвет, только прошлой осенью сданный в эксплуатацию, еще не огороженный, но уже оборудованный детской площадкой со всеми игровыми строениями: песочницами, грибками, горками-катками и так далее. По дороге к нему в заметно сгустившихся сине-фиолетовых сумерках, чем выше к небу, тем становящихся совершенно черными, отчего загорающиеся звезды казались еще ярче, еще выразительней, Анатолия Петровича все никак не покидала упрямая мысль о том, каким же таким действенным образом он будет ломать себя, неволить свою упрямую, волевою душу. Ну, действительно, как?! И вдруг его осенило: «Надо просто, словно хороший артист, сыграть роль любовника, только в спектакле по имени — жизнь. Если другие люди могут на театральной сцене или на съемочной площадке перевоплощаться в другой, иной раз даже в чуждый их сознанию образ настолько, что начинаешь верить не только их слезам радости и горя, но и горячим монологам, то почему это не смогу сделать я — ведь, по сути, хороший руководитель в определенной мере тот же актер, причем самого сложного плана — психологического!»

Едва он позвонил, как почти сразу дверь открыла Наталья Константиновна, одетая лишь в китайский шелковый, настолько прозрачный халат,

что сквозь него ясно и потому еще больше волнующе было видно матовое тело и розовые соски полных грудей. Глаза лучились светом сбывшейся надежды, магнитом притягивали к себе. Не говоря ни слова, лишь порывисто, тяжело задышав, Анатолий Петрович прямо на пол сбросил дубленку с ондатровой шапкой — и женщину, страстно желавшую его грубой мужской ласки, только успевшую томно охнуть, ураганом подхватил на свои сильные руки и ветром понес в спальню. Но роль страстного любовника ему пришлось играть лишь в самом начале импровизированного им самим первого акта сочиняемой в творческой голове пьесы, ибо от того счастья пылкой близости, которое исходило от партнерши, он неожиданно для себя почувствовал, что, словно солнечная батарея, заряжается желанием сделать ее еще счастливей, еще удовлетворенней — и становился неутомимым...

Только в понедельник, рано утром, когда еще на улице стояла мерзлая, густая почти непроглядная темень, в которой свернувшийся от стужи воздух фосфорно светился, словно рассыпался на миллионы микроскопических искр, он покинул квартиру, ставшую для него на целых двое суток раем не раем, но в любом случае — не адом. Угрызения совести, если и отягощали душу, то не настолько сильно, чтобы жалеть по сути о предательстве своих устоявшихся принципов по строгому отношению к чужим женщинам. Он даже наивно считал и верил, что за непростое насилие над самим собой заслужил какой-то необычной награды — и если небесам будет угодно, то они рано или поздно, но обязательно хоть как-нибудь вознаградят его.

И вот теперь по пыльной дороге, трясясь на заднем сиденье райкомовского «уазика», он пронзительно, до боли в сердце, неожиданно понял, что рядом с ним и в самом деле сидит, словно сошедшая к нему по воле свыше его новая жена с так почему-то нравившимся ему звонким именем Мария! И Анатолий Петрович с глубокой нежностью еще крепче сжал руку молоденькой супруги. А когда она, укачавшись на многочисленных песчаных ухабах от долгой езды, ненадолго задремала, невольно уронив свою прелестную головку на его сильное плечо, он обнял ее за хрупкие, точечные плечи и попросил водителя хоть на немного сбавить скорость.

Наталья Константиновна тотчас вопросительно обернулась и, то ли от все никак не проходящей ревности, то ли недовольная тем, что новоиспеченный директор, как своим, командует райкомовским водителем, строго посмотрела на Анатолия Петровича, но, словно споткнувшись об его умиротворенную улыбку, промолчала. Тем более она не могла со всей ответственностью не понимать, какими непростыми мыслями он должен быть теперь обуреваем по самому высшему счету, ведь то, что ожидало

его в совхозе, кроме как добровольной каторгой, назвать чем-нибудь другим было бы ох как несправедливо.

Страшно не то, что совхоз лежал, как загнанная, сдыхающая лошадь на боку, а что симпатичный ей молодой человек, согласившись возглавить его, по сути, отрезал себе все пути, кроме одного — вперед, и только вперед! — с четким осознанием: или грудь в крестах, или голова в кустах! Ведь то, что не удалось сделать четверым умудренным жизненным и производственным опытом заматерелым руководителям намного старше его, должен совершить он, прежде имеющий лишь начальственный опыт в трудовых коллективах, в пять, если не в десять раз меньших по объему производства, чем совхозный. Ситуация многократно усложнялась еще и тем, что из пяти отделений, четыре были чисто национальные — якутские, в которых трудились люди, выросшие на своих древних обычаях и самобытной, веками формировавшейся культуре. Выучившие чужой, по сути, язык, они, тем не менее, в основном продолжали мыслить и воспринимать жизнь, как их далекие предки, оставаясь в душе детьми своего народа, а он молодой, амбиционный руководитель — был, есть и будет до конца дней своих до мозга костей — русским!..

Тут Наталье Константиновне вспомнился очень курьезный случай, произошедший как раз в национальном, самом большом отделении совхоза «Беченчинском», находившемся в ста километрах от центральной усадьбы, в бескрайней звериной да птичьей тайге. И она решила рассказать о нем Анатолию Петровичу:

— Мороз прошлой осенью ударил на редкость рано — в самом конце сентября. Не заставил себя долго ждать и снегопад, да такой обильный, что за ночь засыпал полутораметровым слоем все поля, похоронив до конца не убранную капусту. И вот вместо того, чтобы хоть какое-то количество ценной продукции спасти, поставить на зимнее содержание крупнорогатый скот, все мужское население, как по команде, вместе с управляющим, быстро снарядившись, подстегиваемое древним охотничьим инстинктом, отправилось в тайгу промыслять пушного зверя. В результате таких ну совсем непредвиденных обстоятельств райкому совместно с управлением сельского хозяйства пришлось самим спешно заниматься организацией всего производственного процесса, вплоть до завоза из других отделений совхоза — скотников, трактористов и слесарей! Даже ставить обратно на фундамент упавшую от ветрового напора высоченную дымовую трубу центральной котельной! Ну, что скажешь на это?! — тотчас, закончив рассказывать, с нескрываемым интересом спросила она Анатолия Петровича.

— Только одно: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!..

— Что-то больно уж неопределенно! Да и совсем не ново! Больно уж избито... Ближе к вопросу можешь?!

— Да вроде ближе и некуда!.. Впрочем... Дело в том, что я с детских лет рос среди якутов. До сих пор нахожусь в крепких дружеских связях со многими из них! Поэтому немало чего из якутской самобытной жизни мне знакомо не из знаменитого народного эпоса «Олонхо» и других замечательных этнографических книг, а пережито по полной — не только с радостью, но и с болью!.. Исходя из всего этого, было бы смешно, если бы, к примеру, стал учить их еще и деловому русскому языку, а вот трудиться с учетом все совершенствующейся культурой ведения животноводства и растениеводства — обязательно буду. Тем более, что якуты очень мозговитый народ, все новое схватывают буквально на лету! Но опять же, работать с ними надо не революционным путем, а исключительно эволюционным! Ведь не зря же умные люди говорят, что капля — и та камень точит!.. Или я опять привел неудачно и не к месту набившую оскомину поговорку?

— Нет, как раз к месту! И ты, Анатолий Петрович, хоть и молодой руководитель, но размышляешь вполне здраво! — заключила Наталья Константиновна, и весь оставшийся путь до самого здания совхозной конторы не проронила ни слова, словно внезапно вздремнула или глубоко ушла куда-то в своих мыслях.

Исполняющий обязанности директора совхоза Семен Викторович Бахтин, он же и главный зоотехник, мужчина лет пятидесяти, высокий, поджарый, с заострившемся носом и бегающими недобрыми карими глазами, встретил представителя райкома и нового директора на крыльце конторы управления. За руку поздоровался с каждым. Пропуская вперед начальство, пригласил их зайти в помещение управления, предупредительно сказав: «Все специалисты в сборе! Ждут вас!..»

Совхозная контора размещалась в длинном, одноэтажном деревянном старом здании под двухскатной шиферной крышей, как бы разделенном капитальными стенами на три части — самую большую, центральную, рубленную из сосновых бревен, в которой находились кабинеты главных специалистов и их отделов, и два брусковых пристроя. Один, меньший, занимал фельдшерский пункт, где оказывалась всевозможная медицинская помощь работникам совхоза, и второй — с кабинетами директора, его заместителя и главного бухгалтера.

Представление коллективу нового директора прошло в его же довольно просторном кабинете, с двумя окнами, выходящими на чей-то частный огород, густо засаженный разросшимся, со светло-зеленой ботвой, картофелем. В кабинете стулья стояли в ряд вдоль обеих стен, деревянный пол сплошь был застлан утепленным коричневым линолеумом. Напротив

рабочего стола, рядом с дверью, обитой черным дерматином, солидно возвышался книжный шкаф с остекленными дверцами. Освещался директорский кабинет двумя трехрожковыми светильниками отечественного производства, свисавшими с высокого потолка, словно специально побеленного к приезду нового директора и потому сыро пахнувшего еще до конца не просохшей известью.

Пока Наталья Константиновна, представив Анатолия Петровича, четкой, твердой речью ставила перед работниками управления первостепенные производственные задачи, он вглядывался в лица своих заместителей, хотя со многими из них был знаком по недавней совместной работе, когда руководил совхозным строительством, и хорошо знал цену их профессиональным и человеческим качествам. И в самом деле, они почти все прежде успели поработать директорами. К примеру, сидевший рядом с Бахтиным главный инженер Дмитрий Сергеевич Ивановский в недавнем прошлом возглавлял подсобное хозяйство в Сальске, а главный агроном Геннадий Васильевич Хохлов — один из подмосковных совхозов. Невольно возникал коварный вопрос: почему эти вроде бы профессионалы на возглавляемых ими участках производства до сих пор не проявили своих лучших качеств?.. Не найти на него верного ответа могло значить для очередного директора только одно — стать пятым неудачником.

Едва представитель райкома закончила свою нравоучительную речь, как посчитала свою миссию законченной и, попрощавшись с коллективом, слушавшим ее без особого воодушевления, направилась к машине, понимая, что Анатолий Петрович обязательно проводит ее. Но прежде чем последовать за начальством, он объявил перерыв на десять минут, сообщив, что после него проведет производственное совещание. Уже сидя в машине, Наталья Константиновна, словно вдруг вспомнив о чем-то очень для нее важном, вышла и, как только новый директор уже тепло попрощавшийся с ней, быстро подошел, тотчас, скорей с тревогой, чем с жалостью, посмотрела ему в сосредоточенные глаза и по-дружески, заметно дрогнувшим голосом, глубоко вздохнув, произнесла:

— Анатолий Петрович, я за тебя очень переживаю! Ты видел, какие матерые волки твои заместители! Но больше всего остерегайся Бахтина, ибо скажу тебе по секрету, что у меня уже скопилась целая папка его доносов на двух последних директоров. Он спит и видит лишь себя во главе совхоза. Я перехватила взгляд, которым он смотрел на тебя, — так вот, кроме зависти и ненависти, я ничего в нем не прочитала!..

— Дорогая Наталья Константиновна, я до глубины души тронут вашей заботой о моем сегодняшнем и будущем. Конечно, я по системе Зодиака не Лев, не Козерог, а всего лишь Рыба. Но, поверьте, далеко не окунь...

Месяца через два приезжайте с инспекцией, и если, ознакомившись с ходом производства, не скажете, что я — рыба-меч, мне действительно нечего делать в этом совхозе, да и не только в нем!..

— Ну, в любом случае держись! Сразу дай им понять, что ты пришел надолго, а главное — не с пустой головой!..

— Постараюсь!

— До встречи, меч-рыба! — и Наталья Константиновна, обнажив белые, слегка влажные зубы, игриво улыбнулась.

11

Новый директор, несмотря на свою молодость, относился к той категории руководителей, которые не тратят время на выяснение отношений со своими подчиненными, кроме тех, которые только начали свой трудовой путь, но действительно перспективные, а сразу задавал такой темп работы, который был необходим для выполнения общих поставленных задач. Уже через месяц проявлялись способности каждого из заместителей. Тех, которые в полной мере справлялись со своими обязанностями, он всячески поощрял, в первую очередь — финансово, а других приглашал к себе в кабинет, где, щадя их самолюбие — с глазу на глаз! — вежливо предлагал перейти на другую, менее сложную и ответственную работу или вообще уволиться по собственному желанию. И всегда, при любом состоянии духа, находил в себе силы и мудрость делать это так убедительно, что редко когда оставался непонятым.

...Вернувшись в кабинет, он тотчас спросил:

— Кто является управляющим центрального отделения?

— Я, Дмитрий Иванович Козлов! — встав, представился мужчина лет сорока пяти, среднего роста, крепко сбитый, с твердым взглядом серых небольших глаз, одетый в потертый синий пиджак, в такие же выдавшие виды темно-синие брюки и, несмотря на установившуюся жаркую погоду, обутый в изрядно сбитые кирзовые сапоги.

— Очень приятно! — спокойно сказал Анатолий Петрович и, еще раз оглядев неопрятно одетого управляющего, задал ему вопрос: — Объясните, пожалуйста, как вы могли позволить напрочь зарости непролазными сорняками капусту, тем самым приостановив ее рост не менее чем на полмесяца, а это значит, что за оставшееся время до ее уборки она едва ли успеет налиться сполна, если даже в ближайшее время и будет быстро прополота и щедро, но в пределах необходимого, подкормлена минеральными удобрениями?

— Понимаете, я приступил к выполнению своих непосредственных обязанностей всего месяц назад — и единственно, что за это небольшое время мне удалось сделать — так это создать из десяти женщин-полеводов звено, которое в настоящее время и занимается прополкой.

— А какая общая численность вашего отделения?

— Почти сто пятьдесят человек!

— Дмитрий Иванович, а вам не кажется, что из такого большого штата выделить для спасения погибающей капусты всего десять работниц не чем иным, как, мягко говоря, халатным отношением к исполнению своих прямых обязанностей, назвать нельзя?

— Может, и так! — вспыхнув сухим, скуластым лицом с тонкими, почти бескровными губами, ответил на директорское суровое замечание управляющий и стал горячо оправдываться: — На носу — сенокос, и я все силы бросил на подготовку к нему! И потом, я неоднократно писал на имя главного агронома и исполняющего обязанности директора Бахтина докладные, в которых обстоятельно просил, даже требовал выделить на прополку дополнительных работников! Тем не менее отделению не была оказана помощь, хотя мне известно, что ежегодно для прополки капусты наши шефы — такие, как Мурбайская геологическая экспедиция, — согласно двухстороннего договора, должны на весь летний период командировать несколько десятков своих сотрудников!

— С вами, Дмитрий Иванович, все ясно! Садитесь! — сухо и крайне недовольно произнес Анатолий Петрович.

И устремил взыскательный взгляд на главного агронома, единственного заместителя всего лишь на два-три года старше его:

— А вы, Геннадий Васильевич, что скажете? По крайней мере, чем таким оправдывающим объясните свое бездействие, хотя, согласен, тоже совсем недавно возглавили полеводческую службу?

— Объясню тем, что не в моих правилах прыгать через голову! — начал почему-то сразу говорить вызывающе громко главный агроном. — Вести переговоры с начальником экспедиции не моя прерогатива, а в нашем случае — исполняющего обязанности директора совхоза!

И, хмуро сдвинув белесые, словно выжженные полевым солнцем, брови, замолчал, как будто прилетев с другой планеты на минуту-другую, собрался улетать обратно.

«А главный агроном, видать, фрукт еще тот! И, к сожалению, именно под его началом, по крайней мере некоторое время, придется в качестве рядового агронома работать моей жене! Н-да!..» — грустно подумал Анатолий Петрович. И уже было хотел поднять Бахтина, но, прекрасно понимая, что тот всю вину за погибающую капусту переложит на загулявшего

бывшего директора, вдруг не стал это делать, ибо посчитал, что нет смысла толочь в ступе воду!.. Но все-таки задал ему вопрос:

— Семен Викторович, не назовете мне численность работников, включая меня, управления совхоза со всеми обслуживающими — ремонтными, строительными и гаражными службами?

— Не менее ста двадцати человек, Анатолий Петрович!

— Серьезная сила! А вкуче с центральным отделением вообще огромная! Горы можно ворочать! Да какие!.. — и тоном, не терпящим какого-либо возражения, рубя, как шашкой лозу, каждое слово, сурово продолжил: — С завтрашнего дня управляющему центральным отделением и моим заместителям, конечно, за исключением, скотников-пастухов и доярок, работников всех служб вывести с самого утра на прополку! В связи с этим начальнику отдела кадров подготовить соответствующий приказ — и через полчаса — не позже! — занести его мне на подпись!

— А реплику можно? — злорадно и нагло улыбаясь, спросил с самодовольным видом напыщенный, как гусь, Бахтин.

— Валяйте, Семен Викторович! — уже еле сдерживая в душе себя, чтобы не ответить своему заместителю, как он того заслуживает, но все же более-менее спокойно разрешил Анатолий Петрович.

— Значит, словно в сорок первом году, когда фашистские войска стремительно приближались к столице, мы, образно говоря, заколотим двери конторы и все окна досками крест-накрест, да еще и напишем плакат, что все ушли на фронт? Я правильно понимаю?

— Если вам это, в самом деле, придаст силы и вдохновения прополоть хотя бы половину оттого, что я постараюсь сделать, можете заколачивать двери и писать свой плакат!

— А что, вы сами тоже выйдете в поле? — удивился Бахтин.

— Обязательно! Причем в первых рядах!

После такого ответа главному зоотехнику ничего не оставалось, как наглухо замолчать и, нервно сев, закинуть ногу на ногу. А Анатолий Петрович уже более мягким голосом снова спросил:

— Еще какие-нибудь реплики есть? Или даже предложения?

Но поскольку после директорского твердого заявления, не терпящего возражения, о выходе на прополку в кабинете повисла глубокая тишина, Анатолий Петрович, в душе почти успокоившись, сказал:

— Ну, если больше никто не желает высказаться, то на этом совещание объявляю законченным! Все, кроме коменданта и председателя профсоюзного комитета, — свободны, верней, должны до конца рабочего дня провести в трудовых коллективах разъяснительную работу о важности спасения погибающей капусты. И не дай бог, если хоть один находящийся

у вас в подчинении человек без уважительных причин посмеет не выполнить мой приказ!

Председатель профсоюзного комитета Григорий Николаевич Авдеев был мужчина пенсионного возраста, полный, с обрюзгшим синеватым лицом, на котором заплывшие жиром темные глаза выражали лишь психологическую усталость. И не случайно, ибо был он большим любителем гульнуть по любому мало-мальски значимому случаю, за что и поплатился увольнением с прежней руководящей должности, на которой проработал не один десяток лет, в местном сельпо. А сидящая рядом с ним комендант управления Дина Степановна Яшина, женщина пятидесяти лет, высокая, с пышной грудью, как у дородной хохлушки, с круглыми синими глазами, которым черные подковки бровей придавали выражение строгости, покорно ждала, что же ей скажет не по возрасту суровый директор, в чем она только что убедилась...

Но Анатолий Петрович не торопился с разговором, словно забыл, зачем попросил остаться ответственных работников совхоза. На самом же деле он все еще не мог до конца унять душевный внутренний взрыв, вызванный самым настоящим преступным бездействием Бахтина, да и Хохлова тоже. Подумать только — эти люди, получая немалую государственную зарплату, пустили на самотек организацию прополки тридцати гектаров пашни, засаженной ценной, так необходимой для обеспечения работников алмазодобывающей отрасли сельхозпродукцией, ожидаемый урожай которой даже по самым скромным подсчетам мог составлять не менее тысячи тонн! А ведь это еще и немалые деньги, значительная часть из которых должна быть выплачена рабочим в виде зарплаты! «Кстати — подумал директор — надо, не откладывая в долгий ящик, узнать у главного бухгалтера, как обстоят дела с ее выдачей». И, наконец, внешне сполна успокоившись, заговорил:

— Мне известно, что бывший директор для своего проживания построил на берегу Лены самый настоящий особняк. Я не собираюсь его судить, но, прежде чем принять нужное мне решение, скажите, пожалуйста: Иван Петрович Викторов, тот самый ветеран, потерявший на войне руку, который, даже уйдя на заслуженный отдых, продолжал многие годы летом не просто возглавлять сенокосное звено, но еще и мастерски управляться с конной косилкой, неумоимо скашивая траву, все так же живет в старом доме вместе с многочисленными семьями старшей дочери и внука, работающих в нашем совхозе?

— А где же ему еще жить, ведь с того времени, когда вас, Анатолий Петрович, забрали в район, для рабочих не было построено ни одной квартиры! — печально ответил Григорий Николаевич.

— Обидно! Но жизнь продолжается — и то, какой она будет, во многом зависит от нас! А с особняком давайте поступим так: вместо меня в него въедет со своей семьей, верней, семействами, уважаемый ветеран. Думаю, это будет в высшей мере справедливо!

— А как же вы?! — удивленно спросила Дина Степановна. — Где жить будете, ведь не одни — с женой?!

— Всего год назад, когда я работал прорабом, в многосемейном доме на улице Лесной одна квартира была оставлена под небольшую гостиницу. Она, случайно, не заселена?

— Нет! Но там ведь всего две небольшие комнатки и крохотная кухня!

— Дина Степановна, а нам с женой в настоящее время и такой площади больше, чем надо! Ведь влюбленным и в шалаше — рай! На этом и закончим разговор! Или у профсоюза есть возражения?

— Что вы, Анатолий Петрович! Как говорится, хозяин — барин!..

— Тогда я чисто по-человечески попрошу вас, Дина Степановна, мою жену с вещами на своей машине, а я знаю, что у вас для обслуживания хозяйственных нужд она есть, подвезти к гостинице и помочь молодой женщине заселиться. Также передайте ей, что часа через два, максимум, три я подъеду. Хорошо?

— Конечно!

Когда дверь за комендантом закрылась, председатель профсоюзного комитета, прежде чем покинуть директорский кабинет, вдруг, вытерев носовым платком выступивший на лбу пот, произнес:

— Анатолий Петрович, я прожил немалую жизнь, многое повидал, пережил, перевидел всяких руководителей — и должен вам сказать, что, мне думается, на вас прервется директорская чехарда.

— Это почему же?

— Да хотя бы потому, что с первого же дня своей работы во главе совхоза вы начали с заботы о людях!

— Спасибо за ваш проникательный ум! Но смею вас заверить, что так будет всегда, пока я буду возглавлять совхоз! Поэтому убедительно прошу вас, Григорий Николаевич, в список нуждающихся в достойном жилье поставить мою семью последней! — Заметив, что профсоюзный, убеленный сединой, лидер хотел ему что-то возразить, тотчас твердо добавил: — Это мое окончательное решение! Обсуждению не подлежит!

И тотчас по внутренней связи попросил зайти главного бухгалтера. Это была женщина, казашка, не старше тридцати лет, но все еще не замужем, статная, с фигурой, словно выточенной, с полной высокой грудью, с несколько узковатыми по-азиатски, но такими выразительными голубыми глазами, что они придавали всему лицу с правильными чертами удивительную

прелесть и обаяние, то самое, которое заставляет мужчин оборачиваться и долго смотреть вслед с саднящим сердце восклицанием: «Какая женщина! Но, увы, не моя!..» Зайдя в кабинет, она скромно села на крайний стул, у самой двери, подобрав стройные ноги, а руки с длинными, музыкальными пальцами крестообразно сложив на коленях. И на вопросительный взгляд директора произнесла:

— Слушаю, вас, Анатолий Петрович!

— Алла Сергеевна, ответьте, как у нас обстоят дела с выдачей зарплаты, с материальной отчетностью вообще?

— И то и другое — неважно!

— Конкретно!

— Можно и так! Задолженность по зарплате уже к настоящему времени составляет более двух месяцев. На расчетном счету — ни копейки. Отчеты руководителями среднего звена, за небольшим исключением, в четко установленный срок не сдаются. Значит, возглавляемая мной бухгалтерия не в состоянии в полном объеме свести и сдать баланс в вышестоящую организацию. Кроме этого рабочие табеля и наряды на сделанные работы составляются с большой задержкой, а ведь без их обработки никакую зарплату не выплатить, если даже в совхозе и были бы деньги!

— А не скажете, почему так из рук вон плохо происходит? Неужели руководители служб не понимают, что своей безответственностью рубят сук, на котором сами же и сидят?

— Понимать-то они, понимают, да вот исполнительская дисциплина хромает, можно сказать, как у степной лошади, на все четыре ноги!

— Ладно, с ней мы наведем порядок! А вот что делать с пополнением счета, думать нам с вами крепко надо! Хотя уже и теперь ясно, что без получения в банке кредита нам не обойтись!

— Но его ведь можно получить только под что-то! К примеру, под животноводческую продукцию! Но, к сожалению, план надоя за первое полугодие сорван! Значит, молоко и мясо отпадает!

— Ничего! Если в ближайшее время спасем капусту, — а мы это непременно сделаем! — то я постараюсь договориться с управляющим банка выдать кредит под нее! А пока вы с главным экономистом подготовьте все необходимые расчеты. И еще! Очень важное! Поскольку в совхозе из пяти отделений — четыре национальные, давайте договоримся о том, что пока заработная плата не будет выдана им, работникам управления ни копейки не выплачивать. Ведь не зря же говорят, что рыба гниет с головы! Вы меня, Алла Сергеевна, поняли?

— Очень даже хорошо!

Оставшиеся два часа до окончания рабочего дня Анатолий Петрович решил посвятить визитам к директору школы и председателю сельсовета. Обоих он хорошо знал. С первым, Иваном Абрамовичем Хорошиловым, познакомился еще тогда, когда, работая мастером по строительству в лес-промхозе, производил в школе капитальный ремонт. Второй, Игорь Сергеевич Моряков был не кто иной, как третий по счету бывший директор совхоза, под началом которого еще два года назад, до своего перевода в район, Анатолий Петрович занимался строительством.

Ивана Абрамовича он застал в рабочем кабинете. Увидев старого знакомого, тот, встав во весь свой двухметровый рост, широко развел длинные руки и, белозубо улыбаясь, не без радости, с легким украинским акцентом произнес:

— Ба! Кто к нам пожаловал!

И, поздоровавшись за руку с Анатолием Петровичем, пригласил его сесть напротив. С минуту молчаливо разглядывал, словно хотел в первую очередь понять, что же изменилось в характере гостя. Потом спросил:

— Что будешь пить: чай, кофе или что-нибудь покрепче, к примеру, хороший армянский коньяк?

— Спасибо, дорогой! Как-нибудь в другой раз, ибо сегодня времени у меня в обрез! А к тебе я приехал за помощью! И шибко надеюсь, что по старой, доброй памяти не откажешь!

— Поверь, все, что в моих силах, сделаю!

— Так вот — тебе, наверное, не по слухам известно о напрочь заросшей капусте в центральном отделении?

— Конечно! Я мимо нее, верней, бурьяна, вымахавшего по пояс и задавившего этим самым бедную культуру, каждую субботу на Старицу рыбачить прохожу и с глубоким огорчением думаю: «Руки, как этот бурьян, повыдергивать да по башке хорошенько дать бы всем без исключения совхозным горе-руководителям!..»

— Это без нас сделают! А ты мне, пожалуйста, отправь с завтрашнего утра всех старшеклассников, которые проходят летнюю практику, на прополку, понятно, не без оказания со стороны совхоза шефской помощи в виде денег. Надо же тебе на что-то организовывать зимой горячее питание!

— Все-то ты, Анатолий Петрович, знаешь! Но поскольку предложение дельное, я его принимаю! Утром жди ребятшек в количестве двадцати — двадцати пяти с учительницей, отвечающей за организацию и проведение практики. А деньги когда на счет школы перечислишь?

— Эх, Иван Абрамович, что ни говори, но своей еврейской хватке ты не изменяешь! Молодец! Куй железо, пока горячо! Но не волнуйся: как только с работой управимся, так сразу же и рассчитаюсь!

— Лады, дорогой, лады!

Председатель сельсовета тоже оказался на месте. И Анатолий Петрович вдохновенно подумал: «Однако мне сегодня определенно везет!..» Но при виде своего бывшего подчиненного Моряков как-то сжался, словно в ожидании плохой весты. Как сидел за столом, так и остался сидеть. Сухо поздоровавшись, еще суше предложил сесть и в немом ожидании устремил на гостя свой татарский взгляд голубых глаз на лоснящемся от жира круглом лице, как бы недовольно вопрошающий: «А тебе-то что от меня надо?..» За год совместной работы Анатолий Петрович хорошо изучил человеческие качества бывшего директора — и не удивился такому казенному приему. Да и что другое можно было ожидать от человека хотя бы потому, что он — вот идиот! — тщательно скрывал свою национальность... Знающие люди рассказывали, что когда к нему пришел его земляк и заговорил с ним на родном языке, то он сделал непонимающий вид — и на русском, без всякого зазрения совести, спросил, чего от него хочет уважаемый посетитель.

Удивляться можно было другому, а именно — как этот совершенно безвольный, не любящий людей, можно сказать, никчемный человек, не сумевший организовать в совхозе работу по выполнению государственного плана производства растениеводческой и животноводческой продукции, за что был с треском уволен с должности директора, но — везет же некоторым людям! — каким-то расчудесным образом занял кресло местного представителя власти. Но время поджимало, ибо в этот вечер Анатолий Петрович, как и обещал перед отъездом из города своей молодой да красивой жене, еще должен был у друга на квартире организовать свадебный вечер. Поэтому он лишь вежливо, но пронизывающим, словно гипнотизирующим, взглядом посмотрел в глаза председателя и попросил его написанный им текст: о просьбе ко всем домохозяйкам и пенсионерам поселка за двойную плату выйти завтра с утра пораньше на прополку капусты — передать несколько раз по поселковому радио, желательно вскоре после окончания рабочего дня. И, неожиданно получив от Морякова утвердительный ответ, не замедлил сухо раскланяться.

От сельсовета, сам управляя повывающим видом, натужно гудящим «уазиком», направился к гостинице, ставшей, по его воле, их с Марией семейным гнездышком. Порывисто, словно весенний ветер, вбежав в дом, застал жену в отдаленной комнате, где была лишь полутораспальная кровать да несколько старых стульев. Правда, на полу был еще постелен синтетический коричневый ковролин. А Мария смотрела в окно с такой глубокой задумчивостью, что сразу не услышала появления мужа. А когда пришла в себя, то посмотрела на него своими карими глазами с легкой

грустинкой, которая придавала им такую бездонную, невольно притягивающую глубину, что хоть ныряй в них душой — и плыви, плыви и плыви, словно по космической бесконечности.

— Так о чем это мы задумались, дорогая жена? — жизнерадостно, с энергичной теплотой в звенящем голосе спросил Анатолий Семенович. — Уж не думаешь ли с сожалением о том, в какую глухомань я тебя завез?

— А вот и не угадал, поскольку та местность, где я родилась и выросла, ничуть не насыщенной жизнью, чем эта. Только там вместо безбрежной тайги на сотни верст вокруг простирается полынная, сухая степь, где единственно, что радует глаз, — так это березовые островки, по-тамошнему называющиеся «колочки».

— Не переживай, милая, — твоя женская судьба сложится удачно! Слово даю! А теперь, будь добра, побыстрее соберись, а то мой друг Иннокентий Авдеев со своей женой Натальей нас уже заждались!

— По какому случаю?!

— А ты разве забыла о моем городском обещании?

— Нет! Но мы же к вечеру не готовились!

— Это не совсем так, ибо еще из города я предупредил друга, чтобы он организовал классную — из свежей осетрины! — закуску, а спиртное: водку, коньяк, вино и шампанское — я захватил с собой!

— То-то, занося рюкзак, я отчетливо слышала, как в нем что-то стеклянное весело позванивало! — сказала Мария и начала быстро приводить себя в соответствующий порядок. □

Продолжение следует.

КРАСНЫМ ОТПЕЧАТОК

БОЛЬШОГО ПАЛЬЦА

Глава 1

Мой ученый брат

«Conflagratam Anno 1677. Fabricatam Anno 1698. Richardo Powell Armiger Thesaurar». Слова, размещенные на четырех панелях, которые образовывали фриз ниже фронтона прекрасной кирпичной галереи, подытоживали историю одного из высоких домов, расположенных в верхнем конце Кингс-Бенч-уок. Когда я несколько рассеянно прочитал надпись, продолжая восхищаться изысканно выполненной резной кирпичной кладкой и спокойным достоинством здания, в пустой раме галереи появилась фигура, своим париком и старомодным одеянием столь близкая старинным декорациям, что, казалось, она завершала картину; и я задержался, чтобы бросить на нее ленивый взгляд. Мужчина остановился в дверном проеме, чтобы перевернуть пачку бумаг, которую держал в руке, и, подняв глаза, встретился со мной взглядом. Мгновение мы безразлично рассматривали друг друга с тем вниманием, которое уделяют друг другу случайные незнакомцы, затем последовала вспышка мгновенного узнавания. Бесстрастное и довольно суровое лицо юриста смягчилось веселой улыбкой, и фигура, отделившись от рамы, спустилась по лестнице, протягивая мне руку в сердечном приветствии.

— Мой дорогой Джервис, — воскликнул он, когда мы тепло пожали друг другу руки, — это восхитительный сюрприз! Как часто я думал о моем старом товарище и гадал, увижу ли я его когда-нибудь снова? И вот!

Он здесь, выброшенный на мелководе Иннер Темпла, как хлеб, пущенный по водам, из крылатого выражения.

— Ваше удивление, Торндайк, ничто по сравнению с моим, — ответил я. — В свое время я простился с уважаемым практикующим врачом, а нахожу его превратившимся в представителя закона, облаченного в парик и мантию.

— Изменения не столь велики, как вы думаете, — рассмеялся в ответ Торндайк. — Гиппократ лишь прячется под мантией Солона, как вы поймете, когда я объясню мою метаморфозу, а я сделаю это сегодня же вечером, если вы не связаны никакими обязательствами.

— Вечером я свободен, — сказал я, — и полностью в вашем распоряжении.

— Тогда приходите в семь. Мы съедем по отбивной, выпьем по пинте кларета и обменяемся автобиографиями. Сейчас у меня нет времени, через несколько минут я должен быть в суде.

— Вы проживаете в этой благородной старой галерее? — спросил я.

— Нет, хотя я очень хочу, чтобы это было так. Моя квартира несколькими этажами ниже — номер «6-А».

На вершине Миддл-Темпл-лейн мы расстались, Торндайк в развевающейся мантии продолжил свой путь в сторону суда, в то время как я направил стопы в сторону Адам-стрит, излюбленного прибежища медицинских деятелей.

Нежный звон колокола на Темпле приглушенно сообщил о наступлении семи часов (словно извиняясь за то, что прервал тишину научных занятий), когда я возник из-под арки Епископского суда и повернул на Кингс-Бенч-уок.

Мощный тротуар был пуст, если не считать единственной фигуры, медленно расхаживавшей перед входом в здание, и хотя парик теперь уступил место фетровой шляпе, а мантия — пиджаку, я без труда узнал в ней моего друга.

— Вы по-прежнему пунктуальны до минуты, как и в старые добрые времена, — увидев меня, улыбнулся Торндайк. — Теперь я познакомлю вас со своим жилищем. Вот мое скромное пристанище.

Мы вошли через главный вход и поднялись по каменной лестнице на первый этаж, где оказались лицом к лицу с массивной дверью, над которой белыми буквами было написано имя моего друга.

— Снаружи довольно непривлекательно, — заметил Торндайк, вставляя ключ в замок, — но внутри довольно уютно. — Он толкнул тяжелую дверь и придержал ее, чтобы пропустить меня. — Вы, вероятно, посчитаете, что моя квартира — некая странная смесь, потому что она сочетает в себе привлекательные стороны конторы, музея, лаборатории и мастерской.

— И ресторана, — добавил невысокий пожилой человек, сжеживавший бутылку кларета посредством стеклянного сифона. — Об этом вы позабыли, сэр.

— Да, Полтон, позабыл, зато вижу, что вы не позабыли. — Торндайк бросил взгляд в сторону небольшого стола, располагавшегося возле огня и уставленного всем необходимым для нашей трапезы.

— Скажите мне, — снова заговорил он, когда мы осуществили первую стремительную атаку на плоды кулинарных экспериментов Полтона, — что произошло с вами с тех пор, как вы шесть лет назад оставили больницу?

— Мою историю можно рассказать быстро, — ответил я не без горечи. — В ней нет ничего исключительного. Мои средства кончились, как вы знаете, довольно неожиданно. Когда я уплатил взносы за экзамен и регистрацию, мой сейф оказался абсолютно пуст, и, хотя, без сомнения, медицинский диплом содержит, говоря словами Джонсона, возможность богатства для тех, кто воздерживается от мечтаний алчности, на практике есть огромная разница между возможностью и действительностью. Я действительно зарабатывал себе средства к существованию, иногда как ассистент, иногда как *locum tenens*. Сейчас у меня нет работы, и мое имя попало в список ждущих свободных вакансий.

Торндайк сжал губы и насупился.

— Страшный позор, Джервис, — сказал он некоторое время спустя, — что человек ваших способностей и знаний должен растрачивать свое время по мелочам на случайных работах, как полуквалифицированный бездельник.

— Верно, — согласился я, — мои достоинства весьма недооцениваются. Но чего вы хотите, мой ученый собрат? Если бедность идет за вами по пятам и опускает невидимый колпачок на ваш светильник в тридцать тысяч свечей, очень вероятно, что его блеск будет погашен.

— Да, полагаю, что это так, — пробормотал Торндайк и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость.

— А теперь, — прервал я его размышления, — представьте обещанное вами объяснение. Я положительно сгораю от любопытства узнать, какая цепочка обстоятельств превратила Джона Ивлина Торндайка из практикующего врача в светило юриспруденции.

— Факты таковы, — благосклонно улыбнулся он, — что такого превращения не произошло. Джон Ивлин Торндайк все еще практикующий врач.

— В парике и мантии! — воскликнул я.

— Да, совершенный баран в волчьей шкуре. Я расскажу вам, как это произошло. После того как вы оставили больницу, я продолжал работать, отказавшись от нескольких мелких должностей и остановившись на хими-

ческих и физических лабораториях и музее. Потом я обратился в суд в надежде стать коронером, но вскоре после этого старый Стедмэн неожиданно ушел в отставку — вы помните Стедмэна, преподавателя судебной медицины, — и я подал заявление на освободившуюся вакансию. К моему удивлению, меня назначили лектором, после чего я выбросил из головы коронерство, занял мою теперешнюю квартиру и стал ждать, что будет дальше.

— И что же произошло дальше?

— Я получил весьма любопытный набор смешанной практики, — ответил Торндайк. — Сначала мне достался всего лишь случайный анализ дела об отравлении, вызывавшего сомнения, но постепенно сфера моего влияния расширилась, и сейчас она включает все дела, в которых специальные знания в области медицины или физики могут быть поставлены на службу закона.

— Но вы, как я вижу, выступаете в суде, — заметил я.

— Очень редко. Чаще я появляюсь в роли этакого *bête noir* судей и адвокатов, то есть научного свидетеля, а в большинстве случаев не появляюсь вообще. Я только руковожу расследованиями, привожу в порядок и анализирую результаты и натаскиваю адвоката, предоставляя ему факты и советы для перекрестного допроса.

— Хорошее занятие, более интересное, чем заменять отсутствующего врача, — произнес я слегка завистливо. — Но вы заслуживаете преуспевания, потому что всегда работали за двоих, не говоря уже о ваших способностях.

— Да, я работал много, — ответил Торндайк, — и продолжаю работать много, но у меня есть время для дела и время для отдыха, в отличие от вас, бедных тружеников общей практики, которые обязаны встать из-за обеденного стола или пробудиться от своего первого сна... Будь проклято это все! Кто это может быть? — вдруг воскликнул он, ибо в этот момент раздался громкий стук в дверь. — Надо посмотреть, кто это, хотя хотелось бы, чтобы люди понимали намек в виде закрытой дубовой двери.

Торндайк пересек комнату и рывком открыл дверь, всем своим видом выражая отнюдь не любезный вопрос.

— Сейчас, конечно, довольно поздно для делового визита, — произнес извиняющийся голос снаружи, — но мой клиент очень хотел видеть вас безотлагательно.

— Входите, мистер Лоули, — довольно сухо проговорил Торндайк, и, пока он придерживал дверь, вошли два посетителя.

Это были двое мужчин — один средних лет, несколько лисьей внешности, похожий на типичного юриста, другой — изящный, красивый молодой человек очень располагающей наружности, хотя в данный момент довольно бледный и напуганный, явно в состоянии сильного возбуждения.

— Я боюсь, — сказал он, бросив взгляд на меня и на обеденный стол, — что наш визит в высшей степени несвоевременен. Если мы действительно беспокоим вас, доктор Торндайк, умоляю, скажите нам, и мы уйдем, мое дело может подождать.

Торндайк бросил острый и любопытный взгляд на молодого человека и ответил уже в гораздо более благожелательном тоне:

— Я полагаю, ваше дело такого рода, что не может ждать, а что касается нашего беспокойства — что ж, мой друг и я, мы оба доктора, а, как вы понимаете, ни один доктор не может назвать какую-либо часть суток безоговорочно своей.

Я поднялся, когда вошли незнакомцы, и теперь сказал, что могу прогуляться по набережной и вернуться позже, но молодой человек перебил меня:

— Умоляю, не уходите! Факты, которые я хочу изложить доктору Торндайку, завтра в это же время будут известны всему миру, так что повода для секретности нет.

— В этом случае, давайте придвинем кресла к огню и незамедлительно перейдем к делу, — предложил Торндайк. — Мы только что закончили обедать и ждали кофе, который, как я слышу, мой слуга уже несет.

Мы передвинули кресла, и, когда Полтон поставил кофе на стол и удалился, мистер Лоули без предисловий приступил к делу.

Глава 2

Погозреваемый

— Я бы предпочел, — начал он, — дать вам общий очерк дела, как оно представляется юридическому уму, а затем мой клиент, мистер Рубен Хорнби, может дополнить мой рассказ деталями, если это необходимо, и ответить на любой вопрос, который вы захотите задать ему.

Мистер Рубен служит в предприятии своего дяди Джона Хорнби, который занимается обработкой золота и серебра и торгует драгоценными металлами. На этом предприятии выполняются и внешние заказы, но главная работа заключается в проверке и обработке образцов золота, присылаемых из неких шахт в Южной Африке.

Около пяти лет назад мистер Рубен и его кузен Уолтер — другой племянник Джона Хорнби — окончили школу и стали работать у своего дяди, собираясь, в конце концов, стать партнерами в фирме и занимая весьма ответственные должности.

А теперь несколько слов о том, как ведется дело в организации мистера Хорнби. Образцы золота передаются в порту уполномоченному пред-

ставителю фирмы — обычно мистеру Рубену или мистеру Уолтеру, — которого присылают, чтобы встретить корабль, и который сопровождает образцы в банк или мастерские, смотря по обстоятельствам. Конечно, прилагаются все усилия, чтобы иметь на дому как можно меньше золота, и оно всегда перевозится в банк при первой же возможности. Но иногда, по непредвиденным обстоятельствам, случается, что весьма ценные образцы должны остаться в доме на всю ночь, так что все здания предприятия оборудованы укрепленными помещениями для их приема, а в личном кабинете начальника стоит мощный сейф под его присмотром. В качестве дополнительной предосторожности, за ним приглядывает и смотритель, который работает ночью и периодически патрулирует помещение.

Теперь об очень странной истории, которая случилась с этим сейфом. Один из клиентов мистера Хорнби в Южной Африке интересуется алмазной шахтой, и, хотя сделки с драгоценными камнями не относятся к делам, которые ведет фирма, он время от времени посылал мистеру Хорнби партии необработанных алмазов, чтобы тот либо оценил их, либо передал посредникам, торгующим алмазами.

Две недели назад мистера Хорнби известили, что партия камней отправлена на судне «Замок «Элмина», эта партия необычайно велика и содержит камни исключительного размера и ценности. С учетом этих обстоятельств мистера Рубена отправили на пристань в ранний час в надежде, что корабль прибудет в такое время, чтобы камни можно было сразу положить в банк. Однако, к сожалению, этого не произошло, и алмазы пришлось взять на предприятие и запереть в сейф.

— Кто поместил их в сейф? — спросил Торндайк.

— Сам мистер Хорнби, которому мистер Рубен передал пакет после своего возвращения из порта.

— Так, и что случилось потом?

— На следующее утро, когда сейф открыли, обнаружилось, что алмазы исчезли.

— Было ли помещение взломано?

— Нет. Оно было закрыто, как обычно, и смотритель, дежуривший, как обычно, ничего не слышал. К тому же сейф был не поврежден снаружи. Очевидно, его открыли ключами и снова закрыли после того, как забрали камни.

— И на чьем попечении были ключи от сейфа? — осведомился Торндайк.

— Мистер Хорнби обычно держит ключи при себе, но иногда, когда он покидает контору, передает их одному из своих племянников — любому, кто в тот момент бывает на месте. Но в данном случае ключи были у него с собой, с того момента, когда он запер сейф, положив в него алмазы, и до момента, когда открыл его на следующее утро.

— Были ли какие-нибудь улики, указывающие на кого-то конкретно?

— Да, — сказал мистер Лоули, бросая взгляд на своего клиента с явным чувством неловкости, — к сожалению, были. Кажется, лицо, извлечшее алмазы, порезало или каким-то образом поцарапало большой или другой палец, потому что на дне сейфа были две капли крови, а на клочке бумаги — одно или два кровавых пятна, кроме того, замечательно отчетливый отпечаток большого пальца.

— Также в крови? — спросил Торндайк.

— Да. Палец, по-видимому, задел одну из этих капель, а затем им нажали на бумагу, когда держали ее в руке. Одним словом, отпечаток большого пальца был опознан как принадлежащий... мистеру Рубену Хорнби.

— Ха! — воскликнул Торндайк. — Сюжет усложняется мексикой. Я предпочел бы набросать несколько заметок, прежде чем вы продолжите.

Он взял из ящичка небольшую записную книжку в бумажном переплете, на обложке которой написал «Мистер Рубен Хорнби», и сделал несколько кратких заметок.

— Теперь, — закончив писать, сказал Торндайк, — касательно этого отпечатка пальца. В правильности опознания, как я полагаю, нет сомнений?

— Ни малейших, — ответил мистер Лоули. — Люди из Скотланд-Ярда, конечно, забрали бумагу, которая была передана руководителю отдела по отпечаткам пальцев для исследования и сравнения с отпечатками в их собрании. В отчете экспертов было сказано, что отпечаток большого пальца не совпадает с каким-либо из отпечатков преступников, которые имеются в их распоряжении. Он очень своеобразен, так как бороздки на луковице большого пальца пересекает рубец от глубокого пореза, делающий отождествление легким и безошибочным, и совпадает во всех отношениях с отпечатком пальца мистера Рубена Хорнби.

— Есть ли какая-нибудь вероятность, — спросил Торндайк, — что бумага, на которой остался отпечаток пальца, могла быть подброшена?

— Нет, — ответил юрист, — совершенно невозможно. Бумага, на которой был найден отпечаток, — это лист из книги для заметок мистера Хорнби. Он записал на нем несколько замечаний относительно алмазов и положил на пакет, перед тем как закрыть сейф.

— Присутствовал ли кто-нибудь при том, как мистер Хорнби открывал сейф утром?

— Нет, он был один. Он сразу увидел, что алмазы отсутствуют, а затем заметил бумагу с отпечатком большого пальца, после чего запер сейф и послал за полицией.

— Не странно ли, что вор не заметил отпечатка пальца, столь индивидуального и заметного?

— Не думаю, — ответил мистер Лоули. — Бумага лежала лицевой стороной вниз на дне сейфа, и мистер Хорнби заметил отпечаток пальца, только когда поднял ее и перевернул.

— Вы упомянули, что эксперты в Скотланд-Ярде опознали этот отпечаток большого пальца как принадлежащий мистеру Рубену Хорнби. Могу я спросить, как они получили возможность сделать сравнение?

— Ах! — воскликнул мистер Лоули. — В связи с этим возникает весьма любопытная история с совпадениями. Полиция, конечно, пожелала взять отпечатки больших пальцев у всех служащих предприятия, но мистер Хорнби отказался дать такое разрешение, сказав, что он не позволит подвергнуть своих племянников такому оскорблению. В его племянниках, главным образом, и была заинтересована полиция, и на мистера Хорнби было оказано серьезное давление, чтобы получить их отпечатки пальцев. Однако он был упрям, отвергая мысль о любом подозрении в отношении того или другого, так как оказывал им полное доверие. Дело так бы и осталось загадкой, если бы не весьма странное обстоятельство.

Вы, возможно, видели в книжных киосках и витринах магазинов приспособление под названием «Пальцеграф», или что-то в этом роде, состоящее из маленькой книжки с чистыми листами для сбора отпечатков пальцев, а также из чернильной подушечки.

— Я видел эти изобретения лукавого, — кивнул Торндайк.

— Так вот, кажется, несколько месяцев назад миссис Хорнби, жена Джона Хорнби, купила одну из этих игрушек...

— На самом деле, — вмешался Рубен, — это мой кузен Уолтер купил ее и подарил тете.

— Хорошо, это не существенно, — раздраженно проговорил мистер Лоули (хотя я заметил, что Торндайк отметил этот факт в своей записной книжке), — в любом случае миссис Хорнби стала обладательницей одного из этих приспособлений и начала наполнять его отпечатками пальцев своих друзей, включая двух племянников. А вчера случилось так, что детектив, ведущий это дело, позвонил в дом мистера Хорнби, когда тот отсутствовал, и получил возможность убедить ее воздействовать на своего мужа, чтобы он согласился передать отпечатки больших пальцев ее племянников в Скотланд-Ярд для исследования экспертами. Он указал, что процедура действительно необходима не только в интересах правосудия, но и в интересах самих молодых людей, к которым полиция относилась с большим подозрением. Его можно было отбросить, если показать путем сравнения, что отпечаток пальца не мог быть оставлен никем из них. Более того, оба молодых человека выразили желание пройти проверку, но дядя запретил им это. Затем миссис Хорнби пришла в голову блестящая идея. Она внезапно вспомнила про «Пальцеграф» и, собираясь, наконец, разрешить вопрос, по-

казала детективу книжечку, которая содержала отпечатки обоих больших пальцев мистера Рубена (помимо всех прочих). Так как детектив имел при себе фотографию обличающего отпечатка, сравнение было сделано, и вы можете представить себе ужас и изумление миссис Хорнби, когда стало ясно, что отпечаток левого большого пальца ее племянника мистера Рубена в каждой детали соответствует отпечатку пальца, найденному на сейфе.

В этот момент на сцене появился мистер Хорнби и, конечно, был испуган таким поворотом событий. Он хотел бы замять дело и возместить потерю алмазов из своих собственных средств, но, поскольку это практически означало бы покрыть тяжкое уголовное преступление, он не имел иного выбора, как выступить в качестве обвинителя. В результате был выписан ордер на арест мистера Рубена, оформлен он был сегодня утром, а мой клиент был незамедлительно препровожден на Боу-стрит и обвинен в ограблении.

— Были представлены какие-либо очевидные доказательства? — спросил Торндайк.

— Нет. Заключение освобожден на неделю, залог был принят от двух поручителей, в сумме пятисот фунтов от каждого.

— Что вы посоветовали вашему клиенту?

— Я рекомендовал ему признать вину и положиться на мягкость суда к оступившемуся впервые. Вы сами должны видеть, что это единственная возможная линия защиты.

Молодой человек залился краской, но ничего не сказал.

— Давайте проясним наше положение, — решительно заговорил Торндайк. — Защищаем ли мы невиновного человека или же пытаемся смягчить приговор для человека, который признает, что он виновен?

— На этот вопрос лучше всего ответит наш клиент, — пожал плечами мистер Лоули.

Торндайк направил пытливый взгляд на Рубена Хорнби, заметив:

— Мы спрашиваем не для того, чтобы каким-либо образом обвинить вас, мистер Хорнби, но я должен знать, какую позицию вы собираетесь занять.

— Моя позиция такова, — ответил Рубен. — Я не совершал этой кражи и не знаю ничего о ней или об отпечатке большого пальца, который был найден в сейфе. Я, конечно, не ожидаю, что вы поверите мне, но самым торжественным образом заявляю перед Богом, что я совершенно невиновен в этом преступлении и ничего о нем не знаю.

— Вы далеко не первый невиновный человек, кто сделал такое заявление, — заметил мистер Лоули. — Часто это лучшая политика, если защита безнадежно слаба.

— Это политика, которая не будет выбрана мной, — покачал головой Рубен. — Я могу быть и, возможно, буду осужден и приговорен, но, что бы ни случилось, я буду продолжать настаивать на своей невиновности. Вы дума-

ете, — добавил он, поворачиваясь к Торндайку, — что можете заняться моей защитой? И считаете ли возможным поверить в мою невиновность?

— Это единственное допущение, при котором я соглашусь заняться этим делом, — ответил Торндайк. — Я человек фактов, не адвокат, и, если бы я счел невозможным принять гипотезу о вашей невиновности, то не стал бы тратить время и силы, разыскивая доказательства, ее подтверждающие. Тем не менее, должен вас заверить, что дело представляет огромные сложности, и мы должны быть готовы к тому, что они окажутся неодолимыми, несмотря на все наши усилия.

— Я не ожидаю для себя ничего, кроме обвинительного приговора, — ответил Рубен спокойным и решительным голосом, — и могу принять его как мужчина, если только вы не считаете мою виновность доказанной, а даете мне шанс на защиту — неважно, насколько маленький.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал Торндайк. — Неравные шансы против вас сами по себе побуждают приложить усилия, поскольку я заинтересовался этим делом. А теперь позвольте спросить вас, имеются ли какие-либо рубцы или порезы на ваших пальцах?

Рубен Хорнби протянул обе руки моему коллеге, и я заметил, что они были сильными и красивыми, как руки искусного ремесленника, хотя за ними безупречно ухаживали. Торндайк установил на столе большой конденсатор, из тех, что используются для микроскопической работы, и, взяв руку своего клиента, направил яркое пятно света на каждый палец по очереди, исследуя с помощью карманных линз их кончики и участки вокруг ногтей.

— Прекрасная рука, — сказал он, одобрительно рассматривая ее, — но я не вижу никакого следа рубца ни на правой, ни на левой. Не хотите взглянуть, Джервис? Кража имела место две недели назад, так что было время для того, чтобы маленький шрам или рубец затянулся и полностью исчез. Однако этот факт стоит отметить.

Он передал мне лупу, и я тщательно исследовал каждую часть обеих рук, не заметив ни малейшего следа какой-либо недавней раны.

— Есть еще один вопрос, которому мы должны уделить внимание, прежде чем вы уйдете, — сказал Торндайк, нажимая кнопку электрического звонка рядом со своим креслом. — Я возьму у вас один или два отпечатка левого большого пальца.

В ответ на вызов из своего логова, являвшегося, видимо, лабораторией, появился Полтон и, получив инструкции, удалился, а через некоторое время вернулся, неся ящик, который положил на стол. Из этого вместилца Торндайк извлек яркую медную пластину, вставленную в плиту из твердой древесины, маленький вал печатника, тюбик чернил для снятия отпечатков пальцев и ряд белых блестящих карточек.

— Ну, мистер Хорнби, — сказал он, — ваши руки, как я вижу, выше всякой критики в отношении чистоты, но мы, несмотря на это, наведем на большой палец окончательный глянец.

Он принялся чистить луковицу большого пальца хорошо намоченной щеточкой для ногтей из барсучьего волоса, потом, ополоснув его в воде, высушил шелковым носовым платком и вытер кусочком замши. Подготовив таким образом палец, выдавил каплю густых чернил на медную пластину и размазал ее валиком, время от времени проверяя качество получающейся пленки, касаясь плиты кончиком своего пальца и оставляя отпечаток на одной из карточек.

Когда чернила были раскатаны до требуемой тонины, он взял руку Рубена и проворно прижал большой палец к раскатной плите, затем, перенеся его к одной из карточек, вновь надавил на палец, и на карточке остался отчетливый отпечаток большого пальца. Этот маневр был повторен дюжину раз на двух карточках, каждая из которых, таким образом, получила шесть отпечатков.

— А теперь, — сказал Торндайк, — когда мы снабжены всем возможным материалом для сравнения, возьмем кровавый отпечаток. — Проколов собственный большой палец иголкой, он выдавил большую каплю крови на карточку и с улыбкой заметил: — Не каждый юрист прольет кровь в интересах своего клиента.

Сделав дюжину отпечатков и поставив номер напротив каждого, он снова заговорил:

— Теперь мы снабжены материалом для первоначального расследования, и, если вы дадите мне ваш адрес, мистер Хорнби, мы можем рассматривать наше дело на данный момент законченным. Я должен извиниться перед вами, мистер Лоули, что задержал вас своими опытами так долго.

Юрист действительно наблюдал за происходящим с плохо скрытым нетерпением и поднялся с очевидным облегчением оттого, что все закончилось.

— Мне было в высшей степени интересно, — лживо заявил он, — хотя признаюсь, что не вполне понимаю ваши намерения. И, кстати, я бы хотел сказать вам несколько слов на другую тему, если мистер Рубен не возражает подождать меня на улице несколько минут.

— Вовсе нет, — ответил тот. — Не торопитесь из-за меня, мое время принадлежит мне — пока что. — И протянул на прощание руку Торндайку.

— До свидания, мистер Хорнби, — сердечно пожал ее доктор. — Не будьте неумеренно оптимистичны, но в то же время не падайте духом. Сохраняйте здравомыслие и дайте мне знать сразу же, как с вами произойдет что-то, что может иметь отношение к делу.

Молодой человек вышел, и, когда дверь за ним закрылась, мистер Лоули повернулся к Торндайку:

— Я подумал, что лучше перекинуться с вами словечком наедине. Хотелось бы узнать, какой линии вы предлагаете держаться, потому что, признаюсь, ваша позиция совершенно меня озадачила.

— Какую линию предложили бы вы? — спросил Торндайк.

— Ну, — пожал плечами юрист, — положение, кажется, следующее: наш юный друг украл пакет с алмазами и был узнан, это то, как дело представляется мне.

— Но совсем не то, как представляется мне, — сухо обронил Торндайк. — Он мог взять алмазы, а мог и не взять. У меня нет возможности судить, пока я не проанализирую свидетельства и не получу больше фактов. Поэтому, полагаю, что мы отложим рассмотрение нашего плана, пока я не увижу, какую линию защиты можно принять.

— Как вам угодно, — кивнул мистер Лоули, беря свою шляпу, — но боюсь, что вы поощряете юного негодяя развлекаться надеждами, которые только сделают его падение более тяжелым — не говоря уже о нашем собственном положении. Мы не хотим выставить себя посмешищем в суде, знаете ли.

— И я, естественно, не хочу, — согласился Торндайк. — Однако я рассмотрю дело и свяжусь с вами в течение дня или двух.

Он стоял, держа дверь открытой, пока юрист спускался по лестнице, а когда шаги, наконец, затихли, резко закрыл ее и повернулся ко мне с видом, выражающим досаду:

— «Юный негодяй» не показался мне очень счастливым в выборе солиситора. Кстати, Джервис, насколько я понимаю, вы сейчас без работы?

— Да, — ответил я.

— Не хотите ли помочь мне — на деловой основе, разумеется, — поработать над этим делом? У меня на руках много другой работы, и ваша помощь имела бы для меня огромную ценность.

Я сказал, не погрешив против истины, что был бы счастлив.

— Тогда приходите к завтраку, мы обговорим сроки, и вы сможете сразу приступить к своим обязанностям. А теперь давайте закурим трубки и продолжим нашу беседу, как если бы взволнованные клиенты и тупоголовые солиситоры не существовали.

Глава 3

Леги в деле

Когда я появился в квартире Торндайка на следующее утро, то нашел моего друга уже погруженным в работу. Завтрак был накрыт на одном конце

стола, в то время как на другом стоял микроскоп того типа, который используется для изучения микроорганизмов, культивируемых на чашках, на его широкой подставке была одна из карточек с шестью кровавыми отпечатками пальцев. Конденсатор направлял яркое пятно света на карточку, которую изучал Торндайк.

— Вижу, вы начали работать над нашей проблемой, — заметил я, когда, в ответ на двойной сигнал электрического звонка, вошел Полтон со всем необходимым для нашей трапезы. — Однако я не могу вообразить, каким путем вы собираетесь пойти. Мне его дело кажется настолько безнадежным, насколько можно представить. Не хочу осуждать его, но его невиновность кажется почти невыносимой.

— Дело, безусловно, выглядит безнадежным, — согласился Торндайк, — и в настоящий момент я не вижу выхода. Но я придерживаюсь правила во всех случаях начинать с классических линий индуктивного исследования — собираю факты, выдвигаю гипотезы, проверяю их и стремлюсь к подтверждению. В нашем случае, принимая во внимание, что ограбление действительно имело место, мы можем выдвинуть четыре приемлемых гипотезы: первое — ограбление было совершено Рубеном Хорнби, второе — оно было совершено Уолтером Хорнби, третье — оно было совершено Джоном Хорнби, и, наконец, четвертое — каким-то другим лицом или лицами. Последней гипотезой я предлагаю пока пренебречь и ограничиться исследованием трех остальных.

— Вы считаете возможным, что мистер Хорнби мог украсть алмазы из своего собственного сейфа? — воскликнул я.

— В настоящий момент я не склоняюсь ни к одной из версий, только излагаю гипотезы. Джон Хорнби имел доступ к алмазам, следовательно, он мог украсть их.

— Но отпечаток пальца, мой дорогой друг! — воскликнул я. — Что вы можете поделать с ним?

— Не знаю, что я могу, — невозмутимо ответил Торндайк, — но вижу, вы придерживаетесь той же точки зрения, что и полиция, которая упорно рассматривает отпечаток пальца как волшебный критерий, последнее доказательство, за пределы которого расследование не имеет необходимости идти. Это существенная ошибка. Отпечаток пальца — это только факт, очень важный и значительный, признаю, но всего лишь факт, который, как и любой другой, должен быть взвешен и измерен в отношении его доказательной ценности.

— И с чего вы предлагаете начать?

— Сначала я удостоверюсь в том, что подозрительный отпечаток большого пальца идентичен с отпечатком Рубена Хорнби — в чем, однако, у меня очень мало сомнений, потому что эксперты по отпечаткам пальцев заслуживают безусловного доверия в своей области.

— А затем?

— Соберу свежие факты, рассчитывая на вашу помощь, и, если мы закончили завтрак, я могу познакомить вас с вашими новыми обязанностями.

Он встал и позвонил, а затем, принеся из конторы четыре маленьких блокнота в бумажной обложке, положил их передо мной на стол.

— Один из этих блокнотов мы посвятим данным относительно Рубена Хорнби. Вы узнаете все, что сможете, не важно, насколько тривиальным или на первый взгляд незначительным оно будет, и занесете в этот блокнот. — Он написал на обложке «Рубен Хорнби» и передал блокнот мне. — В этот второй блокнот вы занесете аналогичным образом все, что сможете узнать об Уолтере Хорнби, а в третий блокнот — данные относительно Джона Хорнби. Четвертый блокнот вы придержите для отдельных фактов, связанных с делом, но не подходящих ни под одну из этих рубрик. А теперь взглянем на продукт производства Полтона.

Он взял из рук помощника фотографию десяти дюймов в длину и восьми в ширину, сделанную на лощеной бромированной бумаге и прочно посаженную на жесткую карточку. Она демонстрировала сильно увеличенное факсимиле одного из отпечатков пальца, где все малейшие детали были ясно видны невооруженным глазом.

— Превосходное увеличение, Полтон! — одобрительно сказал Торндайк. — Видите, Джервис, мы сфотографировали отпечаток большого пальца, наложив на него нумерованный микрометр, разделенный на квадратики размером в одну двенадцатую дюйма. Увеличение восьмикратное, так что квадратики — каждый две трети дюйма в поперечнике. У меня есть несколько этих микрометров с различными шкалами, и я нахожу их бесценными в исследовании чеков, сомнительных подписей и тому подобного. Я вижу, вы упаковали камеру и микроскоп, Полтон, а микрометр взяли?

— Да, сэр, — ответил тот, — и шестидюймовый объектив, и маломощный окуляр, все в этом ящике.

— Тогда мы выступим и бросим вызов львам Скотланд-Ярда в их собственной берлоге, — сказал Торндайк, надевая шляпу и перчатки.

— Но, — заметил я, — вы же не собираетесь тащить огромный микроскоп в Скотланд-Ярд, когда вам нужно только восьмикратное увеличение. Нет ли у вас анатомического микроскопа или какого-нибудь другого переносного инструмента?

— У нас есть самый восхитительный инструмент анатомического типа собственного изготовления Полтона — он вам его покажет. Но мне может понадобиться более мощный инструмент — и здесь позвольте предостеречь вас: что бы я ни делал, ничего не говорите при чиновниках. Мы ищем информацию, а не даем ее, вы же понимаете.

В этот момент маленький медный молоток на двери издал робкий и извиняющийся стук.

— Что за дьявол это может быть? — проворчал Торндайк, ставя микроскоп обратно на стол. Он шагнул к двери, открыл ее несколько резко, но тут же сорвал с головы шляпу, и я увидел стоящую на пороге леди.

— Доктор Торндайк? — спросила она, и, когда мой коллега поклонился, продолжила: — Я должна была написать, чтобы попросить о встрече, но дело довольно срочное — оно касается мистера Рубена Хорнби, и я узнала от него только сегодня утром, что он консультировался с вами.

— Прошу, войдите, — пригласил Торндайк. — Доктор Джервис и я как раз собираемся в Скотланд-Ярд именно по этому делу. Позвольте мне представить вас моему коллеге, который работает над этим делом вместе со мной.

Наша посетительница, высокая красивая девушка лет двадцати, ответила на мой поклон и сказала с совершенным самообладанием:

— Мое имя — Гибсон, мисс Джульет Гибсон. Мое дело очень простого характера и не отнимет у вас больше нескольких минут. — Она села в кресло, которое предложил ей Торндайк, и продолжила в живой и деловой манере: — Я должна сказать вам, кто я, чтобы объяснить мой визит. Последние шесть лет я жила с мистером и миссис Хорнби, хотя не состою с ними в родстве. Впервые я вошла в дом в качестве чего-то вроде компаньонки миссис Хорнби, хотя, так как в то время мне было лишь пятнадцать лет, мои обязанности были не очень обременительными. В действительности, я думаю, миссис Хорнби взяла меня, потому что я была сиротой, а у нее не было своих детей.

Три года назад я получила небольшое состояние, которое сделало меня независимой, но я была так счастлива с моими милыми друзьями, что попросила позволения остаться с ними, и с тех пор жила на положении приемной дочери. Естественно, я наблюдала грандиозную деятельность их племянников, которые проводили в доме значительную часть времени, и мне не нужно говорить вам, что ужасное обвинение против Рубена было для нас подобно удару молнии. Я пришла к вам вот почему: я не верю, что Рубен украл эти алмазы. Это совершенно противоречит всему моему опыту общения с ним. Я убеждена, что он невиновен, и готова отстаивать свое мнение.

— Каким образом? — спросил Торндайк.

— Увеличивая военные ресурсы, — ответила мисс Гибсон. — Я понимаю, что юридический совет и помощь требуют существенных затрат.

— Боюсь, что вы хорошо информированы, — заметил Торндайк.

— Финансовые источники Рубена, я уверена, не очень обширны, так что необходимо, чтобы друзья поддержали его, и я хочу вас уверить: ничто из того, что может помочь доказать его невиновность, не останется неза-

ным, если я буду отвечать за все расходы, которые он не сможет понести. Я предпочту, конечно, не фигурировать в деле, если этого можно избежать.

— Ваша дружба в высшей степени практического рода, мисс Гибсон, — сказал мой коллега с улыбкой. — На самом деле расходы не составляют для меня проблемы. Если хотите поупражняться в щедрости, обратитесь к солиситору мистера Рубена через вашего опекуна, мистера Хорнби, и с согласия обвиняемого. Но я не думаю, что такой случай возникнет, хотя очень рад вашему приходу, потому что вы можете оказать нам ценную помощь другими способами. Например, вы могли бы ответить на один или два вопроса, по видимости, не относящихся к делу.

— Я не считаю не относящимся к делу никакой вопрос из тех, что вы сочтете нужным задать, — ответила наша посетительница.

— Тогда осмелюсь поинтересоваться, существуют ли какие-либо особые отношения между вами и мистером Рубеном?

— Вы ищете неизбежный для женщины мотив, — слегка вспыхнула мисс Гибсон. — Нет, не было никаких нежных отношений между Рубеном и мной. На самом деле, то, что я могу назвать склонностью, существует в другой области — Уолтер Хорнби.

— Вы хотите сказать, что обручены с мистером Уолтером?

— О, нет! Но он просил меня выйти за него замуж, причем, не один раз, и я действительно полагаю, что он искренне привязан ко мне. Правда, у меня около шести сотен дохода в год, и я неплохая партия для молодого человека вроде Уолтера, у которого нет ни собственности, ни надежд, но, как я уже сказала, полагаю, что он довольно искренен в своих заверениях, и его привлекают не только мои деньги. И все же, хотя мне было бы жаль приложить к Уолтеру Хорнби слово «корыстный», я никогда не встречала молодого человека, который придавал бы большее значение деньгам. Он собирается преуспеть в жизни, и я не сомневаюсь, что преуспеет.

— Насколько я понимаю, вы отказали ему?

— Да. Мои чувства в отношении него чисто дружеские, а этого мало, чтобы думать о браке с ним.

— А теперь вернемся на минуту к мистеру Рубену. Вы давно его знаете?

— Да, где-то лет шесть, — ответила мисс Гибсон. — И, опираясь на мои собственные наблюдения, могу сказать, что не знаю случая, когда бы он сказал неправду или совершил бесчестное деяние. Воровство — это просто смешно! Его привычки всегда были недорогими и умеренными, он совершенно лишен честолюбия, и в отношении к «главному шансу» его безразличие так же бросается в глаза, как и пылкость Уолтера. Он щедрый человек, хотя осторожен и прилежен.

— Благодарю вас, мисс Гибсон, — сказал Торндайк. — Мы обратимся к вам за дальнейшей информацией, по мере того как дело будет продви-

гаться. Я уверен, что вы, с вашей ясной головой и восхитительной искренностью, сможете помочь нам, если захотите. Оставьте нам вашу карточку, доктор Джервис и я будем сообщать вам о нашем расследовании и обратимся к вам за помощью, если она понадобится.

После того как наша прекрасная посетительница нас покинула, Торндайк минуту или чуть больше стоял, уставившись на огонь. Затем, быстро взглянув на часы, снова надел шляпу, схватил микроскоп, вручил мне футляр с фотоаппаратом и направился к двери.

— Как бежит время! — заметил он, когда мы спустились по лестнице. — Но оно не потеряно даром, не так ли?

— Думаю, что нет, — неуверенно ответил я.

— Вы думаете, нет! Перед нами такая милая маленькая проблема, какую вы только могли бы пожелать, и ваше дело решить ее.

— Вы имеете в виду отношения мисс Гибсон с этими двумя молодыми людьми? Это как-то связано с нашей проблемой?

— Безусловно, — ответил Торндайк. — На этом предварительном этапе все связано с нашей проблемой.

— Хорошо, тогда, для начала, она не слишком без ума от Уолтера Хорнби.

— Вы правы, — согласился Торндайк с мягкой улыбкой, — осмотри-тельный Уолтер не сумел внушить девушке великой страсти.

— Далее, если бы я был искателем руки мисс Гибсон, думаю, я бы скорее стоял в туфлях Рубена, чем Уолтера.

— Здесь я снова с вами, — кивнул Торндайк. — Продолжайте.

— Ну, наша прекрасная посетительница создала у меня впечатление, что ее очевидное восхищение характером Рубена умеряется чем-то, что она слышала от третьих лиц. Ее выражение, «опираясь на мои собственные наблюдения за ним», кажется, подразумевает, что ее наблюдения не совпадают с чьими-то еще.

— Молодец! — воскликнул Торндайк, хлопая меня по спине, к неприкрытому удивлению полицейского, мимо которого мы проходили. — Это то, что я надеялся в вас найти, — способность замечать самую суть в, казалось бы, очевидном. Да, кто-то действительно говорил что-то о нашем клиенте, и мы должны узнать, что было сказано, и кто именно говорил. Мы должны найти повод для новой беседы с мисс Гибсон.

К этому времени мы уже добрались до Скотланд-Ярда и шли по узкому коридору, когда встретили одетого в форму сотрудника, который остановился и приветствовал моего коллегу.

— А я полагал, что мы вскоре должны увидеть вас здесь, доктор, — сердечно проговорил он. — Сегодня утром я слышал, что вы занимаетесь этим делом об отпечатке большого пальца.

— Да, — ответил Торндайк, — я хочу посмотреть, что может быть сделано для защиты.

— Ну, — сказал офицер, — вы преподнесли нам изрядное множество сюрпризов, но преподнесете больший, если сможете сделать что-нибудь для нее. Это самый твердый орешек, который когда-либо пытались разгрызть ваши зубы — а у вас довольно-таки крепкие зубы, скажу я вам. Вам лучше пройти в кабинет мистера Синглтона. — И он проводил нас по коридору в большую, просто обставленную комнату, где мы нашли степенного джентльмена, сидящего за большим письменным столом.

— Здравствуйте, доктор, — сказал он, вставая и пожимая Торндайку руку. — Могу угадать, зачем вы пришли. Хотите увидеть отпечаток большого пальца, а?

— Совершенно верно, — ответил Торндайк, а затем, представив меня, продолжил: — Мы были партнерами в последней игре, но теперь сидим по разные стороны доски.

— Да, — согласился мистер Синглтон, — и мы собираемся поставить вам мат.

Он открыл ящик стола, достал небольшую папку и извлек из нее лист бумаги, на котором было написано карандашом: «Оставлено Рубеном в 7.3 пополудни, 9.3.01, Дж.Х.» На одном конце листа было темное кровавое пятно, слегка размазанное, видимо, пальцем, оставившим отпечаток, а рядом с ним — два или три мазка меньшего размера и отчетливый отпечаток большого пальца.

Торндайк внимательно вглядывался в бумагу минуту или две, тщательно исследуя по очереди отпечаток пальца и мазки, но не делая замечаний, в то время как мистер Синглтон наблюдал за его бесстрастным лицом с выжидающим любопытством.

— С установлением принадлежности этого отпечатка немного сложностей, — наконец заметил чиновник.

— Вы правы, — согласился Торндайк, — это замечательный оттиск и очень отчетливый экземпляр, даже если не принимать во внимание шрам.

— Да, — ответил мистер Синглтон, — шрам делает его абсолютно убедительным. У вас с собой есть отпечаток, я полагаю?

— Да, — ответил Торндайк и достал из широкого бокового кармана увеличенную фотографию, при взгляде на которую лицо мистера Синглтона расплылось в улыбке:

— Я вижу, вы поделили его на нумерованные квадратики — неплохой план, но наш лучше подходит для этой цели.

Он достал из папки полупластинку с фотографией отпечатка большого пальца, который выглядел увеличенным примерно до четырех дюймов в длину. Отпечаток был снабжен рядом цифр, четко написанных отлично за-

остренным пером, каждая цифра была помещена на «островок», в петлю, в разветвление или в какой-нибудь другой характерный фрагмент рисунка бороздок.

— Эта система отметок каталожными номерами, — сказал мистер Синглтон, — лучше, чем ваш метод квадратиков, потому что номера помещены только в точках, которые важны для сравнения, в то время как ваши квадратики или точки пересечения линий произвольно падают на важные или неважные точки, в зависимости от случая. Кроме того, мы не можем позволить вам разметить наш оригинал, но можем дать фотографию, и вы с таким же успехом ею воспользуетесь. А теперь я должен заняться своей работой, если вы меня извините. Инспектор Джонсон окажет вам любую помощь, какая вам потребуется.

— И посмотрит, чтобы я не положил оригинал в карман, — с улыбкой добавил Торндайк.

— О, я присмотрю за этим, — возвращаясь к своему столу, ухмыльнулся мистер Синглтон.

Торндайк открыл ящик с микроскопом и достал инструмент.

— Вы что, собираетесь поместить его под микроскоп? — воскликнул инспектор.

— Я должен что-то сделать, чтобы оправдать свой гонорар, знаете ли, — ответил Торндайк, устанавливая микроскоп и прикрепляя на револьвер для трех объективов два дополнительных объектива. — Заметьте, никакого обмана нет. — Он взял бумагу со стола мистера Синглтона и поместил ее между двумя длинными узкими полосками стекла.

— Я наблюдаю за вами, сэр, — предупредил мистер Синглтон, следя за Торндайком с пристальным вниманием и огромным интересом, в то время как тот положил стеклянные полоски на держатель и приступил к фокусировке.

Я также наблюдал за Торндайком и был порядком обеспокоен приготовлениями моего коллеги.

Завершив настройки, он опять исследовал пятна крови и отпечаток большого пальца при проходящем и отраженном свете и наскоро набросал одну или две диаграммы в своем блокноте. Затем положил спектроскоп и лампу в ящик, достал микрометр — полоску довольно тонкого стекла размером примерно три дюйма на полтора, и, положив на отпечаток пальца вместо верхней стеклянной пластинки, начал двигать его, сравнивая расположение линий с линиями на большой фотографии, которую держал в руке. После продолжительной настройки и перенастройки он показался удовлетворенным, потому что сказал мне:

— Думаю, я получил линии в том же положении, в котором они находятся на нашем отпечатке, так что мы возьмем с собой фотографию, которую сможем исследовать на досуге.

Он достал фотоаппарат, подготовил его к съемке и, перед тем как начать фотографировать, обратился к нам с инспектором:

— Я попрошу вас сесть и не двигаться, пока я делаю экспозицию. Малейшей вибрации достаточно, чтобы нарушить четкость изображения.

Закончив съемку, он поменял кассету и сделал еще одну экспозицию тем же способом, а затем, передвинув микрометр и заменив его полоской простого стекла, сделал еще две экспозиции.

— Ну, — сказал он с довольным видом, когда начал упаковывать то, что инспектор охарактеризовал как его «ящик фокусника». — Я думаю, теперь у нас есть все данные, которые можно было выжать из Скотланд-Ярда, и я весьма обязан вам, мистер Синглтон, за то, что вы предоставили так много возможностей вашему естественному врагу, представителю защиты.

— Не нашему естественному врагу, — запротестовал мистер Синглтон. — Мы работаем для обвинения, конечно, но не чиним помех на пути защиты. Вы отлично это знаете.

— Конечно, знаю, мой дорогой сэръ, — ответил Торндайк, пожимая чиновнику руку. — Разве я не пользовался вашей помощью множество раз? Но тем не менее я в высшей степени обязан вам. До свидания.

— До свидания, доктор. Желаю вам удачи, хотя боюсь, что в этот раз вы окажетесь в тупике.

— Посмотрим, — ответил Торндайк, и, дружески взмахнув рукой инспектору, он подхватил два ящика и последовал к выходу из здания.

Глава 4

Доверительные сообщения

Пока мы шли домой, мой друг был необычно задумчив и молчалив, а его лицо несло печать сосредоточенности, под которой, как мне казалось, можно было определить, несмотря на привычно бесстрастное выражение, некоторое подавленное возбуждение, доставлявшее ему, однако, удовольствие. Я, однако, воздерживался от замечаний или вопросов, не только потому, что он был занят: исходя из своего знания людей, я рассудил, что он считает себя обязанным держать свои мысли в тайне и не делать мне ненужных доверительных сообщений.

Когда мы прибыли в его квартиру, он сразу же передал камеру Полтону, сделав краткие указания относительно проявления пластинок, и, поскольку ланч уже был готов, мы без промедления сели за стол и молча приступили к нашей трапезе. Через некоторое время Торндайк внезапно положил нож и вилку и с улыбкой посмотрел на меня:

— Мне только что пришло в голову, Джервис, что вы самый лучший компаньон в мире. У вас есть посланный небесами дар молчания.

— Если молчание — критерий качеств компаньона, — ответил я с усмешкой, — думаю, я могу сделать вам такой же комплимент, причем, более выразительно.

— Вам угодно быть саркастичным, как я вижу, но я настаиваю на своей точке зрения, — весело рассмеялся Торндайк. — Способность своевременно сохранять молчание — редчайшее и ценнейшее из достоинств. Кстати, — уже серьезно добавил он, — я сделал одну забавную оплошность.

— Какую же? — спросил я.

— «Пальцеграф». Я не выяснил, располагает ли им полиция, или он все еще находится в распоряжении миссис Хорнби.

— Это важно?

— Не очень, но я должен увидеть его. И, возможно, он даст нам великолепный повод навестить мисс Гибсон. Так как сегодня я занят в больнице, а у Полтона полно работы, было бы хорошо, если бы вы присоединились к компании в Эндсли-Гарденс и попытались побеседовать с мисс Гибсон конфиденциально о нравах и обычаях трех мсье Хорнби. Разузнайте все, что сможете, о характерах и привычках этих трех джентльменов, и пусть вас не смущают соображения деликатности. Для нас важно все, даже имена их портных.

— А в отношении «Пальцеграфа»?

— Выясните, у кого он сейчас, и, если он все еще в распоряжении миссис Хорнби, попросите ее одолжить его нам или, что еще лучше, пусть разрешит сфотографировать его.

— Все будет сделано, как вы сказали, — пообещал я.

Примерно через час я уже приводил в движение колокольчик, висевший на дверях дома Хорнби в Эндсли-Гарденс.

— Мисс Гибсон, сэр? — повторила горничная в ответ на мой вопрос. — Она собиралась уходить, но я не уверена, что она действительно ушла. Если вы войдете, я схожу и посмотрю.

Я последовал за ней в гостиную и, прокладывая себе путь сквозь выводок маленьких столов и разнородной мебели, посредством которой дамы в наше время обращают свои владения в подобие лавки комиссионера, «бросил якорь» по соседству с камином, чтобы подождать горничную.

Ждать пришлось недолго, потому что уже через пару минут мисс Гибсон сама вошла в комнату. На ней были шляпа и перчатки, и я поздравил себя со своевременным прибытием.

— Я не ожидала увидеть вас вновь так скоро, доктор Джервис, — сказала мисс Гибсон, дружелюбно протягивая мне руку, — но вы все равно очень желанный гость. Пришли сообщить мне что-то?

— Наоборот, — ответил я, — пришел спросить вас кое о чем.

— Что ж, это лучше, чем ничего, — с ноткой разочарования протянула она. — Не хотите ли присесть?

Я осторожно уселся на карликовый стул болезненного вида и заговорил:

— Вы помните вещь, именуемую «Пальцеграфом»?

— Очень хорошо помню, — энергично кивнула мисс Гибсон. — Эта вещь была причиной всех неприятностей.

— Не знаете, забрала ли его полиция?

— Один из детективов отвез «Пальцеграф» в Скотланд-Ярд, и они хотели оставить его у себя, но миссис Хорнби была так измучена мыслью о том, что он будет использован в качестве доказательства, что ей позволили взять его обратно. Видите ли, он больше не был им нужен, так как они могли снять отпечаток сами, поскольку имели в своем распоряжении Рубена, на самом деле он предложил взять у него отпечаток сразу же после того, как был арестован, они так и поступили.

— Так что теперь «Пальцеграф» в распоряжении миссис Хорнби?

— Да, если она не уничтожила его. Она говорила, что собирается так поступить.

— Надеюсь, она так не сделала, — с тревогой проговорил я, — потому что доктор Торндайк по некоторым причинам крайне заинтересован в том, чтобы исследовать его.

— Она спустится через несколько минут, и тогда мы это узнаем. Я сказала ей, что вы здесь...

Не успела мисс Гибсон договорить, как дверь гостиной открылась, и в комнату вошла пожилая леди. Она была несколько дородной, с дружжелюбным и безмятежным выражением лица и показалась мне (если быть честным) довольно глупой.

— Это миссис Хорнби, а это — доктор Джервис, — представила нас друг другу мисс Гибсон и продолжила: — Он пришел расспросить о «Пальцеграфе». Вы не уничтожили его, я надеюсь?

— Нет, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби. — Он хранится в моем маленьком бюро. Что доктор Джервис хотел знать о нем?

— Мой коллега, доктор Торндайк, хотел бы исследовать его. Он организует защиту вашего племянника, — пояснил я.

— Да, да, — сказала миссис Хорнби. — Джульет говорит, он прелесть. Вы согласны с ней?

— Ну, — ответил я с сомнением, — я никогда не рассматривал моего коллегу в качестве «прелести», но весьма высокого мнения о нем во всех отношениях.

— Давайте вернемся к причине визита доктора, — перебила меня мисс Гибсон. — Вы дадите ему «Пальцеграф», тетя, чтобы показать его доктору Торндайку?

— О, моя дорогая Джульет, — ответила миссис Хорнби, — я бы сделала все — все, чтобы помочь нашему бедному мальчику. Я никогда не поверю, что он может быть виновным в краже — обычной, вульгарной краже. Здесь какая-то ужасная ошибка — я убеждена в этом, Рубен никогда бы не совершил грабежа, он на это не способен. Бриллианты, скажут тоже! Зачем, спрашиваю я вас, Рубену нужны бриллианты? Они ведь даже не огранены!

А «Пальцеграф» дам вам с огромнейшим удовольствием. Я так рада, что мистер Торндайк хочет посмотреть на него, это вселяет надежду, что он чувствует интерес к делу. Вы можете не возвращать его, доктор Джервис. Когда закончите с ним, бросьте его в огонь. Я не хочу видеть его снова.

— Не знаю, — сказал я, — зачем доктор Торндайк хочет исследовать «Пальцеграф», но, думаю, он может использовать его в качестве доказательства, в этом случае было бы лучше, чтобы эта вещь настоящее время не покидала вашего дома. Доктор Торндайк лишь уполномочил меня попросить вашего разрешения сфотографировать ее.

— О, если ему нужна фотография, — сказала миссис Хорнби, — я могла бы сходить и принести для него уже готовую безо всякого труда. Мой племянник Уолтер, я уверена, сделает для нас одну, если я попрошу его. Он, знаете ли, такой умный, не правда ли, Джульет, дорогая?

— Да, тетя, — быстро ответила мисс Гибсон, — но я думаю, доктор Торндайк охотнее бы сделал фотографию сам.

— Уверен, что это так, — согласился я. — В самом деле, фотография, сделанная другим лицом, будет не очень ему полезна.

— Ах! — воскликнула миссис Хорнби слегка обиженным тоном. — Вы думаете, Уолтер — всего лишь обычный любитель, но если бы я показала вам некоторые фотографии из тех, что он сделал, вы были бы действительно удивлены. Он необычайно талантлив, уверяю вас.

— Вы бы предпочли, чтобы мы доставили книгу в квартиру доктора Торндайка? — спросила мисс Гибсон. — Это сэкономило бы время и избавило бы от беспокойства.

— Она очень нам нужна, — ответил я. — Мой коллега мог бы исследовать ее и решить, что с ней делать. Но это причинит вам столько беспокойства.

— Ничего подобного, — сказала мисс Гибсон. — Вы не против того, чтобы сопровождать меня этим вечером, если тетя не возражает?

— Конечно, нет, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби.

Мисс Гибсон поднялась и, посмотрев на часы, заявила, что ей пора уходить. Я тоже поднялся, чтобы попрощаться, и она заметила:

— Если вы идете в ту же сторону, что и я, доктор Джервис, мы можем отправиться вместе.

Я не замедлил воспользоваться этим приглашением, и несколькими секундами позже мы покинули дом, оставив миссис Хорнби бессмысленно улыбаться нам вслед из открытой двери.

Некоторое время мы поднимались по улице в полном молчании. Но неожиданно мисс Гибсон повернулась ко мне с очень серьезным выражением лица и сказала:

— Я хочу задать вам вопрос, доктор Джервис. Скажите честно, мистер Торндайк надеется спасти бедного Рубена от страшной опасности, которая грозит ему?

Это был довольно острый вопрос, и я немного подумал, прежде чем ответить.

— Могу сказать, что доктор Торндайк взялся за это дело и энергично работает над ним, конечно, он не сделал бы этого, если бы считал его безнадёжным.

— Это весьма обнадеживающая мысль, — улыбнулась она. — Вы ободрили меня больше, чем я могу выразить, и я не хочу задавать вам других вопросов. Правда, есть одна мелочь, не связанная с этим делом. Но она доставила мне много беспокойства, так как до некоторой степени воздвигла барьер между Рубеном и мною, а мы были такими близкими друзьями.

Я расскажу вам об этом, хотя, думаю, вы сочтете меня очень глупой.

Вы должны знать, что Рубен и я проводили много времени вместе, хотя мы были только друзьями. Рубен увлеченно изучает древнее и средневековое искусство, которым я также очень интересуюсь, так что мы обычно посещали музеи и галереи вместе и получали огромное удовольствие, сравнивая наши впечатления. Примерно шесть месяцев назад Уолтер отвел меня в сторону и с очень серьезным видом спросил, какие между Рубеном и мной отношения. Я сочла, что это довольно дерзко с его стороны, но, несмотря на это, честно призналась ему, что Рубен и я — просто друзья, и ничего больше.

— Если так, — сказал он, — я бы посоветовал, чтобы вас не видели вместе так часто.

— Почему нет? — удивилась я.

— Потому что Рубен — отъявленный дурак. Он болтает со своими знакомыми в клубе и, кажется, создает у них впечатление, что молодая леди со средствами и положением влюбилась в него, но он, будучи философом, с душой, превосходящей искушения, которые одолевают обычных смертных, выше и ее обольщений, и ее денежной привлекательности. Я даю вам совет для вашей собственной пользы, и ожидаю, что вы на этом остановитесь. Рубен не должен вам досаждать. Самые лучшие молодые люди часто ведут себя как щеголи и ослы, и у меня нет сомнений, что

люди весьма преувеличили то, что он говорил, однако я подумал, что будет правильным предостеречь вас.

Это сообщение, как вы можете догадаться, очень разозлило меня, и я хотела выяснить все с Рубеном здесь и сейчас. Но Уолтер не одобрил этого — «нет надобности устраивать сцену» — и настоял на строго конфиденциальном характере своего предостережения. И что я должна была делать? Я попыталась проигнорировать его слова и относиться к Рубену, как прежде, но обнаружила, что это невозможно, моя женская гордость была слишком глубоко ранена. Как вы думаете, что я должна была сделать?

Я в некотором замешательстве потер подбородок. Нет нужды говорить, что я был в высшей степени неприятно поражен поведением Уолтера Хорнби и склонен порицать свою прекрасную спутницу за то, что она выслушивала оскорбления в адрес своего кузена в его отсутствие, но я был не в том положении, чтобы бесцеремонно высказываться об особенностях отношений между этими троими.

— Положение кажется мне следующим, — сказал я после паузы, — либо Рубен говорил о вас крайне недостойно и неискренне, либо Уолтер умышленно солгал.

— Да, — согласилась она. — Но какая из двух альтернатив кажется вам более вероятной?

— Трудно сказать. Существует определенная разновидность невеж, имеющих привычку к хвастливому фанфаронству относительно своих побед, но, по-моему, Рубен Хорнби вовсе не похож на этот тип мужчины. Далее, ясно, что линия поведения, которую должен был выбрать Уолтер, если он действительно слышал такие толки, — это решить вопрос с самим Рубеном, вместо того чтобы тайно приходить к вам и наушничать. Это мое мнение, мисс Гибсон, но, конечно, я могу ошибаться. Я догадываюсь, что наши два молодых друга вовсе не являются неразлучными приятелями?

— О, они очень хорошие друзья, но их интересы и взгляды на жизнь довольно разные. Рубен, хотя и превосходный работник в деловые часы, по натуре все тот же студент, в то время как Уолтер — более практичный, человек дела, бесспорно дальновидный и проницательный. Он очень стремится добиться положения в обществе, но, боюсь, слишком любит деньги ради них самих, а это не очень приятная черта в характере молодого человека, верно?

Я согласился, что не очень.

— Непомерная увлеченность денежными делами, — продолжила мисс Гибсон тоном пророчицы, — может повести молодого человека по плохой дорожке. Я иногда испытываю тревожное чувство, что желание Уолтера быть богатым склоняет его обратиться к быстрому и простому методу сделать деньги. У него есть друг — мистер Хортон, — который играет

на фондовой бирже с известным размахом, и я неоднократно подозревала, что Уолтер вовлечен в то, что мистер Хортон называет «маленьким риском».

— Это не кажется мне очень дальновидным поступком, — заметил я с беспристрастной мудростью человека небогатого и, следовательно, свободного от соблазнов.

— Нет, этот поступок не дальновиден, — согласилась она. — Но аферист всегда думает, что выиграет, хотя я не говорю, что Уолтер — аферист. Ну, вот мы и пришли. Спасибо, что проводили меня, и надеюсь, что вы начали чувствовать себя меньшим чужаком в семье Хорнби. Мы придем сегодня вечером ровно в восемь.

Она протянула мне руку с открытой улыбкой и быстро стала подниматься по ступенькам к входной двери. Когда я оглянулся назад, перейдя улицу, она дружески кивнула мне, перед тем как скрыться за дверью.

Глава 5 «Пальцеграф»

Колокол Темпла пробил восемь раз, когда, по просьбе Торндайка, я открыл окованную железом дверь, дождался на площадке наших визитеров и провел их в комнату.

— Я так рада познакомиться с вами, — сказала миссис Хорнби после того, как я представил ее и Торндайка друг другу, — я столько слышала о вас от Джульет.

— Дорогая тетя, — возразила мисс Гибсон, бросив на меня взгляд, — вы создадите у доктора Торндайка ложное впечатление о нашем разговоре. Я только упомянула, что вторглась к нему без предупреждения, а он принял меня снисходительно и вежливо, чего я не заслуживала.

— Мы в высшей степени польщены благосклонным отзывом мисс Гибсон о нас, какова бы ни была форма его выражения, — сказал Торндайк, — и глубоко обязаны вам за то, что вы причинили себе столько беспокойства, чтобы помочь нам.

— Это вовсе не беспокойство, а великое удовольствие, — ответила миссис Хорнби и, открыв свою сумочку, начала крайне неторопливо извлекать ее содержимое, выкладывая его на стол. Содержимое включало в себя кружевной носовой платок, кошелек, визитную карточку, пачку *parier poudre* и еще кое-что из женских мелочей. Затем она выудила из нее маленький пакет, завернутый в почтовую бумагу и перевязанный шелковой нитью, и передала его Торндайку.

— Благодарю вас, — сказал он, разрезав нить, достал из обертки маленькую книгу, на обложке которой было вытеснено слово «Пальцеграф»,

и начал внимательно изучать ее. — А! Вот то, что мы ищем. Очень хороший отпечаток! Я попрошу вас оставить эту книжечку у меня, миссис Хорнби. А, так как, возможно, использую ее в качестве свидетельства на суде, было бы благоразумно, чтобы вы и мисс Гибсон написали свои имена на странице, содержащей отпечаток большого пальца мистера Рубена. Это позволит избежать предположения, что книга была подделана.

Когда обе женщины поставили свои подписи на странице, Торндайк продолжил:

— А теперь мы сделаем увеличенную фотографию этой страницы с отпечатком пальца, мой человек уже ожидает нас, и аппарат готов.

Обе леди охотно согласились, и мы, поднявшись в комнаты этажом выше, где искусник Полтон привык царить в своем одиноком величии, вошли в лабораторию. Это было большое помещение, одна часть которого отводилась под химические исследования, как можно было заключить по полкам с реактивами, колбами, ретортами и другими инструментами, а в другом конце находилась массивная фотокамера. Торндайк тут же начал объяснять устройство этого аппарата нашим посетительницам, в то время как Полтон, установив «Пальцеграф» в держателе, прикрепленном к подставке, приступил к работе. Закончив снимать, он ретировался в комнату меньшего размера, а через какое-то время и мы присоединились к нему. Он уже с бесконечной осторожностью держал еще не высохшие негативы, на которых можно было видеть изображение гротескно колоссального отпечатка пальца.

Торндайк принялся придирчиво разглядывать его, удовлетворительно высказался о его качестве, а затем сообщил миссис Хорнби, что цель ее визита достигнута, и поблагодарил ее за беспокойство.

— Я очень рада, что пришла, — сказала мне мисс Гибсон, когда мы медленно поднимались по Митр-корт вслед за миссис Хорнби и Торндайком. — Я поняла, что дело движется, и что у доктора Торндайка есть что-то на уме. Это безмерно меня ободрило.

— И правильно, — ответил я. — Хотя я и сам не знаю, что делает мой коллега, но тоже чувствую, что он не возился бы так и не тратил бы столько драгоценного времени, если бы у него не было определенной цели и очень существенных оснований для надежды.

— Спасибо вам за эти слова, — тепло проговорила она.

Когда мы с ней дошли до Флит-стрит, то обнаружили, что миссис Хорнби уже устроилась в хэнсомском кебе. Я на прощание пообещал мисс Гибсон, что мы увидимся снова при первой же возможности.

— Вы, кажется, в доверительных отношениях с нашим прекрасным другом, — заметил Торндайк, когда мы повернули обратно. — Вы умеете добиться расположения людей, Джервис.

— Она слишком откровенна и проста, чтобы в этом была необходимость, — ответил я.

— Да. Хорошая девушка, и умная, к тому же хорошенькая. Полагаю, было бы излишним с моей стороны намекать, чтобы вы смотрели в оба?

— В любом случае, я не имею права выступать соперником человека, находящегося в тяжелом положении, — угрюмо произнес я.

— Вы выяснили, как действительно относится мисс Гибсон к Рубену Хорнби?

— Нет, — покачал я головой.

— Это стоило бы узнать, — сказал Торндайк и погрузился в молчание.

Глава 6

Предан суду

Намек Торндайка на возможную опасность, которую таила в себе моя возроставшая близость с Джульет Гибсон, стал для меня полной неожиданностью и привел меня в негодование своей дерзостью. Тем не менее, он дал мне значительную пищу для размышлений. Конечно, было бы абсурдным полагать, что такое до смешного короткое знакомство могло породить настоящее чувство. Я встречался с ней всего три раза и сейчас, исключая деловые отношения, вряд ли имел право на что-то большее, чем поклон при встрече. Однако я не мог не признать, что она возбудила во мне интерес, не имевший отношения к роли, которую девушка играла в драме, разворачивавшейся столь неспешно, и понял, что, если бы не такой человек, как Рубен Хорнби, я бы смотрел на мисс Гибсон с интересом большим, нежели обычный.

Выводы, к которым привели меня мои размышления, были следующими: во-первых, я был эгоистичным ослом, и, во-вторых, мои отношения с мисс Гибсон носили исключительно деловой характер и должны были в будущем оставаться таковыми, с учетом того, что я временно был доверенным лицом Рубена Хорнби.

— Я надеюсь, — заговорил Торндайк, протянув руку за чашкой, — что ваши глубокие раздумья связаны с делом Хорнби; в связи с чем жду сообщения, что загадка решена и тайна раскрыта.

— Почему вы должны ожидать этого? — смущенно спросил я, чувствуя, что краснею.

— Мой дорогой друг, — сказал Торндайк, — вы не сказали ни слова в течение четверти часа, вы поглощали пищу с безжалостной регулярностью сосисочной машины и время от времени делали ужасные гримасы кофейнику.

— Боюсь, я действительно был довольно скучным компаньоном в это утро, — признал я извиняющимся тоном.

— Никоим образом, — ответил Торндайк с усмешкой. — Напротив, я нашел вас одновременно занимательным и поучительным. О! А вот и Энсти!

Поводом для этого восклицания был характерный стук, произведенный, видимо, действием трости о входную дверь, а когда Торндайк вскочил и распахнул ее, послышался музыкальный голос, размеренные модуляции которого сразу выдавали опытного оратора:

— Приветствую вас, мой ученый собрат! Не помешал ли я вашим занятиям? — Тут наш посетитель вошел в комнату, критически осмотрелся вокруг и, заметив меня, стал внимательно изучать через пенсне: — Вижу ли я перед собой еще одного ученого собрата?

— Это мой друг Джервис, о котором вы уже слышали от меня, — сказал Торндайк. — Он вместе с нами занимается этим делом, как вы знаете.

— Эхо вашей славы достигло меня, сэр, — сказал Энсти, протягивая мне руку. — Я горжусь знакомством с вами. Я должен был сразу же узнать вас по портрету вашего бедного дядюшки в Гринвичском госпитале.

— Энсти — шутник, как вы понимаете, — объяснил Торндайк, — но у него бывают периоды просветления. Один из них вскоре наступит, если мы будем терпеливы.

— Терпеливы! — фыркнул наш эксцентричный посетитель. — Это я должен быть терпеливым, когда меня тащат в полицейский суд и другие клоаки беззакония, чтобы защищать обычных воров и грабителей.

— Вы разговаривали с Лоули, как я вижу, — заметил Торндайк.

— Да, и он сказал мне, что нам не на что опереться. Он считает, что знает все.

— Большинство дураков так считает, — возразил Торндайк. — Они достигают своего знания интуитивно — ужасно простая дорога, и к тому же дешевая. Мы отложим нашу защиту, я полагаю, вы согласны с этим?

— Думаю, да. Магистрат безусловно признает его виновным, если только у вас нет несокрушимого алиби.

— Мы постараемся установить алиби, но не будем на это рассчитывать.

— Тогда лучше отложим нашу защиту, — сказал Энсти, — а сейчас пора отправляться в наше паломничество, потому что мы должны быть у Лоули в половине десятого. Джервис идет с нами?

— Да, вам лучше пойти, — повернулся ко мне Торндайк. — Это перенос слушания дела бедного Хорнби, как вы знаете. Мы со своей стороны ничего не будем предпринимать, но, возможно, поймем намерения обвинения.

— В любом случае, я хотел бы услышать все, — сказал я, и мы направились в сторону Линкольнс-Инн, на северной стороне которой располагалась контора мистера Лоули.

— А! — воскликнул солиситор, когда мы вошли. — Рад вас видеть, а то я беспокоился, не было бы слишком поздно, знаете ли. Вы знакомы с мистером Уолтером Хорнби? Не думаю, что знакомы. — Он представил Торндайка и меня кузену нашего клиента, и когда мы пожали друг другу руки, то посмотрели друг на друга со значительным интересом.

— Я слышал о вас от моей тети, — сказал Уолтер. — Она, кажется, относится к вам как к Маскелайну и Куку от юриспруденции. Надеюсь, что вы сможете сотворить чудеса, которых она ожидает. Бедняга кузен! Он выглядит довольно плохо, не так ли?

Я посмотрел на Рубена, который в этот момент говорил с Торндайком, и он, встретившись со мной глазами, протянул мне руку с теплотой, которую я нашел достаточно трогательной. Он, казалось, постарел с тех пор, как я видел его в последний раз, был бледен и довольно худ, но невозмутим в характерной для него манере, и мне показалось, что в целом он переносит свое несчастье очень достойно.

— Кеб у двери, сэ, — сообщил клерк.

— Кеб, — повторил мистер Лоули, с сомнением глядя на меня, — нам нужен омнибус.

— Доктор Джервис и я можем пойти пешком, — предложил Уолтер Хорнби. — Может быть, мы будем на месте не позже вас, а если и нет, это не имеет значения.

— Да, так и поступим, — кивнул мистер Лоули. — Идемте!

Мы вышли на улицу, где напротив тротуара стояла извозчичья карета, и, когда остальные сели в кеб, Торндайк на мгновение остановился рядом со мной.

— Не дайте ему ничего из вас вытянуть, — сказал он вполголоса, не глядя на меня, затем сел в кеб и захлопнул дверцу.

— Что за необычное дело, — заметил Уолтер Хорнби после того, как мы молча шли минуту или две, — ужаснейшая история. Должен признаться, я не могу найти в нем ни головы, ни хвоста.

— Как это? — спросил я.

— Видите ли, существуют, по-видимому, только две возможные теории, и каждая из них кажется немыслимой. С одной стороны, есть Рубен, честнейший человек, насколько я могу судить, совершающий грандиозную и грязную кражу, мотива которой невозможно найти, — потому что он не беден, материально не стеснен и ни в коей мере не алчен. С другой стороны, есть отпечаток большого пальца, который, по мнению экспертов, эквивалентен свидетельству очевидцев и подтверждает, что он совершил кражу. Это положительно сбивает с толку. Вы так не думаете?

— Как вы выразились, — ответил я, — дело необычайно загадочное.

— А как выразились бы вы? — спросил он с плохо скрытым любопытством.

— Я думаю, что, если Рубен таков, каким вы его считаете, дело непростижимо.

— Пожалуй, да, — согласился он, хотя был, видимо, разочарован моим бесцветным ответом.

Он шел молча несколько минут, а затем сказал:

— И все же, видите ли вы какой-нибудь выход из положения? Мы все, естественно, озабочены развязкой этого дела.

— Я знаю не больше, чем вы, а что до Торндайка, то вы с таким же успехом можете подвергать перекрестному допросу уроженца Уитстэбла, как задавать вопросы ему.

— Да, я так и понял со слов Джульет. Но думал, что вы могли составить некоторое представление о линии защиты, работая в лаборатории, — я имею в виду микроскопическую и фотографическую работу.

— Я никогда не был в лаборатории до вчерашнего вечера, когда Торндайк взял меня туда с вашей тетей и мисс Гибсон. Работа там выполняется лабораторным ассистентом, а он прекрасно разбирается в своем деле. Сам Торндайк — это человек, который играет без команды, и никто не знает, какие у него карты, пока он не выложит их на стол.

Мой спутник молчал некоторое время, а потом после паузы продолжил:

— Состояние моего дяди в настоящий момент весьма жалкое из-за этого ужасного дела, добавившегося к его собственным тревогам.

— У него есть какие-то другие заботы? — спросил я.

— Как, вы не слышали? Я думал, вы знаете об этом, иначе не стал бы говорить. Его финансовые дела сейчас несколько запутаны.

— В самом деле?! — воскликнул я, пораженный новым поворотом.

— Да, дела приняли довольно затруднительный оборот, хотя я думаю, что дядя прорвется. Он, кажется, потерял значительную часть капитала на рудниках, но, по-моему, деньги у него еще остались. А тут, вдобавок, эти адские бриллианты! Правда, юристы полагают, что он не ответствен перед законом за пропажу. Так или иначе, завтра состоится встреча кредиторов.

— И что, по-вашему, они сделают?

— Скорее всего, оставят его на время в покое; но, конечно, если дядю обяжут отчитаться за бриллианты, придется «прыгать через обруч», как он сам любит выражаться.

— Бриллианты обладали значительной ценностью?

— Вместе с этим пакетом исчезло от двадцати пяти до тридцати тысяч фунтов.

Я присвистнул. Это было гораздо более крупное дело, чем мне казалось, и, когда мы прибыли в полицейский суд, я размышлял над тем, известен ли Торндайку масштаб кражи.

— Я полагаю, наши друзья уже внутри, — сказал Уолтер. — Они должны были оказаться здесь раньше нас.

Пройдя по коридору и проложив себе путь через толпу зевак, мы оказались перед скамьей солиситоров, где едва успели занять свои места, как началось рассмотрение дела.

Краткое разбирательство, последовавшее за этим, было невыразимо скучным и подавляющим, внушая мысль о беспомощности даже невинного человека, на которого закон наложил свою руку.

Магистрат, человек бесстрастный и сухой, обмакнул перо в чернила, в то время как Рубен, который отказался от залога, был помещен на скамью подсудимых, и ему было зачитано обвинение. Юрист, представлявший полицию, отчитался с таким видом, будто излагал уже проверенные и неоспоримые факты. Затем, когда было сделано заявление «невиновен», вызвали свидетелей. Их было только двое, и первым было названо имя Джона Хорнби.

Я с любопытством взглянул на скамью свидетелей, так как до этого мне не приходилось встречаться с мистером Хорнби. Передо мной стоял пожилой человек, высокий, румяный и хорошо сохранившийся, но с напряженным выражением лица, выдававшим едва сдерживаемое волнение постоянными нервными движениями. Он перечислил события, относившиеся к открытию преступления, во многом теми же словами, которые я слышал от мистера Лоули, хотя значительно больше, чем этот джентльмен, подчеркивал превосходный характер заключенного.

После него был вызван мистер Синглтон из отдела по отпечаткам пальцев Скотланд-Ярда. Он принес бумагу, на которой остался кровавый отпечаток большого пальца мистера Хорнби, изъятую из сейфа, и бумагу с отпечатком, который сделал он сам с большого пальца левой руки заключенного. Эти два отпечатка, утверждал он, были тождественны во всех отношениях.

— И вы считаете, что ошибка невозможна?

— Ошибка невозможна, ваша честь.

Магистрат испытующе посмотрел на Энсти, и тот, поднявшись, сказал:

— Мы откладываем защиту, ваша честь.

Затем магистрат в той же спокойной, деловой манере передал заключенного в руки Центрального Уголовного Суда, отказавшись принять залог за его освобождение, и, когда Рубена увели со скамьи подсудимых, началось рассмотрение следующего дела.

По специальному разрешению властей Рубену было позволено совершить свою поездку в Холлоуэй в кебе, чтобы таким образом избежать ужасов отвратительного, кишящего паразитами тюремного фургона, а пока он ждал кеб, его друзьям было позволено пожелать ему счастливого пути.

— Это тяжелое испытание, Хорнби, — сказал Торндайк, когда мы втроем на несколько мгновений остались одни. — Но не падайте духом, я убежден

в вашей невиновности, и у меня есть серьезная надежда убедить в этом весь мир. — Он пожал Рубену руку и, почувствовав, что самообладание может ему изменить, быстро попрощался с ним, взял меня под руку и пошел прочь.

Поймав на улице кеб, Торндайк быстро вскочил в него, а я вернулся в полицейский суд, чтобы задать некоторые вопросы относительно правил для посетителей в Холлоуэйской тюрьме.

Глава 7

Погвожденные камни и зыбучие пески

Когда я прибыл в Эндсли-Гарденс, мисс Гибсон была дома, а миссис Хорнби, к моему несказанному облегчению, нет. Я благоговел перед нравственными качествами этой леди, но разговор с ней приводил меня на грань умопомешательства.

— Хорошо, что вы пришли, хотя я и так думала, что вы придете, — импульсивно сказала мисс Гибсон, когда мы пожимали друг другу руки. — Вы так сострадательны и человечны — вы и доктор Торндайк, — так свободны от профессиональной чопорности. Моя тетя отправилась повидать мистера Лоули сразу же, как мы получили телеграмму Уолтера.

— Сочувствую ей, — сказал я, — она найдет его достаточно сдержанным.

— Да, мне он очень не нравится. Вы знаете, что он имел дерзость посоветовать Рубену признать себя виновным?

— Он говорил нам об этом, и за свои старания получил заслуженный выговор от Торндайка.

— Я очень рада! — зло воскликнула мисс Гибсон. — Но расскажите мне, что случилось. Уолтер просто сказал: «Дело передано в суд высшей инстанции», что, как мы поняли, означает: «Дело будет рассмотрено на судебном процессе». Защита потерпела неудачу? И где Рубен?

— Защита отложена. Доктор Торндайк считал почти решенным, что дело будет передано в суд, и поэтому решил, что будет важно держать обвинение в неведении относительно линии защиты. Видите ли, если бы полиция знала, что будет делать защита, она могла бы соответственно изменить свои планы.

— Я понимаю, — уныло проговорила она, — но ужасно огорчена. Я надеялась, что доктору Торндайку удастся выиграть дело. Что произошло с Рубеном?

Это был вопрос, которого я боялся больше всего.

— Магистрат отказал в залоге, — устремив взгляд в пол, ответил я после неприятной паузы.

— И?

— Как следствие, Рубен был взят под стражу.

— Вы же не хотите сказать, что они отправили его в тюрьму? — задыхаясь, воскликнула мисс Гибсон.

— Не как осужденного. Он лишь арестован до суда.

— Но он в тюрьме?

— Да, — был вынужден я признать. — В Холлоуэйской тюрьме.

Несколько секунд она смотрела на меня с каменным выражением лица, глаза ее были широко раскрыты, но она молчала. Затем у нее внезапно перехватило дыхание, она отвернулась и, ухватившись за кромку каминной полки, разразилась рыданиями.

Я, в общем, не слишком чувствительный человек и не особенно импульсивный, но я также не камень и не деревянный истукан, чтобы спокойно смотреть на столь естественное и бескорыстное горе этой сильной, преданной женщины. Я сел рядом и, взяв ее руку в свои, пробормотал изрядно охрипшим голосом несколько бессвязных слов утешения.

Через некоторое время она пришла в себя и мягко отняла свою руку.

— Вы должны простить меня за мою несдержанность, — сказала она. — Вы были так милы, и я чувствую, что вы действительно наш друг, мой и Рубена. Но это так ужасно и вызывает такие чудовищные мысли о том, что еще может произойти. До сих пор все казалось лишь кошмаром — пугающим, но ненастоящим. Но то, что он действительно оказался в тюрьме, — просто ужасно! Бедный мальчик! Что с ним будет? Ради милосердия, доктор Джервис, скажите мне, что теперь будет?

Что я мог сделать? Я слышал слова ободрения, сказанные Торндайком Рубену, и знал моего коллегу достаточно хорошо, чтобы чувствовать уверенность: он действительно имел в виду все то, что сказал. Несомненно, я должен был успокоить мисс Гибсон осторожными двусмысленностями, но не мог — она была достойна большего доверия.

— Вы не должны чрезмерно тревожиться о будущем, — сказал я. — Доктор Торндайк убежден в невиновности Рубена и надеется сделать это очевидным для всего света. Но я не должен был сообщать вам это, — добавил я, ощутив легкий укор совести.

— Я знаю, и благодарю вас от всего сердца.

— А что до нынешней неудачи, вы не должны позволять ей расстраивать вас слишком сильно. Попробуйте думать о ней как о хирургической операции, которая сама по себе ужасна, но совершается ради спасения жизни.

— Я попытаюсь сделать так, как вы говорите, — кротко произнесла мисс Гибсон, — но это потрясает — думать о таком утонченном джентль-

мене, как Рубен, находящемся в одной толпе с обычными ворами и убийцами и запертом в клетке, как дикий зверь. Думать о его бесславии и унижении!

— Нет бесславия в том, чтобы быть ошибочно обвиненным, — немного виновато проговорил я. — Оправдание вернет ему его прежнее положение и незапятнанную репутацию, и ничто, кроме воспоминаний о мимолетном неудобстве, не будет его тревожить.

Она в последний раз вытерла слезы и решительно убрала носовой платок.

— Вы вернули мне мужество и прогнали мой страх. Я не могу передать, как я ценю вашу доброту, и не могу выразить вам свою признательность, разве что, пообещав быть отныне храброй и терпеливой и полностью доверять вам. Кажется, я слышу голос моей тети, так что вам лучше ускользнуть, прежде чем путь к отступлению будет отрезан. Но вы еще должны сказать мне, как и когда я смогу увидеть Рубена. Я хочу повидать его так скоро, как это возможно. Бедный! Нельзя, чтобы он хотя бы секунду чувствовал, что друзья забыли его.

— Вы сможете увидеть его завтра, если захотите. Я сам приду повидать его, и, возможно, доктор Торндайк тоже.

— Вы позволите мне заехать в Темпл и пойти с вами? Я не очень вам помешаю? Идти в тюрьму одной довольно тревожно.

— Даже не думайте об этом, — ответил я. — Если вы позвоните в Темпл — это по пути, — мы сможем поехать в Холлоуэй вместе. Вижу, вы решились пойти? Это будет довольно неприятно, как вы, наверное, понимаете.

— Я решила. Когда надо прибыть в Темпл?

— Около двух, если это вам подходит.

— Очень хорошо, я буду пунктуальна. А теперь вы должны идти, иначе будете захвачены в плен. — Она мягко подтолкнула меня к двери и, отнимая руку, добавила: — Я и вполнину не отблагодарила вас и никогда не смогу. До свиданья!

Она вернулась в дом, а я пошел по безлюдной улице, над которой начали кружиться желтоватые завитки тумана, и принялся размышлять на ходу. Какого рода отношения складываются между Джульет Гибсон и мной? И каково мое положение? В отношении нее оно казалось довольно ясным: она была влюблена в Рубена Хорнби, а я был ее хорошим другом, потому что был его другом. Но от меня не укрылся тот факт, что я начал вызывать в ней интерес, который не предвещал ничего хорошего для моего душевного спокойствия.

Я никогда не встречал женщину, которая так полно воплощала бы мое представление о том, какой женщина должна быть. Ее сила и достоинство, ее мягкость и красота совершенно покорили меня, но при этом я прекрасно понимал, что настанет время, когда она перестанет во мне

нуждаться, и для меня не останется ничего другого, как попытаться забыть ее.

Через некоторое время мои мысли приняли новое направление, и я стал размышлять о том, что услышал относительно мистера Хорнби. Это был поразительный поворот, и мне было интересно, какие изменения он внесет в гипотезу, сложившуюся у Торндайка о преступлении. В чем заключалась его теория, я не мог угадать, но все равно пытался определить ее смысл и значение.

В этом я потерпел полную неудачу. Красный отпечаток большого пальца стоял перед моим внутренним взором, вытеснив все остальное. Для меня, как и для любого другого человека, кроме Торндайка, этот факт подводил итог делу и указывал на заключение, которое было неопровержимым. И вдруг мне в голову неожиданно пришла идея, приведшая в движение поразительную цепь новых мыслей.

Мог ли сам мистер Хорнби быть вором? Его крах казался внезапным, но он должен был видеть, что трудности надвигаются. Отпечаток пальца был на листке, который он вырвал из своей записной книжки. Да! Но кто видел, как он вырывал его? Этот факт основывался только на его словах. Может, отпечаток был сделан случайно до этого и забыт Рубеном, или остался не замеченным им? Мистер Хорнби мог хранить эту бумагу с отпечатком, чтобы использовать ее в будущем, а, планируя кражу, мог сделать на ней надпись с датой и положить в сейф, чтобы отвести от себя подозрения...

Я был так возбужден и воодушевлен этими мыслями, что мне не терпелось добраться до дома, сообщить о них Торндайку и посмотреть, как он отреагирует.

На пороге я обнаружил Полтона, озабоченно выглядывавшего на улицу.

— Доктор опаздывает, сэр, — сказал он. — Задержался из-за тумана, я полагаю. В Боро он должен быть довольно густым.

— Да, должно быть так, — ответил я, — судя по тому, как обстоят дела на Стрэнде.

Я вошел и поднялся по лестнице, радуясь перспективе тепла после моих неуютных блужданий по туманным улицам, и Полтон, бросив последний взгляд вдоль улицы, неохотно последовал за мной.

— Я полагаю, сэр, вы бы хотели чаю? — спросил он.

Я ответил, что хочу, и он занялся приготовлениями в своей живой методичной манере, но с необычным для него рассеянным видом.

— Доктор говорил, что будет дома в пять, — заметил Полтон, ставя чайник на поднос.

— Тогда он обманщик, — усмехнулся я, — и нам придется выпить его чай.

— Доктор — замечательно пунктуальный человек, сэр, — возразил Полтон. — Как правило, он действует с точностью до минуты.

— Вы не можете действовать с точностью до минуты в лондонском тумане, — несколько нетерпеливо проговорил я, потому что хотел остаться один, чтобы подумать о делах, а нервное беспокойство Полтона страшно раздражало меня.

Маленький человечек, очевидно, почувствовал мое душевное состояние и молча скрылся, оставив меня раскаивающимся и пристыженным.

Глава 8

Погозрительный несчастный случай

Часы Темпла в мягкой и доверительной манере сообщили, что наступила четверть седьмого, в чем их мужественно поддержал «коллега» с каминной полки, однако, никаких признаков Торндайка не было. Это действительно выглядело немного странно, потому что он был воплощением пунктуальности, к тому же я сгорал от нетерпения сообщить ему свои новости, поэтому, открыв дверь, я вышел на лестничную площадку и, прислушавшись, услышал звонок хэнсомского кеба, приближающегося от Пэйпер-Билдингс. Наконец он остановился напротив дома, и Полтон, сбегав вниз по лестнице, выскочил на улицу.

— Надеюсь, сэр, вам не очень больно? — донесся до меня его голос, и я увидел Торндайка, который медленно входил в дом, правой рукой опираясь на плечо Полтона. Одежда его была в грязи, левая рука перевязана, а черная косынка под шляпой, очевидно, скрывала бинт.

— Мне вовсе не больно, хотя стыдно выглядеть так, — ответил он и, заметив меня, стоявшего на пороге с испуганным выражением лица, добавил: — Я упал в грязь, Джервис. Обед и платяная щетка — вот что мне главным образом необходимо. — Несмотря на это, он выглядел очень бледным и потрясенным, а в свое большое кресло опустился, как человек очень слабый или очень уставший.

— Как это случилось? — спросил я, когда Полтон на цыпочках удалился, чтобы сделать приготовления к обеду.

Торндайк огляделся, чтобы убедиться, что его «оруженосец» исчез, и заговорил:

— Странное дело, Джервис, очень необычное дело. Я поднимался от Боро и только достиг подножия Лондонского моста, как услышал шум повозки с тяжелым грузом, спускающейся под уклон слишком быстро, если

учесть, что было невозможно видеть больше чем на дюжину ярдов вперед. Я остановился на краю тротуара, чтобы дать ей возможность миновать меня, а когда лошади возникли из тумана, сзади меня появился человек, пошатнувшийся в мою сторону, и я, споткнувшись об его ногу, тут же растянулся на мостовой прямо перед повозкой. Лошади надвигались прямо на меня, и, прежде чем я мог уклониться с их пути, копыто одной из них раздавило мою шляпу и наполовину оглушило меня. Затем ближайшее колесо ударило меня по голове, слегка поранив, и придавило мой рукав, так что я не мог выдернуть руку, с которой, как следствие, оказалась содрана кожа. Повозка прошла очень близко, Джервис, еще дюйм или два, и я бы стал плоским, как морская звезда.

— Что случилось с этим мужчиной? — спросил я.

— Бежал без оглядки. Какая-то подвыпившая женщина подняла меня и проводила обратно в госпиталь. Это, должно быть, было трогательное зрелище, — добавил он, сухо улыбнувшись.

— И, я полагаю, они некоторое время продержали вас там, чтобы привести в чувство?

— Да. Старина Лэнгдейл настоял, чтобы я полежал час или около того, на случай, если появятся какие-нибудь симптомы сотрясения. Но, слава богу, кажется, обошлось. Однако это странное дело.

— Вы имеете в виду человека, который толкнул вас?

— Да, не могу понять, как я споткнулся об его ногу.

— Вы же не думаете, что он сделал это намеренно?

— Нет, конечно, нет, — ответил он, но, как мне показалось, без большой убежденности, и я собирался прояснить этот вопрос, но тут вновь появился Полтон, и мой друг внезапно сменил тему.

После обеда я пересказал мой разговор с Уолтером Хорнби, с некоторым любопытством наблюдая за лицом Торндайка, чтобы увидеть, какое действие произведет на него эта новая информация. Результат оказался обескураживающим — он не выказал никаких симптомов возбуждения, только спросил:

— Итак, Джон Хорнби занялся рудниками, э? Он должен лучше знать жизнь, в его-то годы. Вы не узнали, как давно начались его трудности?

— Нет. Но вряд ли они были внезапными и непредвиденными.

— Думаю, нет, — согласился Торндайк. — Внезапный кризис часто оказывается гибельным для того, кто регулярно играет на фондовой бирже и платит разницу за большое количество неоплаченных фондов. Но здесь ситуация выглядит так, будто Хорнби действительно покупал эти рудники и платил за них, относясь к ним скорее как к вложениям, чем как к спекуляциям, в противном случае, обесценивание рудников не затронуло бы его так. Было бы интересно знать точно.

— Я считаю, что, если эти затруднения возрастали постепенно в течение некоторого времени, они могли принять острую форму к моменту кражи. И если мы допустим, что у мистера Хорнби действительно были денежные сложности ко дню кражи, мне кажется возможным создать мнение о личности вора, хотя оно почти фантастично.

— Я бы хотел это услышать, — сказал Торндайк, рассматривая меня с живым интересом.

Ободренный его реакцией, я начал излагать теорию преступления, какой она возникла у меня по пути домой в тумане. Когда я закончил, Торндайк некоторое время молчал, задумчиво глядя на огонь, и, наконец, заговорил, не отрывая глаз от красных угольков:

— Эта теория, Джервис, делает честь вашей изобретательности. Мы можем пренебречь ее невероятностью, учитывая, что альтернативные версии почти столь же невероятны. Остается главный вопрос — было ли преступление совершено человеком, оставившим отпечаток пальца? Наличие такого отпечатка сужает круг подозреваемых до Рубена или некоего лица, имеющего доступ к его отпечаткам пальцев.

— Да, понимаю. Выходит, вы считаете мою версию о Джоне Хорнби как злоумышленнике достаточно здоровой?

— Довольно-таки здоровой, — ответил Торндайк. — Прежде всего, она меня развлекла, а новые факты, которые вы собрали, повышают степень ее вероятности. Помните, я сказал, что возможны четыре гипотезы: что кража совершена либо Рубеном, либо Уолтером, либо Джоном Хорнби, либо каким-то другим человеком. Теперь, оставляя в стороне «какого-то другого человека» только на тот случай, если три первые гипотезы неверны, мы остаемся с Рубеном, Уолтером и Джоном. Но, если мы ставим отпечаток большого пальца под вопросом, наиболее вероятным подозреваемым окажется Джон Хорнби, так как он, по общему признанию, имел доступ к бриллиантам, в то время как ничто не указывает, что его имели другие. Однако отпечаток пальца направляет подозрения на Рубена, хотя и не освобождает полностью от подозрений Джона Хорнби. В настоящий момент баланс вероятностей может быть охарактеризован следующим образом: Джон Хорнби, несомненно, имел доступ к бриллиантам и мог украсть их. Но, если отпечаток большого пальца был сделан после того, как он закрыл сейф, и до того, как открыл его снова, некое другое лицо могло иметь доступ к ним и, возможно, является воров.

Отпечаток пальца принадлежит Рубену Хорнби, это факт, который устанавливает с достаточной вероятностью, что он украл бриллианты. Но нет свидетельств, что он имел доступ к ним, а если не имел, то не мог оставить отпечаток в то время, когда он был оставлен.

Однако Джон Хорнби мог заполучить отпечаток Рубена, в этом случае он почти наверняка вор.

Что до Уолтера Хорнби, он тоже мог раздобыть отпечаток пальца Рубена, но нет свидетельств, что он имел доступ либо к бриллиантам, либо к блокноту мистера Хорнби. Таким образом, в его случае вряд ли можно говорить о достаточной вероятности. Как видите, остается много вопросов, на которые пока нет ответов...

После того как мой коллега удалился к себе, что он сделал довольно рано, я долгое время сидел, размышляя над этим исключительным делом, в которое оказался вовлечен. И чем больше я думал о нем, тем более озадаченным себя чувствовал. Если Торндайк не мог предложить иного удовлетворительного объяснения, чем те, что он дал мне сегодня, защита безнадежна, потому что суд вряд ли согласится с его мнением относительно доказательной ценности отпечатков пальцев. Однако он уверил Рубена, что берется защищать его, и выразил убеждение в невинности обвиняемого. Напрашивался вывод, что у него что-то было «в рукаве» — он нашел некие факты, ускользнувшие от моего внимания...

Глава 9

Заключенный

На следующее утро, когда я вышел из своей комнаты, то увидел Полтона, поднимавшегося с подносом, и последовал за ним в комнату моего друга.

— Я не выйду сегодня, — сказал Торндайк, — хотя через некоторое время спущусь вниз. Это весьма неудобно, но нужно принять неизбежное. Я получил удар по голове и, хотя чувствую себя ничуть не хуже, чем обычно, должен прибегнуть к необходимым мерам предосторожности, пока не увижу, что все обошлось без последствий. Вы можете мне перевязать рану на голове и разослать необходимые письма, не так ли?

Я выразил свою готовность сделать все, что потребуется, и, в результате, позавтракав в одиночестве, провел утро в написании и отправке писем разным лицам, которые ожидали визита моего коллеги.

Вскоре после ланча я услышал звонок хэнсомского кеба, спускающегося со стороны Краун-Оффис-роуд.

— А вот и ваш прекрасный компаньон, — сказал Торндайк, которого я познакомил со своими планами. — Передайте Хорнби, чтобы он ничего не боялся, а сами помните, о чем я вас предупреждал. Надеюсь, вам никогда не придется раскаиваться, что вы оказываете мне столь ценные услуги, за которые я в долгу у вас. Идите, не заставляйте ее ждать.

Я сбежал вниз по лестнице и вышел на улицу в тот самый момент, когда кебмен остановился и открыл дверцу.

— Тюрьма Холлоуэй — главный вход, — сказал я, встав на подножку.

— Там нет черного хода, сэр, — ответил тот с усмешкой.

— Вы очень пунктуальны, мисс Гибсон, — устроившись рядом с ней, заметил я, — еще нет половины второго. Полагаю, бесполезно вновь поднимать вопрос о целесообразности этого визита?

— Абсолютно бесполезно, — решительно ответила она, — хотя я понимаю и ценю мотив, побуждающий вас поступать так.

— Тогда, если вы действительно решились, мне стоит подготовить вас к этому суровому испытанию. Боюсь, оно шокирует вас.

— В самом деле? — сказала она. — Это так плохо? Расскажите мне, на что это похоже.

— Порядок такой: каждая клетка делится на ряд небольших пронумерованных боксов. Заключенный запирается в одном, а посетитель — в помещении напротив. Таким образом, они могут видеть друг друга и разговаривать, но не могут передавать какие-либо запрещенные предметы — предосторожность необходимая, о чем едва ли нужно говорить.

— Да, я полагаю, это необходимо, но для порядочных людей это ужасно. Между заключенными должны были бы проводиться различия.

— Почему бы вам не отказаться от свидания и не передать мне послание для Рубена? Он поймет и будет благодарен мне за то, что я вас отговорил.

— Нет, нет! Чем омерзительнее все это, тем необходимее идти. Нельзя позволить ему думать, что пустячного беспокойства или унижения достаточно, чтобы отпугнуть его друзей. Что это за здание впереди?

Мы как раз свернули на спокойную пригородную улицу, на которой, видимо, жили люди с достатком, в конце ее возвышалось здание, выстроенное в форме замка.

— Это и есть тюрьма, — ответил я.

Тем временем кеб въехал на внутренний двор и высадил нас перед огромными воротами. Сказав кебмену, чтобы он подождал нас, я позвонил в колокольчик, и нас быстро впустили в крытый двор, с противоположной стороны которого находились вторые ворота, через прутья которых мы могли видеть внутренний двор и вход в тюрьму. Здесь, пока совершались необходимые формальности, мы обнаружили, что являемся частью многочисленной и весьма пестрой компании, ибо начала приема уже ожидало значительное количество посетителей. Их эмоции были самыми разнообразными: некоторые молчали и, очевидно, были убиты горем; многие были говорливы и возбуждены, в то время как значительная часть — довольно приветлива и даже склонна к шутливости.

Наконец большие железные ворота открылись, и наша группа была «арестована» тюремщиком, который сопровождал нас в часть здания, известную как «крыло». Пока мы шли, я заметил, какое глубокое впечатление произвело на мою спутницу то обстоятельство, что каждая дверь открывалась, чтобы впустить нас, и снова запиралась, как только мы проходили.

— Мне кажется, — сказал я, когда мы приблизились к нашей цели, — что было бы лучше, если бы я повидал Рубена первым, мне немного надо сказать ему, и я не заставлю вас долго ждать.

— Хорошо, — согласно кивнула она.

Минутой позже я обнаружил себя втиснутым в узкий бокс, пропитанный едва уловимым запахом грязи. Деревянные части бокса были отполированы до маслянистой гладкости трением бесчисленных немытых рук и запачканной одежды, а общий его вид побудил меня сунуть руки в карманы и старательно избегать соприкосновения с любой частью помещения, за исключением пола. Напротив входа находилась прочная решетка из проволоки, и через нее я увидел по ту сторону второй решетки Рубена Хорнби. Он был одет с присущей ему аккуратностью, но его лицо было небрито, и на груди висела круглая бирка со знаками «В.31». Эти два изменения в его внешнем виде производили впечатление столь неприятное, что я более чем когда-либо пожалел о решении мисс Гибсон навестить Рубена.

— Весьма любезно с вашей стороны, доктор Джервис, прийти и повидать меня, — сердечно проговорил он, — но я не ожидал вас. Мне сказали, я могу увидеть своих юридических консультантов в боксе для солиситоров.

— Так оно и есть, — ответил я. — Но я пришел сюда, потому что со мной мисс Гибсон.

— Меня это огорчает, — нахмурился Рубен. — Она не должна находиться среди этих подонков.

— Я говорил ей об этом, и еще заметил, что вам это не понравится, но она настояла.

— Я понимаю. Самое плохое в женщинах — они устроят невероятную неразбериху и принесут себя в жертву там, где их об этом никто не просит. Но я не должен быть неблагодарным, она сделала это от всего сердца, и она ужасно славная, эта Джульет.

— Она, — воскликнул я, возмущенный его холодным, неблагодарным тоном, — девушка с благородным сердцем, и ее преданность вам поистине героическая!

— Да, — спокойно ответил Рубен, — мы всегда были очень хорошими друзьями.

Я сделал глубокий вздох и, немного успокоившись, спросил:

— Надеюсь, вы не находите здешние условия нестерпимыми?

— О, нет! Ужасно неприятно, конечно, но могло быть гораздо хуже. Я не возражаю, если это только на неделю или две, и меня поддерживает то, что сказал доктор Торндайк. Надеюсь, он не просто успокаивал меня. В любом случае, я буду обязан ему за то, что он верит в меня, когда весь мир — за исключением тетушки и Джульет — меня осудил.

Затем он рассказал мне кое-какие подробности своей тюремной жизни, и через четверть часа я удалился, чтобы уступить место мисс Гибсон.

Ее разговор с ним был не так долг, как я ожидал. Сознание того, что он может быть услышан в соседних боксах, создавало чувство неловкости и разрушало уединение, не говоря уже о расхолаживающем присутствии тюремщика в проходе.

Когда она присоединилась ко мне, то выглядела рассеянной и очень подавленной — обстоятельство, которое дало мне значительную пищу для размышлений, когда мы в молчании совершали наш путь к главному входу. Нашла ли она Рубена таким же холодным и сухим, как и я? Или же его встреча с девушкой, эмоции которой были настолько взвинчены, могла разрядить напряжение? И потом, возможно, глубокое чувство было только с ее стороны? От всех этих мыслей меня отвлек грохот запора железных ворот. Мгновением позже мы были выпущены через дверь с задвижным окошком во внутренний двор и, когда замок щелкнул позади нас, одновременно испустили вздох облегчения, оказавшись за пределами тюрьмы.

Я усадил мисс Гибсон в кеб и давал ее адрес кучеру, когда заметил, что она смотрит на меня, как мне показалось, с некоторой тоской.

— Могу ли я подвезти вас? — спросила она в ответ на мой полувопросительный взгляд.

Я с благодарностью ухватился за эту возможность:

— Вы можете высадить меня на Кингс-Кросс, если это вас не задержит, — и, дав указания кебмену, сел рядом с ней.

— Не думаю, что Рубен был очень рад меня видеть, — заметила мисс Гибсон через некоторое время, — но все-таки я приду снова. Этой мой долг перед ним и собой.

Я чувствовал, что должен попытаться отговорить ее, но мысль, что ее визиты почти с необходимостью приведут к тому, что я буду сопровождать ее, ослабила мою волю.

— Я так благодарна вам, — продолжала она, — что вы подготовили меня. Это было жутко — увидеть несчастных людей, запертых в клетки, как дикие звери, со страшными бирками, свисающими с их одежды. Я была бы буквально ошеломлена, если бы не знала, чего ожидать.

Пока мы говорили, она несколько воспряла духом, и тогда я рассказал ей о несчастье, постигшем Торндайка.

— Как ужасно! — воскликнула она с искренним участием. — Это чистейшая случайность, что он не был убит на месте. Он очень пострадал? Как вы думаете, будет ли он возражать, если я заеду, чтобы осведомиться о его здоровье?

Я ответил, что он будет только рад ее визиту, и, выйдя из кеба на Кингс-Кросс, подумал, что передо мной открывается перспектива возобновления этого горько-сладкого и слишком опасного общения.

Глава 10

Полтон озадачен

Хватило нескольких дней, чтобы убедиться, что несчастье с Торндайком не привело к действительно печальным последствиям, его раны благополучно заживали, и он был в состоянии заниматься своими обычными делами.

Визит мисс Гибсон прошел в высшей степени удачно, так как моему коллеге было действительно приятно ее внимание, и он принял ее очень сердечно, что привело нашу гостью в восторг.

Торндайк много говорил о Рубене, и я видел, что он мысленно пытается решить затруднительный вопрос об ее отношениях с нашим несчастным клиентом и ее чувствах к нему, но к каким заключениям он пришел, я не мог понять, потому что после ее ухода он был весьма неразговорчив.

Первое свидетельство того, что его деятельность возобновилась, я получил, когда вернулся домой около одиннадцати часов дня и обнаружил, что Полтон уныло слоняется по гостиной, совершая нечто настолько близкое к «весенней уборке», насколько это допустимо в холостяцком быту.

— Здравствуйте, Полтон! — воскликнул я. — Вы решились на час-другой расстаться с лабораторией?

— Нет, сэр, — мрачно ответил он, — это лаборатория рассталась со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Доктор заперся там и закрыл дверь на замок, и он говорит, я не должен ему мешать. Ланч сегодня будет холодным.

— Что он там делает?

— Это именно то, что я хотел бы знать. Меня снедает любопытство. Он проводит эксперименты в связи с некоторыми расследованиями, а обычно за этим должно последовать нечто интересное. Я бы хотел знать, что случится на этот раз.

— Полагаю, в двери лаборатории есть замочная скважина? — заметил я с улыбкой.

— Сэр! — воскликнул Полтон с негодованием. — Доктор Джервис, я удивляюсь вам! — Затем, поняв, что я пошутил, тоже улыбнулся и до-

бавил: — Но замочная скважина есть, если вам угодно попробовать, хотя я держу пари, что мистер Торндайк сразу вас раскусит.

— Вы напускаете таинственности относительно своих дел, вы и доктор, — сказал я.

— Да, — ответил он. — Видите ли, у доктора своеобразное ремесло, и при таком ремесле у него возникают своеобразные тайны. Например, что вы скажете об этом?

Полтон достал из кармана кожаный бумажник, а оттуда — листок бумаги, который передал мне. На нем был четко выполненный рисунок, похожий на комплект шахматных фигур с размерами, написанными на полях.

— Это похоже на пешки стонтоновского образца, — предположил я.

— Именно так подумал и я, но это не пешки. Я должен сделать двадцать четыре таких же, и меня весьма интересует, что доктор собирается делать с ними.

— Возможно, он изобрел новую игру, — пошутил я.

— Он всегда изобретает новые игры и играет в них, главным образом, в судах, а другие игроки, как правило, терпят поражение. Но это трудная задача — двадцать четыре фигурки должны быть сделаны из самшита, наилучшим образом высушенного! Для чего они могут быть предназначены? Полагаю, для чего-то, связанного с теми опытами, которые он в данный момент проводит наверху. — Полтон покачал головой и, осторожно положив рисунок обратно в бумажник, торжественно проговорил: — Сэр, бывают времена, когда доктор заставляет меня подсакивать от любопытства. И сейчас как раз такое время.

Я был не знаком ни с одним из дел, которые вел Торндайк, за исключением дела Рубена Хорнби, а с этим последним я не мог соединить набор из двадцати четырех самшитовых шахматных фигурок. Более того, в этот день я должен был сопровождать Джульет во время ее второго посещения Холлоуэя, и это дало мне обильный материал для размышлений другого рода.

За ланчем Торндайк был оживлен и разговорчив, но не сообщил ничего. У него «была кое-какая работа в лаборатории, которую он должен был сделать сам», сказал он, но никак не намекнул на характер работы, и, когда наша трапеза закончилась, вернулся к своим трудам, оставив меня бродить по комнатам в ожидании, когда раздастся шум кеба, который должен был доставить меня в Холлоуэйскую тюрьму...

Когда я вернулся оттуда в Темпл, гостиняя была пуста и, в результате усилий Полтона по наведению весенней уборки, невероятно опрятна. Мой коллега, видимо, все еще работал в лаборатории, а поскольку его чайный прибор стоял на столе, а чайник с водой располагался на газовой горелке у камина, я заключил, что Полтон также был занят делами и не хотел, чтобы его беспокоили.

Я зажег газ, приготовил себе чай и предался воспоминаниям о событиях этого вечера.

Джульет была, как всегда, очаровательна — прямая, дружелюбная, и непритворно радовалась моему обществу. Я, очевидно, нравился ей, чего она не скрывала, но обращалась со мной свободно, почти с нежностью, как если бы я был ее любимым братом. Во время нашей поездки обнаружилось много тем для разговора. Мы говорили о мистере Хорнби и его делах, и из нашего разговора выяснились некоторые факты, немаловажные для расследования, в которое я был вовлечен.

— Беда, по пословице, не приходит одна, — заметила Джульет о своем приемном дяде. — Помимо неприятностей с Рубеном, возникли проблемы в Сити. Возможно, вы слышали о них.

Я ответил, что Уолтер упоминал об этом в разговоре со мной.

— Ну, — довольно зло сказала Джульет, — мне не вполне ясно, какое участие в этой истории принимает этот «добрый» джентльмен. Выяснилось, довольно случайным образом, что у него самого была большая доля собственности в рудниках, однако он, кажется, «прекратил участвовать в деле», как это называется, и вышел из игры, хотя как ему удалось уплатить такую большую разницу, мы не можем понять. Надо думать, он каким-то образом занял денег.

— Вы знаете, когда рудники начали падать в цене? — спросил я.

— Да, это случилось довольно неожиданно — Уолтер называет это «резким спадом», — всего за несколько дней до кражи. Мистер Хорнби сказал мне об этом только вчера, и при этом напомнил мне смешной случай, который произошел в тот день.

— Что за случай? — поинтересовался я.

— Я случайно порезала палец. Это был довольно глубокий порез, но я не замечала его, пока не обнаружила, что вся моя рука в крови, и тут же упала в обморок на коврик перед камином — это было в кабинете мистера Хорнби, где я как раз наводила порядок. Здесь меня нашел Рубен и сначала ужасно перепугался, затем разорвал свой носовой платок, чтобы перевязать раненый палец. Вы, как врач, наверно, придете в ярость, узнав, что он закрепил импровизированную повязку красной лентой, которую взял с письменного стола, не найдя ничего более подходящего. Когда он ушел, я вновь попыталась прибраться на столе, и, действительно, все выглядело так, будто здесь на самом деле совершено какое-то ужасное преступление, все конверты и бумаги были запятнаны кровью и усеяны отпечатками окровавленных пальцев. Я вспомнила об этом потом, когда был идентифицирован отпечаток большого пальца Рубена, и подумала, что одна из бумаг могла случайно попасть в сейф, но мистер Хорнби ска-

зал мне, что это невозможно, он вырвал лист из книги для заметок, когда убирал бриллианты.

Такова была главная тема нашего разговора, происходившего, пока кеб с грохотом двигался по улицам, направляясь к тюрьме...

Внезапно вспомнив о своих обязательствах, я достал свой блокнот и записывал сказанное, когда Торндайк вошел в комнату.

— Не позволяйте мне мешать вам, Джервис, — сказал он. — Я сделаю себе чашку чая, пока вы заканчиваете писать, а затем вы продемонстрируете дневной улов и повесите свои сети сушиться.

Я быстро закончил свои заметки, потому что с лихорадочным нетерпением хотел услышать комментарии Торндайка, и, когда чайник закипел, начал пересказывать ему в подробностях наш разговор с Джульет.

Он слушал, как обычно, с глубоким вниманием.

— Это очень интересно и важно, — сказал он наконец. — В самом деле, Джервис, вы поистине бесценный помощник. Теперь, я полагаю, вы считаете, что ваша гипотеза получила существенное подтверждение? В свете новых фактов она стала довольно вероятным объяснением всего дела, и, если бы только можно было доказать, что книга для записей мистера Хорнби была среди бумаг на столе, вероятность ее выросла бы до высокой степени. Кстати, странно, что Рубен не вспомнил этот случай, когда я спрашивал его. Конечно, кровавые отпечатки пальцев были обнаружены после того, как он ушел, но можно было бы ожидать, что он вспомнит это обстоятельство.

— Я должен попытаться выяснить, была ли книга для записей мистера Хорнби на столе среди испачканных бумаг, — сказал я.

— Да, это было бы мудро, — ответил он, — хотя не думаю, что эту информацию будет легко раздобыть.

В это время наша беседа была прервана появлением Полтона с чертежной доской в руках, на которой находились двадцать четыре искусно выточенные самшитовые фигурки.

— У Полтона есть проблема для вас, Джервис, — сказал Торндайк. — Он предполагает, что я изобрел новую салонную игру, и пытается вычислить правила. Вы добились успеха, Полтон?

— Нет, сэр, не добился, но, по-моему, один из игроков будет в парике и мантии.

— Возможно, вы правы, — кивнул Торндайк, — хотя вряд ли это далеко вас продвинет. Давайте послушаем, что скажет доктор Джервис.

— Я ничего не могу предположить, — покачал я головой. — Полтон показал мне рисунок сегодня утром, и с тех пор я пытаюсь, без проблеска успеха, угадать, для чего фигурки предназначены.

— Хм, — пробормотал Торндайк, прогуливаясь взад и вперед по комнате с чашкой в руке, — угадать? Мне не нравится слово «угадать» в устах ученого. Что вы подразумеваете под словом «угадать»?

— Я подразумеваю заключение, полученное без опоры на сведения.

— Невозможно! — воскликнул он с напускной суровостью. — Никто, кроме круглого дурака, не получает заключения без опоры на какие-либо сведения.

— Тогда я должен немедленно пересмотреть свое определение. Давайте скажем, что догадка — это заключение, полученное на основе неполной информации.

— Это уже лучше, — усмехнулся Трондайк. — Но, возможно, было бы предпочтительнее сказать, что догадка — это частное заключение, выведенное из фактов, допускающих общее, неопределенное заключение. Легко установить связь, когда знаешь все факты, но, мне кажется, вы располагаете сведениями, на основе которых можно выстроить лишь гипотезу. Может быть, я ошибаюсь, но, думаю, если бы у вас было больше опыта, вы бы поняли, что способны решить проблему такого рода. Что тут требуется, так это творческое воображение и строгая точность в мышлении. Когда вы узнаете, зачем мне нужны эти вещицы — а вы узнаете это в скором времени — возможно, вы удивитесь, что это не приходило вам на ум. А теперь давайте прогуляемся, чтобы освежиться после целого дня работы.

Глава 11

Засада

— Я собираюсь обратиться к вам за помощью в другом деле, — сказал Торндайк днем или двумя позже. — Кажется, имело место самоубийство, но солиситоры из конторы «Грифон» попросили меня прибыть на место происшествия и присутствовать на *post mortem* и дознании. Им удалось устроить все так, что мы сможем покончить с этим в один присест.

— Запутанное дело? — спросил я.

— Я так не думаю, — ответил он. — Выглядит как обычное самоубийство, но никогда нельзя сказать наверняка. Дело становится важным всецело из-за страховки. Вердикт о самоубийстве будет означать выигрыш десяти тысяч фунтов для «Грифона», так что, естественно, директора страстно хотят получить надежное заключение, чтобы дело не повлекло ни малейших расходов.

— Естественно. И когда состоится это дознание?

— Оно назначено на завтра. А в чем дело? Это мешает каким-то вашим планам?

— О, ничего важного, кроме того, от чего я могу немедленно отказаться, чтобы не нарушать ваши планы. — Я неожиданно покраснел, как маринованная капуста, и смущенно добавил: — Если уж вы так отвратительно любопытны, скажу, что мисс Гибсон написала мне от лица миссис Хорнби, прося отобедать с ними в кругу семьи завтра вечером, и час назад я ответил согласием.

— И вы называете это «ничего важного»? — воскликнул Торндайк. — Увы! Век рыцарей прошел! Конечно, вы должны явиться на свидание, я неплохо справлюсь и один.

— Полагаю, мы вернемся слишком поздно для того, чтобы я смог отправиться в Кенсингтон хотя бы прямо со станции?

— Нет, мы не доберемся до Кингс-Кросс раньше часа ночи.

— Тогда я напишу мисс Гибсон и попрошу меня извинить.

— О, я бы этого не хотел, — возразил Торндайк. — Это разочарует их, и в этом действительно нет необходимости.

— Я напишу немедленно, — твердо сказал я, — так что, пожалуйста, не пытайтесь меня отговаривать. Я чувствую себя довольно неудобно при мысли, что все время, которое я нахожусь у вас на службе, только и делал, что бездельничал и развлекался. Возможность сделать что-нибудь стоящее за мое жалованье слишком драгоценна, чтобы дать ей ускользнуть.

— Вы сделаете так, как вам угодно, мой дорогой мальчик, — рассмеялся Торндайк, — но не воображайте, что вы едите хлеб в праздности. Когда увидите дело Хорнби во всех деталях, вы будете удивлены, обнаружив, как велика часть, в распутывании которой вы принимали участие. Польза, приносимая вами, намного превышает ваше скудное жалованье, могу вас уверить.

— Очень любезно с вашей стороны сказать это. — Мне было приятно узнать, что я действительно приношу пользу, а не просто являюсь, как мне уже начало казаться, объектом милосердия.

— А теперь, — продолжил Торндайк, — поскольку вы собираетесь помочь мне в этом деле, я поставлю перед вами задачу. Дело, как я сказал, кажется довольно простым, но никогда нельзя исходить из того, что оно действительно просто. Здесь письмо от солиситоров, излагающее факты в той степени, в какой они известны на сегодняшний день. На полках вы найдете Каспера, Тэйлора, Гая, Ферье и других классиков судебной медицины, а я предложу вам еще одну или две книги, которые могут оказаться вам полезными. Я попросил бы вас сделать выписки и систематизированные заметки обо всем, что может иметь отношение к делу. Мы должны быть готовы к любой случайности, это мое неизменное правило, и, даже если дело окажется довольно простым, работа не пропадает зря, потому что вы приобретаете полезный опыт.

В результате я посвятил остаток дня рассмотрению различных методов, как человек может осуществить свой уход со сцены, на которой разыгрываются людские деяния. Я обнаружил, что это весьма захватывающее занятие, но все же не настолько захватывающее, чтобы я не мог найти время написать письмо мисс Гибсон, в котором я даже указал час нашего возвращения, дабы показать, что я действительно не могу исполнить свое обещание.

Когда мы прибыли на место, наш случай действительно оказался самым очевидным самоубийством, в чем Торндайк и я были, пожалуй, несколько разочарованы: он — поскольку сделал так мало за такое существенное вознаграждение, а я — поскольку не имел возможности использовать свои недавно приобретенные знания.

— Да, — сказал мой коллега, когда мы, завернувшись в пледы, устроились в смежных углах железнодорожного вагона, — это простое дело, и с ним легко мог бы управиться местный солиситор. Но все же мы не потратили время даром, потому что мне приходится делать много работы, за которую не получаю ни фартинга, так что я не жалуюсь, если от случая к случаю обнаруживаю, что получаю плату большую, нежели заслужил. А что касается вас, я считаю, что вы получили большое количество ценных знаний о самоубийстве, а знание, как заметил покойный лорд Бэкон, — это сила.

Поезд, наконец, прибыл на конечную станцию, и мы, зевая и дрожа, вышли на платформу.

— Ба! — воскликнул Торндайк, обертывая свой плед вокруг плеч, — не приветливый это час, четверть второго. Посмотрите, какими озябшими и жалкими выглядят пассажиры. Возьмем кеб или отправимся пешком?

— Думаю, прогулка по холоду будет нам более полезна, — ответил я.

— Я того же мнения, — кивнул Торндайк. — Тогда — вперед! Кстати, заметьте, этот джентльмен, кажется, тоже предпочитает энергичную жизнь, если судить по размеру его цепного колеса. — Он указал на велосипед, остановившийся неподалеку, — это была машина гоночного типа с передачей, по меньшей мере, 90 дюймов.

— Какой-то лихач или гонщик-любитель, вероятно, — сказал я, — который пользуется возможностью носиться по тротуару, когда улицы пусты.

Мы быстро пошли от станции по Грейс-Инн-роуд, в эти часы молчаливой и весьма мрачной, затем свернули на другую улицу, и Торндайк вдруг воскликнул:

— Смотрите, по Гилдфорд-стрит едет велосипедист, не наш ли это энергичный друг со станции?

Я обернулся и тоже увидел человека на велосипеде, но пока мы добирались до Гилдфорд-стрит, длинной, освещенной фонарями улицы, велосипедист уже исчез.

— Давайте пойдем прямо и выйдем на Джон-стрит, — предложил Торндайк. — В этих старых улицах Блумсбери, с их увядшим великолепием и благородной обветшалостью, мне всегда чудится что-то патетическое. Они напоминают мне чинную и немолодую даму в стесненных обстоятельствах, которая... Эй! Что это было?

Сзади отчетливо раздался какой-то слабый звук, за которым сразу последовал звон разбитого окна в цокольном этаже впереди.

Мы оба остановились, как вкопанные, и несколько секунд стояли, уставившись в темноту, из которой донесся звук; затем Торндайк бросился бежать наискосок через улицу, и я немедленно последовал за ним.

Когда мы добежали до другого конца улицы, все неожиданно стихло, ничьих шагов слышно не было.

— Звук определенно донесся отсюда, — сказал Торндайк. — Вперед! — и вновь пустился бежать, жестом попросив меня продолжать следовать прямо, что я и сделал, в несколько прыжков достигнув конца улицы, где оказался узкий проезд. Заглянув туда, я увидел быстро удалявшегося человека на велосипеде. С громким криком: «Держи вора!» — я бросился в погоню, но он мчался вперед с такой ошеломительной скоростью, что, вопреки всем моим усилиям, я не смог догнать его. Беглец свернул на Литтл-Джеймс-стрит и скрылся.

Дальнейшее преследование было абсолютно бесполезным, так что я пошел обратно, задыхаясь и исходя потом от непривычного напряжения. Тут из переулка появился Торндайк и остановился, увидев меня.

— Велосипедист? — лаконично спросил он, когда я подошел.

— Да, — ответил я, — уехал на транспорте с передачей около 90 дюймов.

— А! Он, должно быть, следовал за нами со станции. Вы не заметили, было ли у него что-нибудь с собой?

— Он держал в руке трость. Больше я ничего не видел.

— Какого рода трость?

— Я не мог разглядеть ее отчетливо. Это была толстая трость с чем-то вроде роговой рукоятки. Я заметил ее, когда он проехал под уличным фонарем.

— Ха, — неожиданно воскликнул Торндайк, — а вот и хозяин разбитого окна! Он хотел бы знать, и прочее, и прочее.

На пороге дома с разбитым окном действительно стоял какой-то человек и с тревогой оглядывал улицу.

— Кто-нибудь из вас, джентльмены, знает что-нибудь об этом? — спросил он, указывая на разбитое стекло.

— Да, — ответил Торндайк, — мы проходили мимо, когда это произошло. На самом деле, — добавил он, — как я подозреваю, предмет, разбивший стекло, чем бы он ни был, предназначался нам.

— О! И кто это сделал?

— Не могу сказать, — покачал головой Торндайк, — он ускользнул на велосипеде, и мы не смогли схватить его.

— О! — снова сказал человек, рассматривая нас с возрастающей подозрительностью. — На велосипеде, вот как! Чертовски забавно, не так ли? Как он это сделал?

— Это то, что я хотел бы знать, — сказал Торндайк. — Я вижу, этот дом пустует.

— Да, он пустует, по крайней мере, в нем никто не живет. Я — сторож. Но какое это имеет отношение к делу?

— Только то, — ответил Торндайк, — что предмет — камень, пуля или что бы то ни было — был выпущен, полагаю, в меня, и я хотел бы установить его природу. Не откажите мне в любезности и позвольте на него взглянуть.

Сторож явно предпочел бы отклонить эту просьбу, продолжая подозрительно смотреть то на моего коллегу, то на меня, но, наконец, он повернулся к открытой двери и неприветливо пригласил нас войти.

На полу в углу холла стояла керосиновая лампа, и, закрыв входную дверь, наш проводник поднял ее.

— Вот эта комната, — сказал он, поворачивая в замке ключ и открывая дверь, — ее называют библиотекой, но на простом английском языке она называется «гостиная». — Он вошел и, держа лампу над головой, со злобой уставился на разбитое окно.

Торндайк быстро взглянул в ту сторону, куда пролетел снаряд, а затем сказал:

— Вы видите отметину на стене? — Говоря это, он указывал на стену напротив окна, которая не могла быть задета пулей, вошедшей под таким углом.

Сторож подошел к стене, поднял лампу и стал внимательно всматриваться в нее, а пока он был этим занят, Торндайк быстро нагнулся, что-то поднял и осторожно положил в жилетный карман.

— Я не вижу здесь никакой отметины, — сказал сторож, проводя рукой по стене.

— Возможно, снаряд попал сюда, — предположил Торндайк, указывая на ту стену, которая действительно была на линии огня. — Да, конечно, — добавил он, — это должна быть она — выстрел был сделан с Генри-стрит.

Сторож пересек комнату и направил свет своей лампы на стену, которая была ему указана.

— А! Вот они мы! — воскликнул он с угрюмым удовлетворением, указывая на маленькую выбоину, в которой были вывернуты обои и обнажена штукатурка. — Выглядит почти как след от пули, но вы говорите, что не слышали звука выстрела.

— Нет, — сказал Торндайк, — его не было, видимо, снаряд выпустили из рогатки.

Сторож поставил лампу на пол и стал искать пулю на ощупь, в чем мы оба ему усердно помогали, при этом я не мог подавить легкой улыбки, когда заметил серьезность, с которой Торндайк вглядывался в пол в поисках предмета, который покоился в его жилетном кармане.

Внезапно послышался сильный двойной удар во входную дверь, за которым последовал громкий звонок колокольчика у цокольного этажа.

— Полагаю, это бобби, — проворчал сторож.— Чертова неразбериха из-за ерунды. — И, взяв лампу, вышел, оставив нас в темноте.

Когда он вернулся, его сопровождал дородный констебль, который приветствовал нас дружелюбной улыбкой.

— В нашем районе полно хулиганов, — сказал он, кивая на разбитое окно, — эти ребята любят пошалить. Я слышал, вы проходили мимо, когда это случилось, сэр.

— Да, — ответил Торндайк и дал констеблю краткий отчет об инциденте, который последний выслушал с блокнотом в руке.

— Ну, — сказал он, когда повествование было завершено, — если эти хулиганы собираются перейти к пращам, они устроят здесь веселую жизнь.

— Вы должны арестовать кого-нибудь из них, — возмущенно проговорил сторож.

— Арестовать их! — воскликнул констебль. — Да! А затем магистрат скажет им быть хорошими мальчиками и даст им пять шиллингов из кружки для сбора на нужды бедных, чтобы они купили себе иллюстрированную Библию. У меня есть для них Библия, для этих никчемных шалопаев! — Он свирепо сунул блокнот в карман и прошествовал из комнаты на улицу, куда последовали и мы. — Вы найдете эту пулю или камень, если выметете комнату, — добавил констебль, возвращаясь к своему обходу, — но лучше оставьте это нам. Доброй ночи, сэр!

— К чему такая секретность относительно пули? — поинтересовался я, когда мы с Торндайком отправились вверх по улице.

— Отчасти, чтобы избежать дискуссии со сторожем, — ответил он, — но, главным образом, я был уверен, что мимо будет проходить констебль и, увидев свет, пойдет провести расследование.

— И затем?

— Затем я должен был бы передать этот предмет ему.

— А почему нет? Он представляет особый интерес?

— В настоящий момент он для меня в высшей степени интересен, — ответил Торндайк, посмеиваясь, — потому что я еще не изучил его. У меня есть версия относительно его природы, но я хотел бы ее проверить, прежде чем довериться полиции.

Когда мы пришли домой, он сразу попросил меня зажечь свет и освободить край стола, пока он сходит в мастерскую за кое-какими инструментами. Я отогнул скатерть и, отрегулировав газ таким образом, чтобы осветить эту часть стола, в некотором нетерпении стал ждать его возвращения. Вскоре он появился, неся небольшие тиски, пилу для металла и бутылку с широким горлом.

— Что в этой бутылке? — спросил я, заметив внутри нее металлический предмет.

— Это наш снаряд, который, как я подумал, стоит опустить в дистиллированную воду по причинам, которые сейчас станут ясны.

Он осторожно встряхивал бутылку минуту или около того, а затем хирургическими щипцами вынул предмет и держал его над поверхностью воды, пока с него не стекла вода, после чего аккуратно положил его на листок промокательной бумаги.

Я нагнулся над снарядом и исследовал его с великим любопытством, в то время как Торндайк стоял, глядя на меня почти с таким же интересом.

— Ну, — сказал он после того, как некоторое время созерцал меня в молчании, — что вы видите?

— Я вижу маленький латунный цилиндр, — ответил я, — примерно двух дюймов в длину, и более тонкий, чем обычный графитный карандаш. Один его конец конический, в этом кончике, который, кажется, содержит стальную точку, маленькое отверстие, другой конец плоский, но в центре у него маленький квадратный выступ, по размеру подходящий для ключа, которым заводят часы. Я также вижу маленькое отверстие на боку цилиндра поблизости от плоского конца. Предмет похож на миниатюрную гильзу и, кажется, пустой внутри.

— Пустой, — подтвердил Торндайк. — Вы должны были заметить, что, когда я держал его, чтобы с него стекла вода, она выливалась через отверстие на остром конце.

— Да, я заметил это.

— Теперь поднимите его и встряхните.

Я встряхнул и почувствовал, как внутри побрякивает какой-то тяжелый предмет.

— Внутри находится какое-то незакрепленное тело, которое заполняет почти все пространство, потому что движется только вдоль снаряда.

— Именно так, ваше описание превосходно. А теперь скажите, какова природа этого снаряда?

— Я бы сказал, что это миниатюрная гильза или разрывная пуля.

— Очень естественный вывод, но неверный, — покачал головой Торндайк.

— Тогда что это? — Мое любопытство все возрастало.

— Я покажу вам. Это нечто гораздо более тонкое, чем разрывная пуля, причем восхитительно задуманное и превосходно исполненное. Мы имеем дело с весьма изобретательным и одаренным человеком. Он, можно сказать, мой основной наниматель, ибо с обычным жуликом может справиться обычный полицейский!

Говоря это, Торндайк поместил маленький цилиндр между двумя блоками папиросной бумаги в тиски и туго зажал его там. Затем пилой для металла начал разрезать его вдоль на две не вполне равные части. Наконец дело было сделано, и он, достав цилиндр из тисков, продемонстрировал его мне с видом триумфатора:

— Ну, что вы об этом скажете?

Я взял цилиндр и рассмотрел его поближе, но был озадачен еще больше, чем прежде. Незакрепленное тело, как я теперь видел, было свинцовым цилиндром примерно полдюйма в длину, почти полностью заполнявшим внутреннюю часть большего цилиндра, но способным свободно скользить назад и вперед. Стальная точка, которую я заметил в отверстии на вершине конического кончика, оказалась остроконечным завершением тонкого стального стержня, который на целый дюйм вдавался в полость цилиндра, а сам конический конец был цельным и сделан из свинца.

— Итак? — спросил Торндайк, поскольку я продолжал молчать.

— Я бы сказал, что свинцовый поршень содержит капсулю, который толкает конец этого стального стержня, когда пуля прекращает свой полет.

— Очень хорошо. Вы правы в том смысле, что это механизм ударного патрона. Но посмотрите сюда. Вы видите, что этот стерженек сдвинулся внутри пули, когда она ударилась о стену. Давайте вернем его в первоначальное положение.

Торндайк установил плоский конец напротив конца стержня и сильно нажал на него, так что стержень выходил через отверстие, пока не выступил на дюйм из конусовидного кончика патрона. Затем снова передал этот предмет мне.

Один взгляд на конец стального стержня все разъяснил — «стержень» был трубкой с остро заточенным концом.

— Бесчеловечный мерзавец! — воскликнул я. — Это подкожная игла!

— Да. Ветеринарная подкожная, увеличенного диаметра. Теперь вы видите утонченность и изобретательность всего дела. Будь у него подходящий случай, он бы определенно добился успеха.

— Вы говорите с некоторым сожалением, — удивился я его странному отношению к убийце.

— Ничуть, — ответил он. — Я лишь восхищаюсь великолепной механической моделью, весьма эффективно выполненной. Обратите внимание на совершенство замысла и способ, с помощью которого было предусмотрено все необходимое. Этот снаряд был выпущен из мощного духового ружья в виде трости, снабженного нагнетательным насосом и кнопкой. Дуло ружья нарезное. Вы заметили маленький квадратный выступ на задней поверхности цилиндра? Очевидно, он был сделан, чтобы можно было вставить шайбу или пыж — вероятно, тонкую пластинку из мягкого металла, которая под давлением сзади сдвинулась в нарезные бороздки и таким образом придала вращающееся движение пуле. Когда пуля покинула ствол, пыж выпал, давая ей вылететь. Весьма изобретательно, как и весь замысел. Посмотрите, с каким совершенством все было предусмотрено, если не считать счастливой случайности в виде вашего присутствия, осложнившего ситуацию. Предположим, что я был бы один, тогда он смог бы подойти на более близкое расстояние и не промахнулся бы. Вы понимаете, каков был план?

— Полагаю, да, — ответил я, — но хотел бы услышать вашу трактовку.

— Видите ли, сначала он узнал, что я возвращаюсь поздним поездом, и стал ожидать меня на вокзале. Между тем он наполнил цилиндр раствором сильного алкалоидного яда, что было легко сделать, окунув иголку в жидкость и втянув ее через маленькое отверстие у заднего конца снаряда с помощью поршня. Дождавшись моего приезда, он последовал бы за мной на велосипеде, пока я не оказался бы в достаточно уединенной местности. Затем прошел бы рядом и выстрелил бы с достаточно близкого расстояния. Пуля, вращаясь, попала бы в цель, иголка проколола бы одежду и вонзилась в тело, а когда пуля внезапно остановилась бы, тяжелый поршень упал бы под воздействием собственного импульса и впрыснул ядовитую струю в ткани тела. Затем пуля высвободилась бы и упала на землю, а преступник взобрался бы на велосипед и исчез. Когда мое тело было бы найдено, все решили бы, что смерть наступила от сердечного приступа, так как следов насилия не наблюдается, а след от укола вряд ли кто заметил бы. Согласитесь, что весь план был разработан с поразительным совершенством и предусмотрительностью.

— Да, — ответил я, — несомненно, этот малый — адски умный мерзавец. Могу я спросить, есть ли у вас идеи относительно того, кто он?

— Ну, — ответил Торндайк, — учитывая, что умные люди, по недоброму замечанию Карлейля, не составляют подавляющего большинства, и что из умных людей, которых я знаю, лишь немногие заинтересованы в моей скорой кончине, я способен сформировать довольно правдоподобную гипотезу.

— И что вы собираетесь делать?

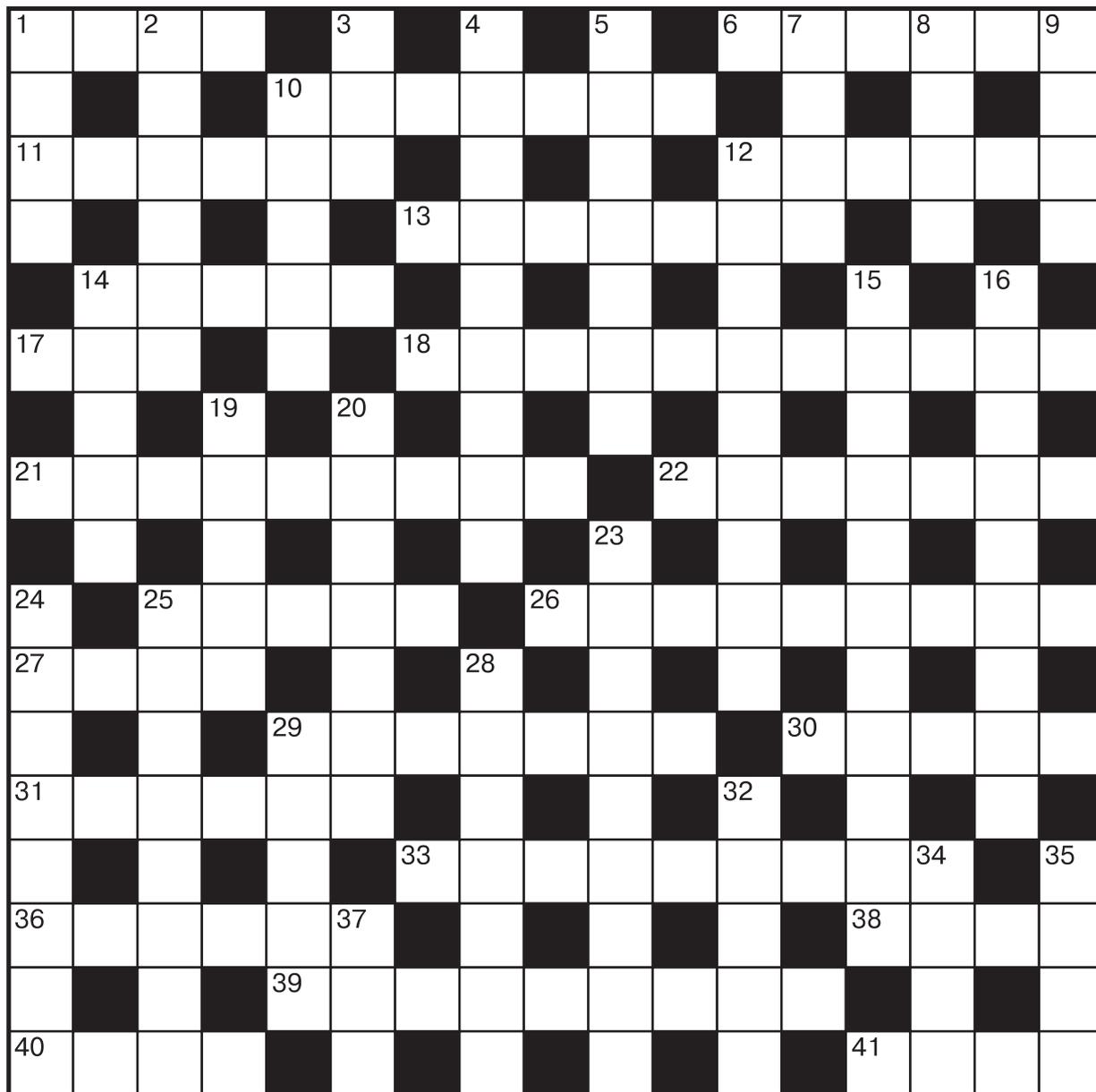
— В настоящий момент я занимаю позицию совершенного бездействия и избегаю ночного воздуха.

— Но, конечно, — воскликнул я, — вы примете некоторые меры, чтобы защититься от попыток такого рода. Теперь уже можно не сомневаться, что несчастный случай в тумане на самом деле был попыткой убийства.

— Я никогда не сомневался в этом, хотя и не признавался вам. Но в настоящий момент у меня нет достаточных свидетельств против этого человека, и, следовательно, я не могу ничего сделать, кроме как выказать свои подозрения, что было бы глупо. В то же время, если я буду сидеть тихо, случится одно из двух; или возникнет повод для моего устранения, или он выдаст себя — и даст в мои руки какую-либо улику. А затем мы найдем пневматическую трость, велосипед, возможно, небольшой запас яда и некоторые другие мелочи, что я держу в уме, которые будут хорошими подтверждающими свидетельствами, хотя и недостаточными сами по себе. А теперь, полагаю, я действительно должен распустить собрание, или завтра мы будем ни на что не годны. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Озвучка комара. **6.** У какого судна баржа на поводу идет? **10.** Шляпа киногероев Чарли Чаплина. **11.** Какая гора может дать прикурить? **12.** «Публика всегда требует от меня максимума. Это плата за славу, и очень жесткая плата» (великая оперная певица). **13.** Фильм с ковбойским коло-

ритом. **14.** Стол из класса. **17.** Покровительственный ... **18.** «Прирученное» единоборство. **21.** Где происходит действие рассказов из сборника «Листригоны» русского писателя Александра Куприна? **22.** Дворец, где хранят плащ и меч пророка Мухаммеда. **25.** Из-за него многие теряют голову. **26.** «Самый громкий»

домовой. **27.** «Мой долгосрочный ... — разбогатеть сразу». **29.** Кому компьютер дороже жизни? **30.** «Люди и созданы, чтобы друг друга мучить» (классический роман). **31.** Дебют с принесением жертвы. **33.** Какой помещик напоминал гоголевскому Чичикову медведя средней величины? **36.** Икорный рассол. **38.** Мистические карты, чье изобретение многие приписывают Каббале. **39.** Наука с прогнозами погоды. **40.** Какими деньгами расплачиваются в стране, больше других страдающей от цунами? **41.** Какой грызун бывает компьютерным?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что в Мюнхене подают в музыкальных кружках? **2.** Сколько жен лучше всего иметь этому властелину, песенно решает киногерой Юрия Никулина из фильма «Кавказская пленница». **3.** Глава клана итальянской мафии. **4.** «Неподходящее место», чтобы коней менять. **5.** «... любви нас ждет с тобою, не уходи, не уходи!» **7.** «Я б в Москве с киркой ... нашел при такой

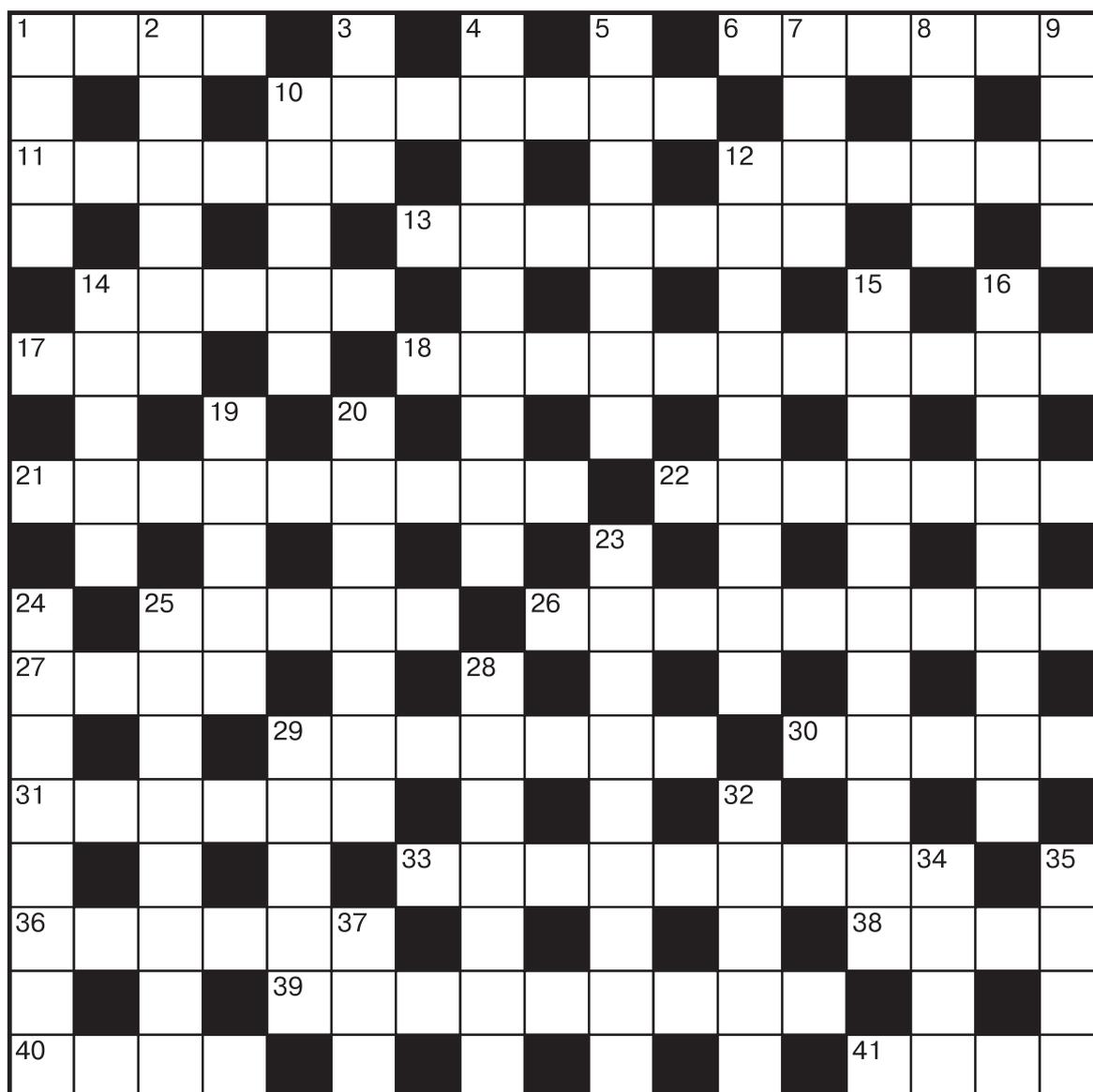
повышенной зарплате». **8.** «Внутренняя валюта» Эфиопии до Второй мировой войны. **9.** «Железной леди» Маргарет Тэтчер нравился Рональд Рейган и еще больше Гельмут Коль. Что являлось критерием оценки? **10.** Распластанный глобус. **12.** «Город с самыми красивыми девушками» из повести «Апельсины из Марокко» Василия Аксенова. **14.** «Заметался ... голубой, позабылись родимые дали». **15.** Камень, укрепляющий кровеносные сосуды. **16.** Сотрудник налоговой. **19.** Фруктовый «рогалик». **20.** Нотный стан родной речи. **23.** Какой глазной недуг китайская медицина лечит жемчужом? **24.** Что итальянцы поедают многими километрами? **25.** Под какой сыр в прошлом веке у итальянцев банки выдавали ссуду производителям? **28.** Какой гриб Владимир Солоухин обозвал «грибным Квазимодо»? **29.** «Засланец» хакера. **32.** «Религиозная столица» Саудовской Аравии. **34.** Что нельзя увидеть ни в одном казино Лас-Вегаса? **35.** «Ни слова правды». **37.** Иллюзионист в мужьях у Галины Брежневой.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Губка. **9.** Бульдог. **10.** Регби. **11.** Такси. **12.** Плотник. **13.** Вакса. **14.** Дагомыс. **16.** Баритон. **19.** Эдем. **21.** Кобура. **23.** Время. **24.** Размер. **25.** Бойкот. **26.** Джинн. **27.** Оклад. **29.** Внук. **31.** Алгебра. **33.** «Аэлита». **34.** Амели. **35.** Строй. **37.** Мундир. **39.** Виагра. **40.** Котлета. **41.** Мрак. **42.** Скряга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дуэль. **2.** Вьетнам. **3.** Политик. **5.** Ураган. **6.** Космос. **7.** Пегас. **8.** Обыск. **13.** Выговор. **14.** Доброжелатель. **15.** Кэрри. **16.** Бензоколонка. **17.** Вулканология. **18.** Тактика. **20.** Вменяемость. **22.** Десантник. **28.** Бра. **30.** Хаммам. **32.** Аммиак. **36.** Тара. **38.** Рот.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Последний замок в жизни короля Ричарда Львиное сердце. **6.** Место «между адом и раем» у мусульман. **10.** На каких лошадях прежде во Франции охраняли боевых быков? **11.** Венгерский фастфуд. **12.** Кого из русских адмиралов причислили к лику святых? **13.** Кастрюля, играющая

роль термоса для приготовленных блюд. **14.** Флорентийское палаццо, ставшее цитаделью семейства Медичи. **17.** Хаос из мифов древних египтян. **18.** Макароны «ракушки». **21.** Каким «чудесным даром» обладал святой падре Пио? **22.** Какая улица в Копенгагене сильно напоминает наш Арбат? **25.** Палес-

тинский кафтан. **26.** Охранник царской палатки во времена Александра Македонского. **27.** Литературный наставник Федора Тютчева. **29.** «От счастья остаются сожаленья, от горя — только чувство пустоты» (классик португальской поэзии). **30.** Богослужбная книга с биографиями святых. **31.** Какому античному поэту приписывают основание драматического жанра? **33.** «Волшебный фонарь». **36.** Последняя роль Татьяны Пельтцер на сцене Ленкома. **38.** Полуденный намаз. **39.** Какая цитадель Великобритании прослыла «самой непреступной крепостью» Старого Света? **40.** Парад в честь Диониса. **41.** С каким корейским островом связана легенда о расступающемся море?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Национальное покрывало на афганцах. **2.** Воин, что вонзил копье в сердце распятого Иисуса Христа. **3.** Популярная у узбеков фасоль. **4.** Боязнь попасть в преисподнюю. **5.** Пятицветный занавес в японском театре. **7.** Степень «доктора философии» у буддийских

монахов. **8.** Барный стакан. **9.** Какой из образов гениального Вацлава Нижинского певец Фредди Меркьюри избрал для одной из своих песен? **10.** «Почему генералы такие тупые? Потому что их набирают среди полковников!» (французский классик). **12.** От какого недуга страдал Бенджамин Франклин? **14.** Кто из мужей Анны Ахматовой стал завсегдаем богемного салона Лили Брик? **15.** Учение о переселении душ. **16.** Шотландский танец. **19.** Какой «Тигр» сделал из Льва Яшина вратаря экстра класса? **20.** Индийская лепешка с буйволиным молоком. **23.** Где в рецепте написано, как принимать данное лекарство? **24.** Положительное сальдо. **25.** Украинская безрукавка. **28.** Одно из трех кухонных помещений прежде на Руси. **29.** Польские футбольные фанаты. **32.** Первая женщина, ставшая членом английского парламента и участвовавшая в исторической встрече Бернарда Шоу с Иосифом Сталиным. **34.** Сеть для охоты на медведя. **35.** Сплав, смахивающий на золото. **37.** Самая большая из ядовитых змей.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Глефа. **9.** Головач. **10.** Приют. **11.** Амплъ. **12.** Бриолез. **13.** Днепр. **14.** Декупаж. **16.** Кантаор. **19.** Атан. **21.** Джороп. **23.** Упуат. **24.** Октаво. **25.** Блипер. **26.** Алмас. **27.** Клозе. **29.** Копа. **31.** Огмодон. **33.** Арброт. **34.** Парог. **35.** Андай. **37.** Дежнев. **39.** Куэлло. **40.** Тиберий. **41.** Сяку. **42.** Диггер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Монро. **2.** Голован. **3.** Баветте. **5.** Ломбер. **6.** Фолаут. **7.** Гранж. **8.** Дюспо. **13.** Даджалъ. **14.** Доппельгангер. **15.** Начос. **16.** Кастельбажак. **17.** Криптозоолог. **18.** Спартак. **20.** Лабанотация. **22.** Звездолет. **28.** Мор. **30.** Пардус. **32.** Назуки. **36.** Чоор. **38.** Вир.

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

